

Рид Майн

Юные охотники

Глава I ЛАГЕРЬ ЮНЫХ ОХОТНИКОВ

Близ слияния двух великих рек Южной Африки - Оранжевой и Вааль - виднеется лагерь юных охотников. Он стоит на южном берегу реки Оранжевой, в роще вавилонских ив, ветви которых, покрытые серебристыми листьями, ласково склоняются над водой и окаймляют оба берега величественной реки на всем ее доступном глазу протяжении.

Редкой красоты дерево эта вавилонская ива. Даже пальмы - принцы лесов едва ли превосходят ее изяществом очертаний. В наших краях ее вид навеивает печальные мысли: мы привыкли видеть в ней эмблему горя. У нас она называется плакучей ивой, и ее нежная листва серебряным саваном украшает наши могилы. Совсем иные чувства вызывает это прекрасное дерево на безводных плоскогорьях Южной Африки. В этой стране ручьи и реки - большая редкость, и плакучая ива, верный знак присутствия воды, здесь символ радости, а не эмблема печали.

И действительно, в лагере, расположившемся под ее тенью на отмели величавой Оранжевой реки, царит веселье: непрерывные взрывы звонкого и громкого смеха оглашают воздух и вызывают эхо на противоположном берегу.

Кто же смеется там так громко и весело? Юные охотники.

А кто они такие, эти юные охотники?

Давайте пойдем к лагерю и поглядим на них поближе. Сейчас ночь, но яркие вспышки костра позволят нам рассмотреть всех, кто сидит вокруг него. При его свете мы и набросаем их портреты.

Они тут в "полном составе" - все шестеро, и ни одному из них нет еще и двадцати лет. Все это мальчики в возрасте между десятью и двадцатью годами, хотя двое или трое из них, а может быть, и еще некоторые, воображают себя взрослыми мужчинами.

В троих из этой компании вы с первого взгляда узнаете старых знакомых. Это не кто иные, как Ганс, Гендрик и Ян, наши бывшие "лесные ребята".

С той поры, как мы видели их в последний раз, прошло несколько лет, и они порядком выросли, но ни один еще не достиг полной возмужалости. Хоть они уже больше и не "лесные ребята", но все же мальчики. Яна, которого обычно называли "маленьким Яном", называют по-прежнему - и не без причины. Если б он вытянулся во весь рост и стал бы на самые кончики пальцев, то и тогда его затылок едва-едва пришелся бы вровень с верхушкой четырехфутового шеста.

Ганс сделался выше, но, пожалуй, стал тоньше и бледнее. Два года он провел в колледже, где усердно корпел над книгами, и сильно отличился, получив по всем предметам первую награду. С Гендриком произошла заметная перемена. Он перерос своего старшего брата и ввысь и вширь и выглядит почти совсем взрослым. Ему около восемнадцати лет, он прям, как тростник, вид у него решительный и походка, как у военного. Оно и неудивительно: ведь Гендрик за это время больше года прослужил корнетом в полку капских конных стрелков и теперь еще состоит в этом звании, в чем нетрудно убедиться, взглянув на его шапку с золотым шитьем на околыше. Вот все, что можно сказать про наших старых знакомых, "лесных ребят".

Но кто же остальные трое, сидящие вместе с ними у костра? Кто их товарищи? А они, несомненно, не только их товарищи, но и друзья. Кто они? Скажем в двух словах: это ван Вейки, трое сыновей Дидрика ван Вейка.

А кто такой Дидрик ван Вейк? Это тоже нужно объяснить. Дидрик - очень богатый бурскотовод; каждый вечер в его обширные краали работники загоняют более трех тысяч

лошадей и крупного рогатого скота, а овцам и козам его и числа нет. Дидрик ван Вейк справедливо считается самым богатым буром-скотоводом во всем Грааф-Рейнете.

Большое поместье, или ферма, Дидрика ван Вейка граничит с фермой нашего старого знакомого, Гендрика ван Блоома; и вышло так, что Гендрик и Дидрик стали закадычными друзьями и неразлучными приятелями. Встречаются они раза по два на дню. Каждый вечер Гендрик отправляется верхом в крааль Дидрика или Дидрик - в крааль Гендрика ради удовольствия выкурить вместе по громадной пенковой трубке или же выпить по стаканчику брендвейна, настоянного на косточках из собственных персиков. Они и правда настоящие старые товарищи, ибо оба в молодости понюхали порошу и, как все старые солдаты, любят вспоминать разные случаи из своей военной жизни и заново переживать сражения, в которых когда-то участвовали.

Неудивительно поэтому, что их дети тоже близко сошлись друг с другом. Впрочем, между двумя семействами есть еще и узы родства: их матери были двоюродные сестры, так что их дети - так называемые троюродные, а это весьма многообещающий вид свойства, и никому не покажется странным, если в один прекрасный день связь между семействами ван Блоома и его друга ван Вейка станет еще более тесной и нежной. Дело в том, что у ван Блоома (как известно всему свету) есть дочка - прекрасная светловолосая, румяная Трейи; а ван Вейк - отец прехорошенькой брюнетки Вильгельмины - тоже единственной дочери. По игре случая, в каждом семействе оказалось по трое сыновей; но хотя мальчики и девочки слишком молоды, чтобы думать о браке, однако ходят слухи, будто семейства ван Блоома и ван Вейков в очень недалеком будущем породнятся между собой путем двойного брака и что оба приятеля, Гендрик и Дидрик, будто бы против этого отнюдь не возражают.

Я сказал, что в каждом семействе по три мальчика. Вы уже знаете ван Блоомов - Ганса, Гендрика и Яна. Теперь позвольте познакомить вас с ван Вейками. Их зовут Виллем, Аренд и Клаас.

Виллем - старший, и, хотя ему еще нет и восемнадцати лет, по виду он уже вполне сложившийся мужчина. И в самом деле. Виллем юноша весьма крупный, настолько крупный, что ему даже дали прозвище "Толстый Виллем". Его сила соответствует этим размерам - из всех молодых охотников он самый сильный. О своей внешности он не слишком-то заботится. Его одежда, состоящая из просторной домотканой куртки, клетчатой рубахи и необычайно широких кожаных штанов, свободно висит на нем и делает его еще толще, чем он есть. Даже широкополая войлочная шляпа и та сидит на голове, как гриб, а его болотные сапоги несоразмерно велики для ног.

Держится Виллем так же непринужденно, как свободна его одежда, и, хотя он силен, как лев, и знает это, он не обидит и мухи, а его мягкий и отзывчивый нрав сделал его любимцем всех окружающих. Толстый Виллем - славный охотник; его ружье, настоящий, самого крупного калибра голландский громобой, всегда при нем; кроме того, он носит с собой громаднейший пороховой рог и сумку, битком набитую свинцовыми пулями. Юноша обыкновенной силы зашатался бы под таким грузом, а Виллему хоть бы что.

Как вы, вероятно, помните, Гендрик ван Блоом тоже славный охотник, и шепну вам на ушко - между этими двумя Нимвродами¹ установилось нечто вроде соревнования; не скажу - соперничества, потому что для этого они слишком добрые друзья. Любимое оружие Гендрика - винтовка, тогда как громобой Толстого Виллема - гладкоствольное ружье; и оба приятеля, сидя у костра, часто вступают в горячие споры по поводу достоинств этих двух видов оружия. Однако споры их никогда не переходят границ приличия, потому что, как ни распущен и неряшлив Толстый Виллем по своему внешнему виду, по характеру он настоящий джентльмен.

Такой же джентльмен, но куда более подтянутый и изящный, второй из ван Вейков - Аренд. Его замечательная наружность и мужественная красота под стать самому Гендрику ван Блоому, хотя ни в чертах, ни в цвете лица между ними нет сходства. Гендрик - светлый блондин, а Аренд - очень смуглый, черноглазый и черноволосый. Да и все ван Вейки смуглые, так как принадлежат к той части голландских поселенцев, которых называют

иногда "черными голландцами". Но темный оттенок кожи очень идет к тонким чертам Аренда, и во всем Грааф-Рейнете не сыскать юноши красивее его.

Ходит слух, будто именно таково мнение красавицы Гертруды ван Блоом; но, вероятно, это только пустые сплетни, потому что прекрасной Трейи всего только тринадцать лет и, следовательно, ей еще рано иметь свое суждение по этому предмету. Впрочем, в Африке девушки развиваются рано, и кто его знает - может быть, тут что-нибудь да есть.

Одежда Аренда отличается хорошим вкусом и ладно сидит на нем. Это куртка из выделанных шкур антилоп-скакунов. Она не только изящно скроена и сшита, но и нарядно отделана узорами из кусочков красивого леопардового меха, широкие полосы которого тянутся вдоль наружного шва штанов, от поясницы до самой щиколотки, что придает всему его наряду богатый и эффектный вид. Головной убор Аренда такой же, как и у Гендрика ван Блоома: военная шапка, на околыше которой вышит золотом сигнальный горн и какие-то буквы; объясняется это тем, что Аренд, так же как и его троюродный брат, служит корнетом в полку капских конных стрелков и, несмотря на свою молодость, солдат он, конечно, лихой.

Нарисуем теперь двумя штрихами портрет Клааса. Клаас того же возраста, что и Ян, и одного с ним роста, но в их фигурах есть существенная разница. Ян, как вы знаете, худой и жилистый мальчуган, тогда как Клаас, напротив, широкоплечий, толстый и коренастый. Он так толст, что два с половиной Яна вряд ли составят одного Клааса.

На обоих надеты суконные куртки и штаны и небольшие широкополые шляпы; оба ходят в одну школу; во всем прочем они совсем не похожи друг на друга, но зато по части птицеловства и тому подобных подвигов оба они большие мастера. У каждого из них только по маленькому охотничьему ружью, и поэтому они не надеются убить антилопу или какое-либо другое большое животное; но, как ни малы их ружья, а мне жалко куропаток, цесарок и даже быстроногих дроф, если они, зазевавшись, подпустят к себе этих мальчиков на расстояние выстрела.

Я уже вскользь упомянул, что между охотниками Толстым Виллемом и Гендриком замечается своего рода охотничья ревность.

Такая же ревность, чуть приправленная завистью, издавна существует между обоими птицеловами и временами приводит их к взаимному охлаждению, которое длится, однако, совсем недолго.

Ганс и Аренд не завидуют друг другу и вообще никому на свете.

Ганс для этого чересчур философ; к тому же в знакомстве с естественной историей ему нет равных. Никто из его товарищей и не помышляет о такой учености; ему всегда принадлежит последнее слово во всяком научном споре, возникающем между друзьями.

Что касается Аренда, то он как будто даже не замечает своих достоинств. Красивый, храбрый, великодушный, он вместе с тем простой и скромный малый юноша, которого нельзя не полюбить.

Вот теперь вы знаете, кто такие молодые охотники.

Глава II

БУШМЕН ЧЕРНЫШ И КАФР КОНГО

Я уже говорил, что молодые охотники раскинули свой лагерь на южном берегу великой Оранжевой реки. Что же они там делают? Много долгих дней пути отделяет их от границ Капской колонии и еще более - от родного дома в Грааф-Рейнете. Поблизости нет никакого жилья. Ни один белый никогда не заходил так далеко, если не считать купцов; эти люди ради выгод меновой торговли проникают со своими караванами чуть ли не в самые центральные области Африканского континента. Изредка какой-нибудь бур-скотовод, кочуя со своими стадами в поисках пастбищ, случается, забредет в эту отдаленную страну; но тем не менее ее никак нельзя назвать населенной.

Что же делают в этой пустыне молодые ван Блоомы и ван Вейки? Наверно, они попросту отправились в охотничью экспедицию.

Эта экспедиция была давно задумана и долго обсуждалась. Со времени знаменитой охоты на слонов "лесные ребята" ни разу не гонялись за зверем. Гендрик был в полку, а Ганс и Ян занимались своими уроками. Аренд ван Вейк был вместе с Гендриком, а Клаас учился, как и Ян. Один только Толстый Виллем время от времени охотился на антилоп-скакунов и других животных, встречающихся в окрестностях ферм.

Теперь же они отправились в большую экспедицию, далеко за пределы населенной части колонии. Родители не противились их желанию. Мальчики получили полное их согласие, а также все необходимое снаряжение. У каждого была хорошая лошадь, и каждые три брата имели свой большой фургон для лагерных принадлежностей; эти же фургоны служили им палатками для ночлега. При каждом фургоне был свой возница и полная упряжка из десяти длинноногих буйволов; сейчас буйволы и небольшая свора сурового вида гончих находились тут же, в лагере; буйволы стояли привязанные к перекладинам фургонов, а собаки разлеглись вокруг костра. Лошади тоже были привязаны: одни - к колесам, другие - к растущим поблизости деревьям.

Кроме ван Вейков и ван Блоомов, в лагере находились еще два человека, вполне заслуживающих того, чтобы сказать о них несколько слов; они - важные участники экспедиции, без них фургоны превратились бы только в обузу. Это возницы фургонов, и оба они очень гордятся своей должностью.

В одном из возниц вы узнаете своего старого знакомого. Большая голова и выдающиеся скулы, между которыми помещаются плоские, широкие ноздри, маленькие раскосые глазки, короткие курчавые волосы, редкими пучками торчащие на громадном черепе, желтая кожа, приземистая, плотная фигура едва четырех футов ростом, скромно одетая в красную фланелевую рубаху и темные кожаные штаны, - все эти отличительные черты безошибочно напомнят вам старого приятеля: бушмена Черныша.

Это и правда Черныш; и, хотя не один год пролетел над обнаженной головой бушмена, с тех пор как мы видели его последний раз, никаких заметных перемен в Черныше обнаружить нельзя. Редкие кустики коричнево-черных, похожих на шерсть волос по-прежнему украшают темя и затылок Черныша, и они ничуть не стали реже; та же добродушная усмешка расплывается на его желтом лице; он все тот же верный слуга, тот же искусный возница, тот же мастер на все руки, каким был всегда. И, разумеется, Черныш правит фургоном ван Блоомов.

Возница фургона ван Вейков так же мало похож на Черныша, как, скажем, василек на медведя.

Во-первых, он на целую треть выше бушмена - ростом он более шести футов. На ногах у него не кожаные чулки - чулок он никогда не носит, - а сандалии: эта обувь ему более привычна.

Цвет лица у него темнее, чем у готтентотов, но не черный, а скорее бронзовый; и волосы на его голове хотя тоже немного смахивают на шерсть, но длиннее, чем у Черныша, и не так курчавы, чтобы можно было подумать, будто они собираются пустить корешки с обоих концов. Нос у Черныша приплюснутый, а у Конго - почти орлиный. Темные пронзительные глаза, ряд белых ровных зубов, губы умеренной толщины и прямой стан придают ему величественный вид в противоположность комической наружности бушмена, короткое и нескладное туловище которого и ухмыляющаяся физиономия вызывают невольный смех.

Одежда этого рослого дикаря не лишена изящества. Она представляет собой нечто вроде короткой туники, стянутой у пояса и спускающейся до середины бедер. Туника эта совсем особенная. Это как бы широкая драпировка или бахрома из длинных белых полос, но не сотканная вместе и не переплетенная между собой, а висящих свободно и густо. Это настоящая одежда дикаря, и состоит она всего-навсего из множества хвостов - белых хвостов антилопы гну, сшитых вместе у пояса и вольно спадающих во всю длину вдоль бедер. Что-то вроде накидки из таких же хвостов на плечах, медные кольца на щиколотках и тугие браслеты на запястьях, пучок страусовых перьев, развевающийся на голове, и нитка бус

вокруг шеи дополняют наряд кафра Конго - ибо именно к этому племени романтических дикарей и принадлежит возница ван Вейков.

"Что? - воскликнете вы. - Кафр - возница?" Вам даже трудно вообразить, что кафр - этот воин, как вы его себе представляете, - может исполнять такую лакейскую должность. Однако это так. Множество кафров нанимаются возницами в Капской колонии - можно сказать, тысячи; они там не отказываются от еще более унижительных обязанностей, чем править несколькими парами буйволов, что, кстати, в Южной Африке вовсе не считается чем-то недостойным; напротив, там сплошь и рядом сыновья самых богатых буров, сидя на козлах фургона, размахивают длинным бамбуковым бичом с ловкостью заправских погонщиков. Так что ничего нет удивительного в том, что кафр Конго служит возницей у ван Вейков. Он покинул родину, убежав от деспотического владычества кровожадного чудовища Чаки. Задев чем-то самолюбие этого тирана, Конго должен был спасать жизнь бегством; он направился к югу и нашел убежище и защиту у колонистов. Здесь он сумел стать полезным членом цивилизованного общества, хотя врожденное уважение к старым обычаям заставляло его по-прежнему носить одежду его страны - страны кафров-зулусов.

В этом не было ничего предосудительного, и никому не пришло бы в голову упрекнуть его за это. И теперь, когда Конго стоял, набросив на плечи, как римскую тогу, свой широкий каросс из леопардовых шкур, в серебристой тунике, грациозно спускавшейся до колен, украшенный металлическими кольцами, которые так и сверкали при свете костра, он представлял собой благородную фигуру, дикую, но живописную.

Кто мог бы укорить Конго за то, что ему хотелось показать свою стройную фигуру во всей красе национального наряда? Никто. Никто не завидовал красивому дикарю.

Впрочем, нет. Был один человек, не слишком-то расположенный к кафру. Был здесь кто-то, не любивший Конго, - соперник, который не мог равнодушно слышать расточаемые кафру похвалы. И этот соперник был Черныш. Мы уже упоминали о соперничестве между охотниками Гендриком и Виллемом и между Клаасом и Яном. И то и другое не могло идти в сравнение с той постоянной борьбой за первенство, которая завязалась между двумя погонщиками бушменом Чернышем и кафром Конго.

Черныш и Конго были единственными слугами, взятыми в экспедицию. Поваров и другой прислуги у молодых охотников не было. Состоятельный чиновник ван Блоом (ибо не надо забывать, что теперь он был главным должностным лицом своего округа) и богатый бур ван Вейк, конечно, легко могли предоставить целый штат служащих для каждой троицы охотников. Но, кроме двух возниц, у юношей никакой прислуги не было. И не по причине экономии. Вовсе нет. Просто оба старых солдата, Гендрик ван Блоом и Дидрик ван Вейк, были не из тех, кто склонен баловать своих сыновей излишней роскошью.

"Собрались на охоту, так пусть привыкают к лишениям", - сказали они и отправили в путь своих мальчиков, снабдив их только двумя фургонами, где хранилось все снаряжение и куда можно было складывать добычу.

Да молодые охотники и не нуждались в услугах: каждый умел сделать для себя все необходимое. Даже младшие знали, как снять шкуру и как зажарить на огне грудинку антилопы; другой же стряпни во время экспедиции и не требуется. Здоровому желудку охотника не нужны никакие соусы - их заменяет аппетит; а аппетит лучше всякого соуса, даже приготовленного каким-нибудь искусным поваром со всеми ухищрениями кулинарного искусства.

Молодые люди странствовали уже несколько недель, пока достигли этой стоянки, и хотя они много охотились, но крупной добычи, вроде жирафов, буйволов и слонов, им не попадалось, да и ни одного сколько-нибудь замечательного приключения у них не было. Дня два назад между ними возник большой спор о том, пересекать ли им Оранжевую реку и идти дальше на север в поисках камелопарда (то есть жирафа) и слонов или же по-прежнему следовать вдоль южного берега реки, охотясь за скакунами, каамами и другими видами антилоп.

В конце концов порешили продолжать двигаться на север, пока позволяет время,

ограниченное школьными каникулами и отпусками с военной службы.

Курс на север особенно привлекал Виллема, и Ганс его в этом поддерживал. Виллему очень хотелось добраться наконец до слонов, буйволов и жирафов. В этом роде охоты он был еще новичок: до сих пор ему ни разу не приходилось как следует поохотиться за такими гигантами. В то же время Ганс давно мечтал об экспедиции, в которой мог бы познакомиться с новыми, достойными изучения формами растительной жизни.

Как это ни удивительно, но Аренд подал голос за возвращение домой; и еще удивительнее, что охотник Гендрик присоединился к его мнению.

Но так как даже самые неразрешимые вещи поддаются разгадке, если рассматривать их тщательно и терпеливо, то не так уж трудно разгадать причину странного поведения обоих корнетов.

Ганс коварно намекнул, что, по всей вероятности, некая брюнетка, по имени Вильгельмина, играет какую-то роль в решении Гендрика; а неотесанный Виллем, всегда говоривший в открытую, так прямо и заявил, что Аренда тянет домой из-за Треи. В результате всех этих колкостей и намеков ни Гендрик, ни Аренд уже не противились путешествию на север, к слонам, и, покраснев до ушей, с радостью дали свое согласие, лишь бы только скорее прекратился этот неприятный разговор.

Клич "На север!" стал девизом юношей. На север, в страну длинношеих жирафов и могучих слонов!

Молодые охотники остановились на южном берегу Оранжевой реки, против всем знакомого брода, или переправы. Но река внезапно разлилась, и вот они расположились лагерем в ожидании, пока вода спадет и брод станет проходимым.

Глава III

КАК КОНГО ПЕРЕШЕЛ БРОД

На следующее утро молодые охотники встали чуть свет, и первое, на что обратились их взоры, была река. К их радости, вода спала на несколько футов, в чем они легко убедились по следам, оставленным ею на деревьях.

Реки Южной Африки, как и большинства тропических и субтропических стран особенно там, где местность гористая, - поднимаются и спадают гораздо стремительнее, чем в странах умеренного климата. Этот внезапный подъем объясняется громадным количеством воды, обрушивающимся за короткий срок во время тропических бурь, когда дождь идет не редкими мелкими каплями, а, тяжелый и сплошной, льет часами подряд, пока вся почва не пропитывается насквозь и всякая речонка не превращается в бурный поток.

О таких дождях дает представление наш летний грозовой ливень; его крупные частые капли в несколько минут превращают канаву в речушку, а колею от повозки - в быстрый ручей. К счастью, эти "спорые" ливни (случается, что во время такого ливня даже светит солнце) никогда не бывают продолжительны. Они у нас длятся не более получаса. Но вообразите, что такой дождь затянулся бы вдруг на целый день или на неделю! Если бы так случилось, мы стали бы свидетелями наводнения, столь же непредвиденного и страшного, какими бывают наводнения тропические.

Неожиданное понижение уровня в реках Южной Африки тоже легко объяснимо - их питают не ручьи и озера, как у нас, а главным образом облака. В тропиках реки редко берут начало от постоянных источников; когда нет дождя, им нечем питаться, и их уровень низко падает. Этому способствуют палящие лучи солнца, под которыми быстро испаряется вода, а также сухая почва, жадно поглощающая влагу.

Молодые охотники увидели, что Гарипа (таково туземное название Оранжевой реки) за ночь спала на несколько футов. Но как знать, можно ли через нее переправиться? Брод, которым пользовались готтентоты, бечуаны, торговцы и изредка буры-скотоводы, находился именно здесь, однако какова его глубина была теперь, никто из наших путешественников не имел понятия. Никаких знаков, по которым ее можно было бы определить, нигде не было

видно. Дно тоже нельзя было разглядеть, так как вода вследствие разлива стала желто-коричневого цвета. Может быть, тут было всего три фута глубины, может быть, шесть, а течение так быстро, что пускаться вброд, не удостоверившись предварительно в безопасности перехода, было более чем неблагоразумно.

Между тем всем хотелось скорей перейти реку. Но как сделать это без риска?

Гендрик советовал переправиться верхом. Если реку нельзя перейти, ее можно переплыть. Он вызвался переплыть первым. Толстый Виллем, не желавший уступить Гендрику в отваге, вызвался тоже. Но Ганс, самый старший и самый осмотрительный из всех, с советами которого всегда все считались, решительно этому воспротивился. Такой эксперимент может оказаться гибельным, сказал он. Если глубина тут большая, лошадям придется плыть, а стремительное течение может отнести их ниже брода, где берег высокий и крутой. Выбраться из реки там невозможно, и лошадь со всадником утонут.

Кроме того, доказывал Ганс, если всадник даже и выплывет на другой берег, то буйволы с фургонами все равно не переплывут, а отправляться без них нет никакого смысла. Поэтому лучше немного подождать, пока река не войдет в свои берега. Убедиться в этом можно по прекращению убыли воды, и выяснится это не далее, как завтра, так что потеряют они всего только один день.

Ганс рассуждал здраво, и совет его был умный. Гендрик и Толстый Виллем должны были признать его правоту и согласиться с его доводами. Но Виллему так хотелось поскорей добраться до слонов, бизонов и жирафов, что он готов был решиться на переправу не глядя ни на что. Гендрик склонялся к тому же просто из любви к приключениям - главным недостатком Гендрика была его чрезмерная храбрость.

Несомненно, оба рискнули бы переправиться вплавь, если б не упряжки, перетаскать которые было немислимо. Поэтому юноши волей-неволей согласились подождать еще один день.

Однако им не пришлось ждать не только дня, но даже и часа. Через час фургоны, буйволы и они сами уже прошли брод и двигались по равнине, расстилавшейся на том берегу.

Что же заставило их так неожиданно изменить свое решение? Каким образом убедились они, что брод проходим? Этим они были целиком обязаны кафру Конго.

Пока молодые люди спорили, Конго стоял на берегу и один за другим бросал в воду большие камни. Все подумали, что он просто забавляется или же совершает какой-нибудь дикарский обряд, и не придали этому ни малейшего значения. Один только Черныш внимательно следил за действиями кафра, и выражение его лица изобличало самый живой интерес.

Наконец несколько грубых восклицаний и громкий, презрительный смех бушмена обратили на Конго внимание молодых охотников.

- Эй ты, долговязый дурак! Глубину меришь? Вот выдумал, глупая твоя башка! Ха-ха-ха! Ну и болван! Ха-ха-ха!

Кафр даже бровью не повел, услышав эти оскорбительные речи. Он спокойно продолжал бросать камни, но бросал их не как попало, а с каким-то определенным расчетом. Молодые люди, заметив это, тоже стали за ним наблюдать.

Как только камень падал в воду, Конго каждый раз быстро нагибался, прикинул ухом чуть ли не к самой воде и, застыв в этой позе, казалось, вслушивался в звук падения. Когда звук замирал, он бросал новый камень, но уже на более дальнее расстояние, потом опять нагибался и слушал.

- Что это затеял ваш кафр? - спросил Гендрик у Виллема и Аренда, которые были хозяевами Конго и лучше других должны были разбираться в его поступках.

Те, однако, тоже были в недоумении. Наверно, это какое-нибудь заклинание Конго знает их множество. Но ради чего все это делается? Бог его ведает. Впрочем, предположение Черныша казалось им правдоподобным - кафр как будто и на самом деле вымерял глубину брода.

- Послушай, Конго! - крикнул Толстый Виллем. - Что это ты там делаешь, старина?

- Молодой хозяин! Конго смотрит, очень ли тут глубоко, - ответил кафр.

- А разве так можно узнать?

Кафр утвердительно кивнул головой.

- Тьфу! - воскликнул Черныш, которому стало завидно, что его соперник возбуждает к себе интерес. - Ничего этот старый дурак не добьется, всё одни глупости!

Конго оставил без внимания эти насмешки, хотя, конечно, они его задевали, и продолжал бросать камни, стараясь, чтобы каждый следующий упал дальше предыдущего.

Наконец, когда последний камень упал на расстояние одного или двух ярдов от противоположного берега реки, ширина которой была здесь более ста ярдов, он отошел от берега и, обратившись к молодым охотникам, заявил твердо, хотя и почтительно:

- Минхеры, брод можно перейти сейчас.

Все недоверчиво посмотрели на него.

- Какая тут глубина, как ты думаешь? - спросил Ганс.

Вместо ответа кафр положил руки на бедра. Это обозначало: "Вот досюда".

- Долговязый! Да тут в два раза глубже! - сердито крикнул Черныш. - Видно, ты хочешь нас утопить, старый дурак?

- Тебя утопить недолго, а больше я никого не утоплю! - ответил кафр и презрительно скривил губы, меряя взглядом низкорослого бушмена.

Молодые охотники громко расхохотались. Черныш почувствовал укол и несколько растерялся.

- Как же, болтай больше, старая рожа! - сказал он наконец. - Какой умник целое представление устроил! Фургоны пропадут, несчастные буйволы утонут тебе этого хочется? Вода ему по пояс, ишь что выдумал! Коли по пояс, так лезь в воду, сам лезь! Ха-ха!

Черныш вообразил, что этим вызовом он нанес кафру сокрушительный удар. Конечно, Конго не отважится пуститься вброд, хоть и уверяет, будто тут неглубоко. Однако надеждам Черныша не суждено было сбыться; его ожидало полное посрамление.

Охотники с любопытством смотрели на Конго: как-то он поступит? Но Черныш не договорил еще своих насмешливых слов, как кафр, бросив быстрый взгляд на юношей, вдруг круто повернулся и в два прыжка сбежал к реке.

Все поняли, что он собирается переправиться на тот берег. Многие вскрикнули, требуя, чтобы он отказался от своей затеи.

Но в зулусе уже разгорелся дух отваги - он даже не слышал предостерегающих криков. И все же он не кинулся в реку очертя голову, а приступил к своему делу обдуманно и осторожно. Перед тем как войти в воду, он подобрал с земли громадный камень, весивший не менее пятидесяти килограммов. К общему изумлению, он поднял этот камень высоко над головой и, выпрямившись во весь рост, смело шагнул в воду.

Скоро всем стало ясно, для чего понадобился ему этот камень: своим добавочным весом он помогал ему бороться с быстрым течением. Остроумная выдумка Конго увенчалась полным успехом, и, несмотря на то что вода местами доходила ему до пояса, не прошло и пяти минут, как уже он, целый и невредимый, стоял на другом берегу.

Его приветствовали восторженные крики, к которым только Черныш не присоединил своего голоса. А когда кафр благополучно вернулся тем же путем, он был встречен новым взрывом восторга. Тотчас буйволы были запряжены, молодые люди вскочили на вмиг оседланных лошадей, и скоро фургоны, буйволы, собаки, лошади и охотники беспрепятственно перешли реку и продолжали свой путь на север.

Глава IV

ПАРА ЧЕРНОГРИВОК

Пока молодые охотники следовали вдоль южного берега Гарипы, их путешествие не отличалось обилием приключений; но как только они немного продвинулись на север,

произошло событие, достаточно интересное, чтобы быть отмеченным в этом рассказе. Случилось это во время первого же привала после переправы.

Местом для привала молодые люди выбрали отлогий спуск к ручью, протекавшему посередине обширной равнины; к их услугам тут были и трава и вода, но, к сожалению, довольно неважные.

На голой равнине кое-где виднелись заросли низкого кустарника, а между ними местами торчали конусообразные постройки термитов, возвышавшиеся на несколько футов над землей.

Охотники только что отпрягли и пустили пастись своих буйволов, как вдруг раздался испуганный голос Черныша:

- Львы! Львы!

Все посмотрели, куда указывал Черныш. На открытой равнине, недалеко от того места, где паслись буйволы, действительно стоял лев, большой и черногривый. Позади него росли кусты, из-за которых он вышел, увидав буйволов. Пройдя несколько шагов, лев улегся на траву; теперь он следил за буйволами, как кошка за мышью или как паук за беспечной мухой.

Молодые люди не успели толком рассмотреть его, как из-за кустов показался другой и быстрым, бесшумным шагом направился к своему товарищу. Мне следовало бы указать "направилась", потому что второй зверь был не лев, а львица, о чем свидетельствовало отсутствие гривы.

Ростом львица только немногим меньше льва, но ничуть не менее его свирепа и очень опасна для всякого, с кем бы ей ни довелось повстречаться.

Приблизившись к льву, она сначала легла возле него, но скоро оба поднялись и, как две громадные кошки, уселись, подобрав хвосты и обратившись лицом к лагерю и буйволам, с которых они не сводили голодного взгляда.

Охотники, погонщики и собаки - все были у них на виду, но что было львам до них, когда соблазнительная добыча находилась перед глазами! Они несомненно замыслили нападение, если не сейчас, то как только подвернется удобный случай, и уже предвкушали, как сытно они поужинают мясом буйвола или кониной.

Это были первые львы, встреченные охотниками за все их путешествие. Следы львов они видели, и раза два страшное рыкание раздавалось ночью около лагеря, но собственной персоной царь зверей, да еще со своей царицей, появился перед ними впервые. Естественно, что их присутствие вызвало среди молодежи немалое волнение. Не будем скрывать, что это волнение сильно походило на панику.

Прежде всего охотники трепетали за собственную жизнь, причем бушмен и кафр тоже разделяли их страх. Но скоро они немного успокоились: львы очень редко нападают на людей. Им нужны только находящиеся в лагере животные, и, пока эти животные тут, львы не бросятся на их хозяев. Непосредственной опасности как будто не было, и к нашим охотникам вернулось самообладание.

Однако нельзя же допустить, чтобы эти кровожадные звери растерзали буйволов! Никак нельзя! Необходимо что-то сделать для их безопасности. Нужно немедленно построить крааль и загнать в него скотину.

Львы сидели не шевелясь, но в угрожающих позах. Они находились на порядочном расстоянии - не меньше чем в пятистах ярдах, - и было сомнительно, чтобы они напали на буйволов, которые паслись около самого лагеря. Возможно, вид огромных фургонов пугал их и пока что удерживал от нападения. Львы или надеялись, что буйволы, щипля траву, подойдут к ним ближе, или выжидали время, когда тьма поможет им подкрасться незаметно.

Как только выяснилось, что львы не собираются немедленно броситься на них. Виллем и Гендрик вскочили на лошадей, осторожно проехали позади буйволов и перегнали их на другую сторону ручья. Здесь Клаас и Ян сбили их в стадо, а тем временем остальные, включая Черныша и Конго, вооружились топорами и секачами и направились к ближайшей заросли колючего кустарника "не тронь меня". Не прошло и получаса, как было нарублено

достаточное количество кустов, которые вместе с фургонами образовали надежный крааль. Сюда были загнаны лошади и буйволы - первых накрепко привязали к спицам колес, а последним предоставили свободно бродить внутри загородки.

Теперь охотники почувствовали себя в безопасности. У обоих концов краалья они разожгли большие костры, хотя и знали, что огонь не вечно будет держать львов в отдалении.

Но юноши полагались на свои ружья; а так как спать они решили под брезентовой крышей фургонов, наглухо застегнув фартуки переднего и заднего входов, то опасаться им было нечего. Лев должен быть уж очень голоден, чтобы рискнуть пробиться в такой крепкий крааль, а ворваться в фургон, как бы ему ни хотелось есть, он никогда не отважится.

Удостоверившись, что все меры безопасности приняты, охотники расположились у одного из костров и приступили к приготовлению обеда, вернее обеда-ужина, потому что длинный переход этого дня помешал им пообедать раньше, и теперь обе трапезы соединились в одну.

Оказалось, что, кроме вяленой говядины, готовить им почти нечего. За время долгой стоянки у переправы истощился запас свежего мяса антилопы, которую они убили за несколько дней перед тем. Правда, у них оставалась еще одна свежая туша, но это была туша самца болотной, или тростниковой, антилопы, названной так из-за ее привычки держаться в высоких зарослях тростника по берегам рек. Эту антилопу застрелил Гендрик после того, как, перейдя брод, они пробирались сквозь пояс таких зарослей. Тростниковая антилопа - или болотный козел, как еще ее называют натуралисты, - совсем маленькая. Ростом она меньше трех футов и с виду очень похожа на антилопу-скакуна, только шкурка ее грубее - пепельно-серая на спине, серебристо-белая на брюхе. И рога у нее не лировидные, как у газели, а широко расставленные и растут сначала прямо вверх, а потом угрожающе загибаются кончиками вперед. В длину они около двенадцати дюймов, витые у основания, с выпуклыми валиками посередине, гладкие к концам. Этот вид антилоп, как указывает название, селится в заросших тростником низинах у берегов ручьев и рек, и пищу их составляют травы, растущие в сырых и болотистых местах. Поэтому мясо их хуже, чем у большинства южноафриканских антилоп. Молодым охотникам оно не нравилось; они предпочитали ему даже бильтонг. Все же они его не выбросили и предоставили лакомиться им менее взыскательным Чернышу и Конго.

Конечно, Гендрик и Виллем охотно отправились бы на поиски антилоп или какой-либо другой дичи, но присутствие львов мешало этому. Молодым людям пришлось удовольствоваться куском бильтонга, и вот каждый, вооружившись коротким прутом вместо вертела, принялся жарить свою долю на углях.

Все это время лев и львица не покидали выбранной ими позиции посреди равнины; они, казалось, ни разу не шевельнулись. Они терпеливо ждали приближения ночи.

Толстый Виллем и Гендрик находили, что на львов надо напасть самим, но осторожный Ганс отсоветовал, напомнив им наказ, данный при отъезде их отцами. Наказ этот гласил: никогда не нападать на льва без крайней необходимости, а, наоборот, если только обстоятельства позволяют, непременно обходить "старого вояку" как можно дальше. Всем хорошо известно, что лев редко кидается на человека, если тот не нападает на него первый. Совет, данный Гансом молодым охотникам, был основательный и резонный, и им снова пришлось уступить.

До захода солнца оставалось часа два. Львы неподвижно сидели на траве, и охотники пристально за ними следили.

Вдруг их внимание привлек новый предмет. Далеко на равнине показалась пара удивительных животных, одинаковых по виду, только чуть отличавшихся размером и окраской. Они медленно приближались к лагерю. Оба были ростом с обыкновенного осла, а бурый или серовато-желтым оттенком шерсти сильно напоминали одного из его диких родичей. Очертания их тел были красивее, чем у осла, хотя они вовсе не казались грациозными или стройными. Напротив, фигуры их были плотны, округлы и внушительны.

Готовы же и морды были разрисованы самым странным образом. По белому фону шли четыре темные полосы, расположенные так, что получалось впечатление, будто на них надето сделанное из черной кожи наголовье уздечки.

Первая из этих полос спускалась вдоль лба, другая - от глаз к углам рта, третья охватывала нос, а четвертая, как настоящий подбородник, сбегала от основания ушей под горло, чем окончательно довершилось сходство с недоуздкой.

Еще обращали на себя внимание откинутаая назад грива, темная спина и длинный черный пушистый хвост. Главным признаком, по которому их сразу можно было отличить от всех других животных, были великолепные рога. Рога эти, фута в три длиной, прямые и тонкие, были загнуты назад и лежали почти параллельно спине. Их кончики были остры, как стальные стрелы. У обоих рога были глубокого черного цвета и блестели, как полированное черное дерево. По размеру они несколько различались друг от друга, но что удивительно - у меньшего животного рога казались длиннее, чем у более крупного. Рога у самки были длиннее, но слабее развиты, чем у самца. Молодые охотники без труда определили породу этих животных. С первого взгляда они узнали прекрасного орикса, или сернобыка, - одного из прелестнейших животных Африки и красивейших существ на свете.

Глава V

ЛЕВ ПОДСТЕРЕГАЕТ СЕРНОБЫКА

Когда молодые охотники увидели оленей - так капские колонисты называют орикса, - первой мыслью их было убить или захватить живьем хотя бы одного из них. Шедшие по равнине животные представляли собой прекрасное зрелище, но наши охотники предпочитали видеть их на вертеле - уж очень вкусно (а они хорошо это знали!) мясо этого оленя, вкуснее, чем всякой другой антилопы, за исключением разве канны.

Итак, первой мыслью охотников было раздобыть себе на ужин олень жаркое. Может быть, ужин их немного бы и запоздал, но зато оленина настолько вкуснее сухого бильтонга, что они согласны были подождать.

Ломти тонко нарезанного мяса, уже наполовину зажаренные, были мгновенно отброшены, в руках вместо прутьев-вертелов оказались ружья.

Но как действовать, чтобы добиться успеха?

Вряд ли удастся подкрасться к сернобыкам незаметно: они принадлежат к числу самых осторожных антилоп и редко подходят близко к какому бы то ни было укрытию - ведь за ним всегда может таиться враг. А если их вспугнуть, то они пускаются вскачь куда глаза глядят и спасаются в открытой пустыне, которая для них родной дом. Всего труднее подкрасться к ним, и охотники редко избирают этот способ. Перехватить на скаку их можно лишь на очень быстрой лошади, да и то после отчаянной гонки. И даже от самой быстрой лошади, они нередко удирают, потому что в первом порыве одну - две мили они летят как ветер. Однако хорошая лошадь выносливее их, и умелый наездник может через некоторое время их догнать.

Схватив ружья, охотники тотчас подумали о лошадях. Что же делать - скорей седлать и мчаться за ориксами? Так бы они без долгих размышлений и поступили, если б не увидели, что сернобыки сами направляются им навстречу. Если сернобыки подойдут достаточно близко, не придется даже двигаться с места. Добыча сама окажется на расстоянии выстрела и избавит их от неудобств погони. Это было бы всего лучше, так как охотники изголодались, а лошади были утомлены после трудного дневного перехода.

Желанный исход казался очень вероятным - антилопы продолжали приближаться. Стоянка была хорошо скрыта за кустами. Только дым от костра выдавал ее присутствие, но антилопы могут его не заметить, а если и заметят, то, пожалуй, не испугаются. Кроме того, ручей протекал совсем рядом, и Виллем с Гендриком были уверены, что сернобыки держат путь к воде. Однако ученый Ганс поколебал их в этом убеждении, сказав, что сернобыки мало нуждаются в воде, хотя и не упустят случая напиться. Возможно, что антилопы

направляются и не к ручью. Охотникам не следует на это рассчитывать.

Но, так или иначе, сернобыки несомненно приближались к стоянке. Они шли прямо на нее и были уже меньше чем в тысяче ярдов. Они подойдут раньше, чем охотники успеют оседлать лошадей, если только, испугавшись дыма, ориксы не бросятся наутек. Поэтому молодые люди оставили всякую мысль о погоне и, добравшись ползком до опушки, засели в кустах, ожидая появления антилоп.

Те всё шли и шли вперед, не подозревая об опасности. Они, видимо, еще не заметили дыма, иначе непременно обнаружили бы признаки любопытства или испуга. К счастью, животные двигались по ветру, а не то острое обоняние давно предупредило бы их о близости охотничьей стоянки. Но этого не случилось, и они продолжали тем же медленным, ровным шагом приближаться к кустам, где шесть черных дул - целая батарея ружей - ждали их, чтоб дать по ним залп.

Однако ни одному из сернобыков не суждено было погибнуть от свинцовой пули. Смерть, внезапная и страшная, ждала их обоих, но не от руки человека. Она подстерегла их совсем в другом месте.

Глаза охотников, прикованные к приближавшимся антилопам, на время оторвались от львов; однако те, переменив позу, опять привлекли к себе внимание охотников. До сих пор львы сидели неподвижно, подобрав хвосты, но вдруг юноши увидели, что они разом распластались, как бы стараясь спрятаться в траве, и головы их повернулись в сторону сернобыков. Занятые созерцанием буйволов, львы заметили антилоп, лишь когда те подошли ближе, и теперь оба приготовились к нападению.

Но антилопы шли на лагерь, а не на львов, и если они почему-либо не свернут с дороги, то тем не придется ими поживиться. Сернобык легко спасается от льва, потому что лев тяжел и скоро устает на бегу; схватить добычу он может только в два - три неожиданных прыжка или же остается ни с чем. Поэтому, если львам не удастся улучшить свою позицию, добравшись до антилоп на расстояние прыжка, их шансы поужинать будут весьма слабы.

Львы это знали и теперь всеми способами старались поближе подобраться к антилопам. Охотники увидели, что лев тронулся с места и пополз наперерез антилопам, стараясь оказаться на их пути к лагерю. Благодаря ряду ухищрений - то низко приседая в траве, как кошка, которая охотится за куропаткой, то останавливаясь на мгновение за кустами или позади термитника, чтобы кинуть быстрый взгляд на свою жертву, то проворно перебегая к следующему холму он наконец достиг высокого термитника, стоявшего прямо на дороге, по которой шли сернобыки. Казалось, он был доволен своей позицией, потому что тут он остановился и тесно прижался к основанию холма. Из-за края высывалась в сторону антилоп только небольшая часть его головы. Охотникам же из их засады в чаще отлично были видны вся фигура и каждое движение льва.

Но где же находилась львица? У кустов, где юноши ее впервые обнаружили, ее уже не было. Куда же она пошла? Вслед за львом? Нет. Она направилась почти в противоположную сторону. Наблюдая за действиями льва, охотники выпустили ее из виду. Теперь же, когда лев остановился, они стали искать глазами его товарку и обнаружили ее далеко на равнине. Львица продвигалась тем же способом, что и лев: то ползла по траве, то торопливо перебежала от куста к кусту, останавливаясь на момент за каждым из них, и было ясно, что цель ее - оказаться в тылу антилоп.

"Тактика" львов была теперь понятна. Лев должен был укрыться в засаде при дороге, а львица, сделав круг и очутившись позади антилоп, - гнать их навстречу льву; в случае же, если они испугаются и побегут обратно, за ними бросится лев и погонит обезумевших от страха животных назад, прямо в когти львице.

Маневр был точно рассчитан, и, хотя молодые люди рисковали лишиться добычи, их так заинтересовали действия хищников, что теперь они думали только о том, как бы досмотреть зрелище до конца.

Место для засады было выбрано очень удачно, и через несколько минут в успехе львиного предприятия не оставалось уже никаких сомнений.

Сернобыки медленно, но верно приближались к термитнику, время от времени помахивая черными пушистыми хвостами; последнее отнюдь не означало, что они чувствуют опасность - просто они сгоняли мух со своих боков.

Львица успешно закончила свой большой обход и теперь кралась вслед за сернобыками, хотя и далеко позади них.

Когда антилопы подошли еще ближе, лев вобрал голову в плечи и почти спрятал ее под своей черной косматой гривой. Вряд ли они могли его увидеть, но и он уже не видел их и теперь мог полагаться только на свой слух, который должен был оповестить его о моменте, удобном для нападения.

Но лев не спешил; он ждал, когда обе антилопы окажутся прямо против него, не далее чем в двадцати шагах от термитника. Момент этот наступил. И вдруг два сильных, коротких удара хвостом, голова внезапно дернулась вперед, все тело вытянулось так, что стало чуть ли не в два раза длиннее, и в следующую секунду лев, как птица, взвился в воздух! Гигантским прыжком покрыв пространство, отделявшее его от ближайшего сернобыка, лев вскочил на круп обезумевшего от страха животного. Один удар мощной лапы опрокинул антилопу на землю, другой последовал почти в ту же секунду, и вот ее безжизненное тело уже лежит распростертое на траве!

Не обращая внимания на вторую антилопу или, может быть, решив расправиться с нею после, лев сел на спину своей жертвы и, вонзив клыки в ее горло, принялся сосать теплую кровь.

Сернобык, которого повалил лев, был самец - случайно он оказался ближе к термитнику.

Самка, как только лев бросился на ее товарища, в страхе отскочила в сторону, и все думали, что она тотчас обратится в бегство. Но, ко всеобщему удивлению, этого не случилось. Не такова натура благородного сернобыка. Оправившись от первого испуга, самка повернулась лицом к врагу и, опустив голову до самой земли, выставив вперед свои длинные рога, собрала все силы и ринулась прямо на льва! Тот, упивавшийся своим кровавым напитком, не заметил ее. А когда он почувствовал, как два копыта пронзили его, было уже поздно: после этого он вряд ли вообще что-нибудь чувствовал.

Еще несколько мгновений продолжалась беспорядочная борьба, в которой оба, и лев и сернобык, казалось, принимали участие; но движения обоих были так порывисты и картина менялась так быстро, что зрители не могли разобрать, что, собственно, происходит. Рыкания льва уже не было слышно, его заменил пронзительный голос львицы, которая, громадными скачками примчавшись на поле сражения, тотчас вмешалась в бой.

Одно прикосновение ее когтей повергло самку сернобыка на землю и положило конец битве; и вот львица уже стоит над жертвами, издавая победные крики.

Но победные ли они? Что-то в них слышится необычное, и сама львица ведет себя как-то странно. Происходит что-то непонятное... Почему молчит лев? Рев его прекратился, он лежит на боку, обхватив лапами труп самца, и как будто пьет его кровь. Однако он совершенно неподвижен, ни один мускул не шевелится, и даже дрожь не пробегает по его рыжим бокам; не заметно и дыхания - никаких признаков жизни.

Неужели он мертв?

Глава VI РАЗГНЕВАННАЯ ЛЬВИЦА

Да, все тут было загадочно. Лев продолжал лежать. Он не шевельнулся ни разу и не издал ни единого звука, а между тем львица, испуская пронзительный вой, металась взад и вперед вокруг беспорядочной груды тел. Она и не подумала приняться за еду, хотя окровавленная добыча лежала перед ней. Вряд ли она воздерживалась из страха перед своим повелителем. Или, может быть, он действительно желал один съест обе туши?

Иногда так бывает. Иногда старый самец, как эгоистичный тиран, не подпускает к

пище более молодых и слабых членов своей семьи, пока сам не наестся до отвала, оставляя им жалкие остатки своей трапезы.

Но вряд ли так было сейчас. На земле валялись две нетронутые жирные туши, которых вполне хватило бы на двоих. Кроме того, львица несомненно была товаркой льва - его супругой. Вряд ли он стал бы так с нею обращаться. Среди человеческих существ, как я, к сожалению, должен отметить, примеры такого эгоизма, такой грубой нелюбезности отнюдь не редки. Но молодые охотники никак не хотели поверить, чтобы лев мог быть виновен в подобной низости: ведь лев - воплощенное благородство. Не может этого быть! Однако что же тогда происходит?

Львица, рыча, сновала взад и вперед, то и дело наклоняясь над головой своего друга, прижимаясь носом к его носу и как бы целуя его. Напрасно! Он не отвечал ей ни звуком, ни движением. Наконец охотники, подождав еще некоторое время и видя льва по-прежнему недвижимым, окончательно убедились, что он мертв.

Он был мертв - мертв, как придорожный камень! Мертвы были и оба сернобыка. Одна львица осталась в живых после кровавой битвы.

Когда в этом больше не оставалось сомнений, молодые люди начали совещаться, как им поступить. Нужно было во что бы то ни стало забрать туши антилоп, но, пока львица не ушла, сделать это было невозможно.

Отгонять ее в эту минуту было бы в высшей степени опасно. Она была разъярена до безумия и бросилась бы на всякого, кто оказался бы в ее соседстве. Злобный вид, с каким она шагала, хлеща себя по бокам, ее свирепый и решительный взгляд, громкое, грозное рыкание - все говорило о ее бешеной ярости. В каждом ее движении была угроза. Охотники видели это и благоразумно отошли поближе к фургонам на тот случай, если она вдруг двинется в их сторону.

Юноши решили подождать, пока львица не покинет мертвого льва, и тогда перетащить антилоп в лагерь.

Но они ждали и ждали, а в поведении рассвирепевшей львицы не замечалось никаких перемен. Она по-прежнему ходила вокруг груды тел, не прикасаясь к тушам сернобыков. По выражению одного из охотников, львица вела себя, "как собака на сене": сама не ела и другим не давала.

Это замечание, сделанное маленьким Яном, вызвало общий смех, прозвучавший странным контрастом рядом с горестным воем львицы, от которого трепетали все животные в лагере. Даже собаки забились глубоко под фургоны или жалась к ногам своих хозяев. Правда, эти верные животные, если б их натравить, мужественно ринулись бы в бой с львицей, несмотря на ее внушительные размеры. Но молодые охотники хорошо знали, что собака в когтях разъяренного льва - все равно что мышь в когтях у кошки. Поэтому они не собирались натравливать собак, не попытавшись сначала одолеть львицу сами; но от этого их удерживал Ганс и особенно наказ родителей, полученный перед отъездом из дому. Связываться с львицей, казалось, вообще не стоило: все надеялись, что она скоро уйдет прочь, бросив добычу или хотя бы часть ее на месте.

Однако время шло, а львица и не думала удаляться. Тогда, отчаявшись поужинать свежим мясом, юноши снова принялись жарить кусочки вяленой говядины.

Молодые охотники только что взяли за еду, как вдруг на поле недавней битвы явились новые пришельцы. На равнине показалось с полдюжины гиен; опасаясь львицы, они не подходили к тушам, но остановились невдалеке, и их голодные взгляды красноречиво говорили, что им здесь нужно.

Присутствие этих отвратительных животных сильно осложнило положение. Если львица даст им поживиться антилопами, то очень скоро от туш не останется и кусочка. Между тем охотники, хоть и потеряли надежду поужинать олениной, все же рассчитывали, что рано или поздно она им достанется. Невозможно было допустить, чтоб гиены уничтожили такую добычу!

Но как удержать их на расстоянии?

Выйти, чтоб отогнать их, так же опасно, как если б они вздумали отгонять львицу.

Толстый Виллем и Гендрик снова вызвались на нее напасть. Ганс, как и прежде, решительно восстал против этого, но на этот раз ему пришлось употребить все свое влияние, чтобы заставить товарищей отказаться от их необдуманного намерения.

И тут неожиданное предложение положило конец их спору.

Исходило оно от кафра Конго и состояло не более не менее, как в просьбе разрешить ему поединок со львицей!

- Что ты, Конго! Ты же один не справишься!

- Справлюсь.

- Ты с ума сошел! Она разорвет тебя в клочки.

- Не бойтесь, минхеры. Конго убьет льва, у Конго не будет даже царапины. Вот увидите, молодые хозяева!

- Как! Голыми руками? Без оружия?

- Конго не умеет стрелять, - ответил кафр. - Но Конго знает, как ее прикончить. Он просит одного: чтоб ему не мешали. Стойте здесь, молодые хозяева, а Конго пусть сам делает свое дело. Опасности нет. Конго боится только, что вы броситесь ему на помощь, а львица такая злая! Конго это нипочем. Для него чем она злее, тем лучше - значит, она не убежит.

- Что это ты затеваешь, Конго?

- А вот увидите, минхеры, увидите, как Конго убьет львицу.

Охотникам казалось, что кафр сошел с ума. По их мнению, его ждала верная гибель. Чернышу очень хотелось обвинить кафра в бахвальстве, его так и подмывало поднять Конго на смех, но он еще не забыл, как сегодня утром из-за своих насмешек попал впросак, и потому хоть и опасался, что Конго снова перещеголяет его в ответе, но на этот раз поостерегся обнаруживать свою зависть. Черныш прикусил толстую нижнюю губу и не сказал ни слова. Кое-кто из мальчиков, в особенности Ганс, старались отговорить Конго от его затеи, но Толстый Виллем считал, что ему надо предоставить свободу действий. Виллем лучше всех знал Конго. Кроме того, он был уверен, что хоть тот и настоящий дикарь, но все же не пойдет на риск из одной глупой похвальбы. На него можно было положиться. Так сказал Толстый Виллем.

Этот довод в соединении с соблазном отведать мяса орикса решил спор. Аренд и Ганс уступили.

Конго получил разрешение идти на бой с львицей.

Глава VII

КАК КАФР КОНГО УБИЛ ЛЬВИЦУ

И вот Конго снова оказался предметом такого же пристального внимания, как и утром. Вернее, еще более пристального, потому что перейти вброд Гарипу куда проще, чем бороться с разъяренной львицей. Возросла опасность, возрос и интерес к его новому предприятию. Молодым охотникам было очень любопытно посмотреть, как-то он подготовится к бою.

Приготовления его заняли очень мало времени. Он влез в фургон ван Вейков и минуты через три появился в полном снаряжении. Львице не пришлось долго ждать своего противника.

Вооружение кафра необходимо описать.

Оно было очень просто, хотя человеку непривычному и показалось бы довольно странным: это было обычное вооружение зулусского воина.

В правой руке он держал ассегаи, шесть штук.

Что же такое ассегаи? Это пика или копьё, но употребляют его иначе. Ассегаи короче копья и пики, и древко его более тонко; подобно копьё, стреле или пике, ассегаи снабжен железным наконечником. Во время боя его мечут во врага, и часто на большое расстояние.

Точнее говоря, это попросту дротик, который употреблялся в Европе до изобретения огнестрельного оружия. В Южной Африке он и теперь составляет основное вооружение всех дикарских племен, а в особенности кафров. Кафры в совершенстве владеют этим опасным снарядом. На расстоянии сотни ярдов они бросают его с такой же силой и верностью прицела, с какой летит пуля или стрела. Ассегаи бросают одной рукой.

Таких дротиков у Конго было шесть, и он быстро перебирал их тонкие древки своими длинными мускулистыми пальцами.

Но не ассегаи были самой замечательной частью его вооружения. Еще более удивительный предмет был надет на его левую руку. Он был овальной формы, шести футов в длину и около трех в ширину; вогнутой стороной он был обращен к телу, выпуклой - наружу. Больше всего он напоминал небольшую лодку или челнок из шкур, натянутых на деревянную раму; и действительно, из этого материала он и был сделан. Это был щит, настоящий зулусский щит, но очень большой, больше тех, что употребляются в бою. Несмотря на свою величину, эти щиты совсем не тяжеловесны; напротив, они легки и упруги и притом настолько крепки, что стрела, ассегаи или пуля, ударившись об их выпуклую сторону, отскакивают, как от стального листа.

Два прочных ремня, прикрепленных к внутренней поверхности, дают воину возможность свободно двигать щитом; поставленный стоймя, нижним концом на землю, он может закрыть собой самого высокого мужчину. Так, щит Конго целиком закрывал его тело, хотя Конго был далеко не карлик.

Не говоря ни слова, Конго вышел из лагеря; на левую руку он надел свой громадный щит, в ней же зажал ассегаи - пять штук. В правую взял один тот, что предназначался для первого удара; его он держал на весу, за середину древка.

Дела на равнине были в прежнем положении. Впрочем, за такое короткое время ничего и не могло измениться. С момента, когда кафр объявил свое намерение, и до того, как приступил к его исполнению, едва ли прошло пять минут. Львица продолжала метаться, оглашая окрестность страшным ревом. Гиены тоже оставались на прежнем месте. Только когда кафр подошел ближе, они с испуганным воем пустились наутек и быстро скрылись за кустами.

Совсем иначе повела себя львица. Она даже не заметила приближения охотника, не повернула головы и не взглянула в его сторону. Все ее внимание было поглощено лежавшей на земле грудой тел, с которой она не сводила глаз. Своим диким ревом львица, казалось, оплакивала участь грозного владыки, лежавшего мертвым у ее ног. Как бы там ни было, но она не увидела охотника, пока он не оказался в двадцати шагах от нее.

Здесь кафр остановился и поставил стоймя свой огромный щит. Правой рукой он раскачал ассегаи, метнул его - и вот уж ассегаи полетел, со свистом рассекая воздух.

Ассегаи вонзился в бок зверя и повис, дрожа, между его ребрами. Но это длилось только секунду. Рассвирепевшая львица извернулась, схватила древко в зубы и переломила его, как соломинку.

Острые ассегаи остались у нее в боку, но она не старалась его вытащить. Теперь она увидела своего врага и, издав крик мести, бросилась на него. Одним громадным скачком она покрыла три четверти пространства, лежавшего между ними, со второго скачка она была бы уже на плечах кафра, но тот приготовился к встрече и, когда львица поднялась на дыбы, его уже не было видно! Он исчез, как по волшебству.

Если б юноши не следили за каждым его движением, они тоже не поняли бы, куда он делся. Но они успели заметить, что кафр скрылся под овальной выпуклой покрывкой, которую мгновенно положил на землю. Он лежал там, как черепаха под своим панцирем, изо всех сил ухватившись за ремни и крепко прижимая щит к земле.

Львица была изумлена гораздо больше, чем зрители. Прыгнув второй раз, она попала прямо на щит, и оглушительный грохот, произведенный ее падением, а также твердая и упругая поверхность, оказавшаяся под ее когтями, привели ее в полное замешательство: отскочив в сторону, она остановилась, с тревогой глядя на непонятный предмет.

Но это продолжалось только мгновение; разочарованно зарычав, львица повернулась и побежала прочь.

Это рычание было сигналом для Конго. Он чуть-чуть приподнял щит с края, прилежавшего к земле, - лишь настолько, чтоб можно было разглядеть спину удалявшегося зверя.

Потом Конго живо вскочил на ноги и, держа щит стоямя, приготовился бросить второй ассегаи.

Как молния, мелькнул ассегаи и так глубоко вонзился львице в плечо, что снаружи торчало только древко. С удвоенной яростью обернулась львица, снова ринулась на своего противника, но опять ударилась о твердую выпуклую поверхность щита. На этот раз она не отступила, а в угрожающей позе остановилась над странным предметом, ударяя его своей когтистой лапой и стараясь его перевернуть.

Для Конго это был опаснейший момент. Если б львица ухитрилась перевернуть щит, бедняге пришел бы конец! Но он знал, что ему грозит смерть, и, одной рукой ухватив ремни, а другой упираясь в край щита, так плотно надвинул его на себя, что щит, казалось, присосался к нему - крепче даже, чем моллюск присасывается к дну корабля.

Израсходовав свою ярость на несколько безуспешных попыток пробить или перевернуть щит, львица отошла на свою прежнюю позицию.

Ее рычание опять послужило сигналом для Конго. Вмиг он вскочил на ноги, еще один ассегаи просвистел в воздухе и воткнулся в шею львицы.

Однако эта рана тоже не оказалась смертельной, и животное, доведенное теперь до бешенства, еще раз бросилось на своего противника. Львица подбежала так быстро, что только необыкновенная ловкость помогла Конго юркнуть под свое укрытие. Еще минута - и его хитрость не удалась бы, потому что он не совсем еще опустил на себя щит, как львица уже скребла когтями его поверхность.

Тем не менее кафру удалось занять неприступную позицию, и он уже снова лежал невредимый под толстой буйволовой кожей. Разочарованная львица яростно завывала и после нескольких тщетных усилий перевернуть щит отказалась от этой попытки. Но теперь она не ушла, а в озлоблении принялась ходить кругом и наконец улеглась в трех футах от щита. Конго оказался в осаде!

Юноши сразу поняли, что Конго попал в плен. Об этом говорило поведение львицы. Хотя она была от них в нескольких сотнях ярдов, но по ее виду можно было заключить, что она решила добиться своего и, не отомстив, вряд ли покинет место сражения. Кафр очутился в ловушке.

Что, если львица так и останется здесь лежать? Каким образом Конго выберется тогда из своей западни? Убежать он не мог. Чуть только он приподнял бы щит, как свирепый зверь уже прыгнул бы на него. Это было ясно.

Юноши громко закричали, чтобы предупредить его. Они боялись, что он, может быть, не подозревает о том, что враг его совсем рядом.

Несмотря на страшную опасность, которой подвергался кафр, в его положении было что-то смешное, и молодые охотники, хотя и были озабочены развязкой, едва удерживались от смеха, глядя на эту картину.

В трех футах от щита лежала львица, не сводя с него сверкающих глаз и время от времени издавая грозное рычание. Лежал и овальный щит, скрывавший Конго, неподвижный и немой. Действительно, странные на вид противники?

Долго оставалась львица на страже, почти не меняя своего положения. Только хвост ее ходил из стороны в сторону и челюсти дрожали от подавленной злобы. Юноши то и дело кричали, предостерегая Конго, но из-под выпуклого щита не приходило ответа. Впрочем, кричать им было не к чему. Смысленный кафр давно сообразил, где находится его враг: громкое дыхание и рычание львицы уже оповестили его о ее местонахождении, и он твердо знал, как ему действовать.

Целых полчаса длилась эта необычайная сцена; и так как львица не проявляла ни

малейшего желания покинуть свой пост, то в конце концов молодые охотники решили напасть на нее или хотя бы сделать вид, что нападают, лишь бы прогнать ее прочь.

Дело близилось к закату - что же будет с Конго, когда наступит ночь? В темноте львица его убьет. Внимание его ослабится, он может уснуть, и тогда его неумолимый враг получит все преимущества.

Что-то надо сделать, чтобы освободить кафра из его тесной тюрьмы, и немедленно.

Быстро оседлав коней, они вскочили в седла и уже собирались тронуться в путь, как вдруг Ганс, у которого было очень острое зрение, заметил, что львица находится гораздо дальше от щита, чем была прежде. Между тем львица не двигалась; во всяком случае, никто не видел, чтобы она пошевелилась она лежала все в той же позе. Что бы это могло значить?

- Ах! Смотрите! Щит движется!

Как только Ганс произнес эти слова, все взгляды устремились на щит.

Щит и в самом деле двигался. Казалось, он, как гигантская черепаха, медленно и упорно ползет по траве: хотя края его по-прежнему плотно прилегают к земле. Все поняли, что не какая-то невидимая сила приводит его в движение, а сам Конго.

Охотники крепко натянули поводья и, затаив дыхание, стали следить за происходящим.

За несколько минут щит отодвинулся от львицы еще на десять шагов. Она как будто не замечала перемены, а если и замечала, то смотрела на непонятное ей явление скорей с любопытством и удивлением. Во всяком случае, она так долго оставалась на месте, что таинственный предмет успел отодвинуться от нее на большое расстояние.

Львица, пожалуй, не потерпела бы, чтобы щит ушел еще дальше, но для целей ее противника он был уже достаточно далеко. Кафр внезапно вскочил на ноги, и новый ассегаи, посланный его рукой, с шумом рассек воздух.

Этот удар оказался роковым. Львица лежала, повернувшись боком к охотнику. Прицел его был верный, и железное острие вонзилось ей прямо в сердце. Пронзительный вой, скоро утихший, короткая, отчаянная борьба, которой быстро пришел конец, - и могучий зверь неподвижно растянулся в пыли.

Громкое "ура" раздалось со стороны лагеря, и молодые охотники галопом поскакали на равнину, чтобы поздравить Конго со счастливым исходом его отчаянного поединка.

Потом все направились к груде мертвых тел, и здесь охотники узнали новые для себя обстоятельства дела. Лев, как они давно догадались, был мертв острые рога сернобыка сделали свое дело; но поразило всех то, что, вонзившись в бок громадного зверя, они так там и остались. Сернобык не имел сил их вытащить и все равно погиб бы вместе со своей жертвой, даже если б львица не подросла и не нанесла бы ему смертельный удар.

Конго и Черныш в один голос стали уверять охотников, что в этом ничего нет удивительного: в африканской степи часто случается видеть мертвых льва и сернобыка, заключивших друг друга в роковое объятие.

Самку сернобыка, у которой мясо было нежное, быстро освежевали и разрубили; и молодые охотники, поджарив над красными угольями лакомые куски мяса, предались веселью, смеясь над необычайными приключениями сегодняшнего дня.

Глава VIII

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЬВАХ

Прежде чем приняться за ужин, охотники притащили к костру туши льва и львицы. Это было не очень-то легкое дело, но юноши с ним справились, крепко обвязав шеи животных полосами сырой кожи и волоча туши головами вперед "по шерсти".

Львов перенесли для того, чтобы при свете костра снять с них шкуры; шкуры не такая уж особенная ценность, но это охотничий трофей, и молодым людям не хотелось бросить его посреди равнины. Если б убитые львы пролежали там всю ночь, то к утру гиены съели бы их без остатка вместе со шкурами. Не верьте, когда говорят, будто гиена не станет есть мертвого льва. Эта отвратительная тварь съест все, даже своего сородича, а уж более

противной пищи и представить себе нельзя.

Сернобыки тоже были принесены в лагерь для свежевания и разделки. Самец был очень большой и весил не меньше осла, но это только доставило Толстому Виллему лишний случай показать свою громадную силу. Здоровенный малый, схватив конец бечевы, поволок за собой орикса так же легко, как если б это был привязанный к шнурку котенок.

Обе антилопы были по всем правилам разделаны и разрублены на куски; сушить их решили на следующей стоянке. Охотники, конечно, сразу занялись бы сушкой, но вода в этом месте была плохая, и им не хотелось оставаться здесь лишний день.

Рога тоже считаются охотничьим трофеем, а у убитой пары сернобыков они были образцом совершенства - длинные, с правильными валиками и черные, как черное дерево. Молодые охотники осторожно сняли их с костных выростов и, заботливо уложив в фургоны, присоединили к своей коллекции. Головы, с оставленной на них шерстью, также были тщательно вычищены и сохранены, чтобы в недалеком будущем сделаться украшением холлов в домах ван Блоомов или ван Вейков.

Когда со всеми этими заботами было покончено, молодые люди сели ужинать у костра. Жареная грудинка и большие куски мяса орикса оказались восхитительными, и вся компания была довольна и весела. Конечно, темой разговора были львы, и юноши то и дело раздражались громким смехом, вспоминая подробности схватки Конго со львицей.

За исключением Клааса и Яна, у всех нашлось что рассказать о разных приключениях со львами, так как эти животные и сейчас встречаются в Граф-Рейнете. Толстый Виллем и Аренд не раз бывали на львиной охоте; Гансу и Гендрику тоже случалось сталкиваться с ними во время похода за слонами. А Черныш был опытный готтентотский охотник.

Но Конго знал о львах, пожалуй, даже больше, чем сам Черныш, хотя тот и пришел бы в негодование, если б кто-нибудь из присутствующих на это намекнул. И теперь оба, кафр и бушмен, сидя у костра, старались перещеголять друг друга в удивительных рассказах. Кое-кто из молодых охотников слышал, как охотятся на львов бечуаны на родине Конго. Способ этот самый простой. Кучка людей - голых дикарей - нападает на льва, где бы они его ни встретили, в лесу или на открытом месте, и бьется с ним, пока он не падает мертвым. Оружием им служит ассегаи, а своеобразной защитой длинная палка с прикрепленным к концу пучком черных страусовых перьев. Эту палку, с виду немного похожую на большую метелку от мух, быстро втыкают в землю; лев принимает пучок перьев за своего врага и, бросаясь на него, дает охотнику возможность скрыться. Такого рода хитрость во многом уступает охоте со щитом, но этот необыкновенный прием под силу только таким искусным охотникам, как Конго.

Итак, в охотничьем обычае бечуанов не было ничего нового или замечательного. Единственная его особенность заключалась в его крайней опасности, так как бечуаны не бросают свои ассегаи, стоя на расстоянии, а держат их в руке, как копье, и, подойдя ко льву чуть не вплотную, с силой вонзают их в его тело. В результате каждой такой стычки со страшным противником несколько охотников бывают убиты или изувечены. Молодым людям это казалось странным. Они не понимали, зачем бечуаны так смело и безрассудно нападают на свирепого льва, когда нетрудно вообще избежать схватки. Им казалось непонятным, почему они, хоть и дикари, так равнодушны к жизни. И правда ли, что все племена охотятся на льва таким способом? Они спросили об этом у Конго. Он ответил, что да.

Это требовало объяснения, и Конго, по общей просьбе, разъяснил дело так.

Охотники, о которых шла речь, отправлялись на львиную охоту не по собственному почину и не ради удовольствия, а по приказу своего тирана-вождя. Так было на родине Конго, где правил кровожадный изверг Чака. Все подвластные Чаке люди были его рабами, и он, в припадке ярости или просто чтобы сорвать свою мелкую злобу, не задумываясь, за одно утро умерщвлял их тысячи. Делал он это неоднократно, иногда сопровождая казни пытками.

Рассказы об ужасах, творимых африканскими деспотами, могли бы показаться невероятными, если б их правдивость не подтверждалась неоспоримыми свидетельствами.

Конго рассказал юношам, что мужчины из племени, подвластного Чаке, по обычаю, служат пастухами при его многочисленных стадах, и, когда лев утащит овцу или корову - а это случается часто, - злополучные пастухи получают приказ убить льва и принести его голову вождю; если это им не удается, их приговаривают к смертной казни, и она неизменно приводится в исполнение.

Вот этим и объясняется кажущееся равнодушие к жизни и безрассудные, на первый взгляд, действия охотников.

Конго добавил, что он сам участвовал в подобных охотах и ни разу они не обходились без человеческих жертв. Особенно запомнилась ему одна, во время которой погибло человек десять, прежде чем лев был пойман, а не убит, потому что вождю взбрело в голову получить льва живым! Им объявили, что, если они не доставят льва живьем, без единой раны или царапины, все участники охоты будут казнены. Хорошо зная, что это не пустая угроза, несчастные охотники поймали льва голыми руками и даже связали его, но при этом десятеро из них пали жертвой своего подневольного рвения.

Так, слушая рассказы о львах, молодые люди скоротали вечер у ярко пылавшего костра.

Глава IX ЕДИНОРОГ

Затем разговор перешел на сернобыков, и тут уж Черныш мог рассказать больше, чем кто-либо другой. Конго знал их мало, потому что места, облюбованные этими красивыми антилопами, находятся значительно западнее страны кафров. Сернобыки водятся главным образом во владениях намакасов, хотя изредка встречаются и на границах великой пустыни Калахари.

Сернобык - это антилопа пустыни; он тучнеет даже от той скудной растительности, какую находит на иссохшей земле. Он очень смел и нередко отражает нападение льва и даже убивает его своими длинными, штыкообразными рогами. В том, что это правда, молодые люди сегодня убедились сами. Затравленный охотниками сернобык, в отличие от других антилоп, не ищет спасения в воде или чаще кустов. Он пускается напрямик в свою родную пустыню, полагаясь только на быстроту своих ног. И они редко его обманывают. Лишь самая быстрая лошадь может перехватить его на скаку; и чем он жирнее, тем легче его загнать.

Беседуя о сернобыках, молодые люди затронули интересный вопрос.

Аренд и его товарищи читали в записках разных путешественников, будто сернобыки и есть тот самый мифический единорог, изображение которого можно видеть на египетских скульптурах. Они спросили, так ли это. Их вопрос, как легко догадаться, был обращен не к Чернышу, а к натуралисту Гансу.

Ганс считал это совершенной нелепостью, пустой фантазией какого-то досужего путешественника по Южной Африке. Фантазию эту механически повторили другие, а затем она попала в книги кабинетных ученых. Предположение, будто сернобык является прообразом единорога, основано лишь на том, что два его рога, если смотреть на них сбоку, как бы сливаются в один; только это и делает его похожим на единорога, который на египетских скульптурах всегда изображается в профиль. Подобный довод был одинаково справедлив по отношению к любым антилопам, и потому в применении именно к сернобыку рушится сам собой.

Ганс перечислил ряд причин, почему сернобык не может быть прообразом мифического единорога. Очертания его тела и особенно головы совершенно не похожи на скульптурные изображения этого загадочного существа. Рога сернобыка по своей длине и по тому, как они поставлены, даже в профиль совершенно отличны от рога этого таинственного животного, у которого он торчит вперед, тогда как рога сернобыка направлены назад и лежат почти параллельно спине.

- Нет, - сказал Ганс, - если египетский единорог вообще не миф, а настоящее

африканское животное, то скорее всего это антилопа гну; и мне кажется удивительным, что сходство между гну - я говорю об обыкновенном гну, а не о полосатом - и мифическим единорогом только недавно было замечено натуралистами и путешественниками. Я убежден, что всякий, взглянув на изображение единорога и на живого гну, будет поражен их сходством. Одинаковые очертания головы и тела, красивые округлые члены, раздвоенные копыта, длинный лошадиный хвост, гордо выгнутая шея и густая грива - все эти черты показывают, что именно гну послужил образцом для изображения единорога. Один рог - вот единственное, что как будто опровергает мою теорию; но несмотря на это, у гну все-таки гораздо больше сходства с единорогом, чем у сернобыка. Рога гну поставлены таким образом, что при известном положении их можно принять за один. Они устремлены вперед, а не вверх, и почти не поднимаются над черепом; вследствие этого, а также благодаря манере животного держать голову виден только один рог, а другой почти не заметен на темном фоне головы и гривы. На расстоянии вообще можно разглядеть только половину рога, расположенную почти совершенно так же, как и украшение на лбу единорога.

На современных рисунках рог единорога обычно изображается прямым; это не согласно с египетскими барельефами, где всегда показан изгиб - в полном соответствии с изгибом рогов гну. Но если б на египетских изображениях изгиба и не было, моя теория вряд ли от этого пострадала бы, потому что у молодого гну рога тоже прямые, а мы вправе предположить, что египтяне изображали именно молодых гну. Впрочем, я не утверждаю, что разрешил этот спорный вопрос, - продолжал Ганс, - ведь египтяне хорошо знали окружавших их животных и не стали бы изображать на барельефах недоразвившиеся экземпляры. Своеобразный же характер гну, его странные привычки и его удивительная внешность непременно должны были с древнейших времен привлекать к себе внимание, и египтяне никак не упустили бы случая изобразить такое прекрасное животное. Что же касается единственного рога, то это можно объяснить слабой наблюдательностью египетских скульпторов или, всего вероятнее, просто несовершенством их искусства. Египетские барельефы, по правде сказать, весьма грубы и примитивны, а особенный изгиб и постановку рогов гну очень трудно уловить. Даже теперь, когда искусство так развито, наши художники не могут точно передать очертания головы того же сернобыка. Итак, как видите, я вам довольно убедительно доказал, что именно гну является прообразом этой таинственной знаменитости - единорога.

Юные охотники были вполне удовлетворены объяснениями Ганса и теперь обратились к нему с вопросом, что он думает о единороге, упоминаемом в Библии.

- Единорог из Священного писания, - ответил Ганс, - это совсем другое дело. Совершенно ясно, какое животное подразумевается в книге Иова. Там сказано: "Можешь ли веревкою привязать единорога к бороне, и станет ли он боронить за тобою поле? Понадеешься ли на него, потому что сила у него велика, и предоставишь ли ему работу твою?" Здесь речь идет о настоящем единороге - одноногом носороге.

Чтобы исчерпать тему о сернобыках, Ганс сообщил своим друзьям, что сернобык является только одним из видов тех антилоп, которые известны под общим родовым названием "орикс"; кроме него, есть еще и другие виды: "аддас", "абу-харб" и "альгазель".

Абу-харб, или саблерогая антилопа, - крупная, сильная антилопа с длинными, острыми рогами, саблевидно загнутыми назад. Цвет абу-харба желтовато-белый с коричневыми метинами на лбу и щеках, а шея и горло у него красно-бурые; фигурой же абу-харб очень похож на сернобыка. Под именем орикса он был известен грекам и римлянам. В настоящее время натуралисты присвоили имя орикса всему роду этих крупных антилоп.

Абу-харб - уроженец Кордофана и Сеинаара, и его изображение тоже можно встретить на нубийских и египетских барельефах. В противоположность аддасу, он животное общественное и ходит большими стадами.

Альгазель, или бейза, тоже уроженка Центральной Африки, но о ней сведений меньше, чем о других видах ориксов, и некоторые натуралисты склоним считать ее просто разновидностью абу-харба.

Аддас, или мендес-антилопа, живет главным образом в Центральной Африке. Он почти такой же большой, как сернобык, но рога у него не прямые, а винтообразно изогнутые, одинаково развитые у самца и самки. Шерсть у аддаса желтовато-белая, голова и шея рыже-коричневые, а на морде белое пятно. Ходят аддасы не стадами, а парами, в песчаных пустынях, к странствованию по которым специально приспособлены их широкие копыта. Аддас был известен еще древним римлянам, они упоминают его под именем "стрепсицерос".

Когда Ганс кончил свое объяснение, было уже давно пора идти на покой, и, пожелав друг другу спокойной ночи, молодые люди разошлись по своим фургонам. Скоро все уснуло.

Глава X ПТИЦЫ-ВЕРБЛЮДЫ

Перейдя вброд речку Оранжевую, наши охотники двинулись на северо-восток. Если бы они пошли прямо на север, то скоро достигли бы границ великой пустыни Калахари, этой южноафриканской Сахары. Конечно, проникнуть в пустыню юноши не могли бы - им все равно пришлось бы свернуть на запад или на восток. Но молодые люди сами заранее избрали курс на восток, потому что там лежали земли, славившиеся обилием крупных животных - буйволов, слонов и жирафов, а реки этой части Африки кишмя кишели громадными бегемотами (гиппопотами) и крокодилами. Молодым охотникам только этого и нужно было.

Шли они не наобум. Их проводником был Конго. На этом пути он знал буквально каждый шаг и обещал привести их в страну, где слонам и жирафам нет числа, и никто не сомневался, что кафр сдержит свое слово.

На следующий день они уже с раннего утра были в дороге и перед вечером, после большого перехода, остановились в роще мохала, на краю унылой пустыни, простиравшейся насколько хватал глаз, а на самом деле - гораздо дальше. Эта бесплодная пустыня казалась совершенно выжженной: единственной ее растительностью были одиноко возвышавшиеся древовидные алоэ с большими кораллово-красными конусообразными цветами, пальмообразные замии, несколько видов похожего на кактус молочая да кое-где разбросанные небольшие заросли колючих кустов "погоди-постой", получивших это шутовское название вследствие свойства их крючковатых шипов цепляться за одежду.

Все эти деревца и кустарники росли очень редко, и между ними открывались целые пространства бурой равнины, однообразие которой ничуть не скрашивалось этими жалкими растениями. Это был как бы дальний предвестник, клин пустыни Калахари, и охотникам предстояло пересечь его, чтобы добраться до благодатной страны, обещанной их проводником. Пятьдесят миль без единого ручья, родника или реки - пятьдесят миль от воды до воды.

Молодые люди остановили фургоны и распрягли буйволов у последнего родника, журчавшего между корней деревьев мохала, на самой границе пустыни. Здесь им нужно было провести два дня, чтобы высушить мясо ориксов, дать отдых своим животным и подготовить их к долгому и опасному переходу.

Уже солнце клонилось к западу, когда они распрягли буйволов и устроили свой лагерь в середине рощи, недалеко от родника.

Любознательный Ганс вышел на опушку рощи, уселся под деревом, густая веерообразная верхушка которого давала приятную тень, и стал глядеть на широкую, скучную равнину. Через каких-нибудь полчаса он вдруг заметил три высокие фигуры на расстоянии нескольких сотен ярдов от рощи. Это были двуногие - он видел их с головы до пят. Однако это были не люди, а птицы. Это были страусы.

Всякий узнал бы их с первого взгляда, даже малое дитя, ибо кому не известен громадный африканский страус? Размеры и фигура страуса слишком характерны, чтобы спутать его с какой-нибудь другой птицей. Американский нанду или австралийский эму могут сойти за его полувзрослого птенца, но страуса, достигшего своих настоящих размеров,

легко отличить от любого из его сородичей, обитающих в Австралии, Новой Зеландии или в Америке. Это всем птицам птица - самая большая из всех пернатых.

Конечно, Гансу достаточно было взглянуть на них, чтобы сразу признать в них страусов - самца и двух самок. Определить их пол было нетрудно, потому что между ними такая же разница, как между великолепным павлином и его невзрачной супругой.

Страус-самец гораздо крупнее своих подруг; на фоне угольно-черных перьев, которыми покрыто его тело, красиво выделяются белоснежные крылья и хвост в пустыне действительно белоснежные. Окраска самок почти вся ровная серо-коричневая, и им очень недостает роскошного черно-белого наряда их господина и повелителя. Страусовые перья - прекрасное украшение, и они высоко ценились во все времена не только дикарями, но и цивилизованными народами.

Итак, перед глазами юного натуралиста предстали самец и две самки.

Страусы не спеша шли своей дорогой. Лагерья они еще не заметили. Да и как было его заметить, когда он скрывался за деревьями, почти в самой середине рощи? Вытягивая длинные шеи, они изредка щипали листочки или подбирали зернышки, а затем важно продолжали свой путь. Из того, что страусы не разбредались в разные стороны в поисках пищи, а шли напрямик, словно к определенной цели, Ганс заключил, что они направляются к своему постоянному месту ночлега.

Появившись справа от Ганса, они скоро прошли мимо него и теперь все дальше и дальше углублялись в пустыню.

Ганс хотел было позвать своих товарищей, которые возились около фургонов и не заметили страусов. Мелькнула у него и мысль поймать этих птиц.

Но после минутного размышления он оставил это намерение. Страус ни для кого не был в новинку. Разве только Яну и Клаасу захотелось бы на них взглянуть, но они так устали после долгой езды по жаре, что оба крепко уснули, растянувшись на траве. Пусть лучше спят, подумал Ганс.

Отказался Ганс и от мысли убить страусов. Птицы отошли уже довольно далеко, и подкрасться к ним по голой местности на расстояние выстрела было бы немислимо - Ганс хорошо знал, как они осторожны; такой же праздной затеей была бы и погоня за ними на усталых лошадях. Поэтому Ганс продолжал спокойно сидеть под деревом, провожая взглядом удаляющиеся фигуры трех гигантских птиц-верблюдов.

Они шли большими шагами и уже исчезали из виду... Но тут новое существо, вдруг появившееся на равнине, отвлекло от них внимание молодого натуралиста.

Глава XI

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ ИЗ ВСЕХ ЛИСИЦ

Существо это четвероногое - очень маленький зверек, не крупней средних размеров кошки, однако совсем другой по виду и пропорциям. Мордочка у него была не круглая, как у кошек, а длинная и остренькая, а хвост густой и пушистый. Ножки его были выше, чем у животных кошачьей породы, но всего любопытней казались его уши - удивительно большие и совершенно не соответствовавшие его маленькой фигурке.

Все его тело было в длину не больше фута, а уши на целых шесть дюймов возвышались над его макушкой! Они стояли совсем прямо, широкие, твердые, с острыми кончиками.

Спина зверька была красивого светло-желтого цвета, грудь и живот матово-белые. Нет, зверек этот не походил ни на кошку, ни на собаку, хотя с собакой у него и замечалось какое-то сходство. Но с одним животным собачьей породы он действительно имел очень много общего - с лисицей; он и являлся лисицей, самой маленькой южноафриканской лисичкой, и назывался он "каама". А в сущности, зверек не был даже и лисицей - это был фенек.

Что же такое фенек?

Это вопрос интересный, над его разрешением натуралисты немало поломали голову.

Несколько видов этого зверька распространены по всей Африке. Знаменитый

путешественник Брюс, которого все считали большим выдумщиком, но о котором со временем пришлось переменить мнение, первый описал фенека.

Фенек во многом отличается от лисиц, но самое важное отличие заключается в устройстве его глаз. У настоящих лисиц зрачок узкий или продолговатый, тогда как у фенека он круглый. Лисица - животное ночное, а фенек - дневное. Правда, есть лисицы, любящие охотиться не ночью, и в сумерки; есть также и два-три вида фенек, которые предпочитают вечернее освещение.

Мы будем называть его фенек, или дневной лисицей, и скажем далее, что если в Африке водятся разные виды настоящих лисиц и лисиц-шакалов, то есть и несколько видов фенек. Из них хорошо известны три. Первого - зерда описал Брюс. Этого фенека он видел в Абиссинии, но встречается он также и в Южной Африке. Второй фенек - забора - уроженец Нубии и Кордофана, и его изваяниями (раньше считалось, что это изваяния шакала) египтяне украшали свои храмы. Третий вид фенека называется "каама фенек".

Четвертый вид - зерда Лаланда - был выделен из семейства фенек и составил самостоятельный разряд, но не потому, что его образ жизни чем-либо отличается от образа жизни прочих длинноухих, а потому, что его скелет по форме некоторых костей был несколько иным, чем их скелет.

Появившийся перед Гансом фенек был каама - самый маленький из всего семейства фенек, или лисиц.

Он, видимо, очень спешил по каким-то своим делам: то он крался, совершенно как лиса, то перебегал небольшое пространство проворной рысью, то останавливался и припадал к земле, словно боясь быть замеченным.

Куда же он торопился? Какую добычу преследовал?

Понаблюдав за ним некоторое время, Ганс, к своему величайшему изумлению, обнаружил, что фенек гонится за страусами.

Вытянув остренькую мордочку и блестя глазками, он бежал по тому же пути, по которому только что прошли страусы. Стоило страусам остановиться, как он тоже останавливался и низко приседал, чтобы они его не увидели; страусы двигались дальше, и он тотчас пускался вслед, время от времени прячась за камнями и кустиками и деловито высматривая ухивших вперед птиц. Несомненно, он бежал по их следу! Только что за дело было до страусов такому маленькому зверьку? Уж конечно, он не думал напасть на них, хотя и крался за ними точь-в-точь, как лисица крадется за выводком куропаток.

Тут было что-то другое. Ведь достаточно одного удара могучей ноги страуса, чтобы фенек отлетел на пятьдесят шагов, как мяч, отброшенный ракеткой теннисиста. Нет, он не мог преследовать их с враждебными намерениями - он казался так ничтожно мал по сравнению с огромными птицами-верблюдами!

Но зачем же бежал он за ними? Целью его были именно страусы, это ясно. Но зачем они ему понадобились?

Эту-то загадку и старался разрешить натуралист Ганс, внимательно наблюдая за действиями крошечной, "микроскопической" лисички.

Слово "микроскопический" тотчас напомнило мне один прибор - небольшую зрительную трубку, которую Ганс всегда носил с собой и в эту минуту вынул из кармана. Вооружиться трубкой ему пришлось потому, что страусы очень далеко отошли в пустыню, а их преследователя, фенека, уж и вовсе нельзя было рассмотреть простым глазом. С помощью стекол Ганс, однако, разглядел, что фенек, все также ловчась и хитря, продолжает бежать за страусами. Вдруг птицы остановились. Самец, как бы посоветовавшись со своими спутницами, сел на землю, подогнув под себя свои длинные ноги, и всей грудью прилег к земле. Даже в свою слабую трубку Ганс увидел, что все тело страуса как бы раздалось вширь. Неужели он высидывал яйца? Значит, у них там гнездо? Вид земли около сидевшего страуса подтвердил это предположение. Вокруг тела птицы виднелось небольшое возвышение, похожее на край птичьего гнезда. Гансу было известно, что гнездо страусов очень просто устроено - это всего только углубление, вырытое в земле и со значительного

расстояния совсем незаметное. Несколько каких-то белых предметов, разбросанных по соседству, убедили Ганса, что здесь и правда гнездо. Издали они казались маленькими камешками, но Ганс, учтя расстояние, заключил, что они должны быть размером с булыжник. Значит, это страусовые яйца. Ганс знал, что около гнезд страусов часто находят разбросанные яйца и некоторые думают, что страусы откладывают их нарочно, чтобы кормить ими только что вылупившихся птенцов.

Обе самки, побродив немного вокруг, уселись около самца; но они только согнули в коленях свои длинные ноги, тогда как самец лежал грудью на земле и, казалось, весь расплющился.

Это окончательно убедило Ганса в том, что здесь у них было гнездо и теперь, к ночи, наступил черед самца высидывать яйца, а самки пока что просто устроились на ночлег.

Самец высидывает яйца? Для юного натуралиста в этом не было ничего неожиданного: ему было известно, что самцы страусов всегда исполняют эту обязанность, и притом чаще всего именно ночью, потому что ночью холодно; большое тело самца лучше согревает яйца; а его сила может пригодиться в случае нападения на гнездо какого-нибудь хищника. Одна из самок, вероятно, сменит самца на рассвете.

Конечно, обе самки - матери будущего выводка; ведь страус, как известно, многоженец - "мормон" - и широко пользуется этой привилегией, обзаводясь иногда целой дюжиной супруг.

Наш же приятель был "мормон" умеренный - он ограничился только двумя; впрочем, двоеженство, на наш взгляд, так же преступно, как и многоженство.

Итак, Ганс решил, что гнездо полно яиц и из них скоро должны вылупиться маленькие страусы. То, что птицы все вместе надолго уходили из гнезда, вовсе не противоречило его предположению. Погода стояла очень теплая, а в дневные часы, в самую жару, страусы часто покидают свои гнезда, предоставляя солнцу прогревать яйца вместо себя. Чем страна жарче, тем меньше приходится страусу высидывать яйца; в тропическом поясе Африки страус почти совсем не высидывает яиц, а просто закапывает их в раскаленный солнцем песок, используя его как инкубатор.

Но что же случилось с бедным малюткой фенеком?

Так спросил себя Ганс, оглядывая равнину в зрительную трубку. Увлечшись страусами, он совершенно забыл про маленького зверька.

Наконец ему удалось разглядеть желтоватое тельце, растянувшееся на земле, под защитой куста. По-видимому, фенек решил провести ночь здесь. Если б поблизости была хоть какая-нибудь ямка, он предпочел бы улечься в ней, потому что фенеки устраивают свои жилища в норах.

Ночь спустилась внезапно, и в темноте Ганс больше уже не мог следить за действиями птиц и фенека. Он спрятал зрительную трубку и вернулся в лагерь к своим товарищам.

Глава XII

БЕСКРЫЛЫЕ ПТИЦЫ

В лагере Ганс рассказал, как много любопытного ему удалось подсмотреть. Все очень заинтересовались и в особенности мальчуганы Клаас и Ян; но Клаас и Ян не очень-то были довольны, что им не пришлось увидеть все своими глазами. Почему Ганс их не позвал? Они бы только обрадовались, если б их разбудили поглядеть на страусов, тем более что страусы проходили так близко! Не всякий день увидишь таких великолепных птиц; страус пуглив, он никого к себе не подпускает, и Ганс отлично мог сбегать за ними в лагерь или же просто крикнуть им. Но ведь Гансу безразлично, видели они - Клаас и Ян что-нибудь интересное или нет, они давно это знают!

Так ворчали на Ганса Клаас и Ян за то, что тот не прервал их сладкий сон ради трех страусов, которые шли себе по пустыне и ничего замечательного при этом не делали.

Но мальчишки есть мальчишки, и, пока они находятся в этом возрасте, их больше всего на

сзете будут привлекать птицы, особенно такие, как страусы - весом в триста фунтов и ростом в десять футов!

Если б это были буйволы, или жирафы, или даже слоны, Клаас и Ян не так бы огорчились. Сами по себе эти звери, нет слов, хороши, а для взрослых охотников, вроде Гендрика или Толстого Виллема, они самая подходящая добыча, но мальчишки-охотники с их маленькими ружьями и дробью пятый номер могут стрелять только птиц, хотя, по правде сказать, эта дробь пятый номер едва ли бы даже пощекотала страуса!

Но не в этом дело. Им так давно хотелось посмотреть гигантских птиц-верблюдов! Ганс должен был их позвать, и то, что он этого не сделал, с его стороны "просто низость", как заявил Ян, а вслед за ним и Клаас.

Неизвестно, долго ли они еще препирались бы с Гансом, осыпая его упреками, если б разговор, сосредоточившись на страусах, не показался им очень любопытным; Клаас и Ян живо заинтересовались и скоро забыли про свою маленькую размолвку с Гансом, тем более что сам Ганс и был рассказчиком. Ганс очень много читал о страусах и хорошо знал характер и привычки этих интереснейших птиц.

Вторым после Ганса знатоком страусов был Черныш. В молодости он долго жил в пустыне, а пустыня - это родной дом и бушмена и птицы-верблюда. Черныш очень обрадовался случаю похвалиться своими познаниями, потому что недавние удивительные подвиги его соперника-кафра совершенно отодвинули его на задний план. Большая начитанность Ганса и жизненный опыт Черныша доставили юным охотникам случай хорошо познакомиться с жизнью и особенностями этой птицы.

- Страус. - начал Ганс, - африканская птица, хотя встречается и в близлежащих странах Азии. В Южной Америке и в Австралии есть несколько видов птиц, немного похожих на страуса, и некоторые путешественники тоже называют их страусами, Я еще расскажу о них.

Страус живет на всем Африканском континенте, а также в степях юго-западной Азии - словом, везде, где есть пустыни; по своим свойствам он обитатель пустынь и никогда не селится в лесистых или болотистых местностях и даже на плодородных равнинах.

Страус известен с древнейших времен, и в дни Гелиогабала² их было гораздо больше, чем теперь. Рассказывают, что на пиршествах этого императора подавали блюда, приготовленные из мозгов шестисот страусов!

- Вот был обжора! - вскричал Ян.

- Вот лакомка! - откликнулся Клаас.

- Я уверен, что после таких пиршеств у него в животе было больше мозгов, чем в голове, - спокойно заметил Арэнд.

- Наверняка! - подтвердил Гендрик.

Ганс продолжал:

- Древние называли страуса "птица-верблюд". Это имя было дано ему вследствие его воображаемого сходства с верблюдом. Два толстых пальца ступни страуса похожи на раздвоенное копыто верблюда. У того и другого длинные голые ноги и шея. На груди у страуса как бы мозоль или подушка, наподобие нароста на груди верблюда. Все это, казалось, сближало страуса с верблюдом, который, как и страус, приспособлен только к жизни в пустыне. Аристотель и Плиний в своих сочинениях описали страуса, как полуптицу, получетвероногое.

Когда Ганс кончил свое научное описание страуса. Черныш, в свою очередь, рассказал все, что знал о его привычках и жизни.

Соберем вместе рассказы обоих и попробуем их изложить.

Страусы живут обществами. Стада их, штук по пятьдесят, мирно пасутся вместе с зебрами, кваггами, гну, полосатыми гну и множеством других заходящих в пустыни антилоп.

С одним самцом ходит по несколько самок - обычно от двух до шести. Каждая самка кладет по двенадцати - шестнадцати яиц в гнезде, которое представляет собой вырытую в песке яму около шести футов в диаметре. В гнездо кладется не больше половины яиц. Остальные разбросаны вокруг, и птенцы никогда из них не вылупляются.

Черныш уверял, будто эти яйца предназначаются в пищу маленьким, когда они только появятся на свет, но Ганс с ним не согласился. Натуралист был того мнения, что страусы не кладут эти яйца в гнездо потому, что одна птица все равно не может столько их высидеть. Поэтому, как только в гнезде накапливается достаточно яиц, страусы разбрасывают остальные где попало.

Предположение юного натуралиста было очень правдоподобно.

Ганс считал, что страусы действительно продолжают нестись после того, как уже началось высидывание, и разбрасывают последние яйца; но Гансу казалось сомнительным, что эти яйца служат пищей для птенцов. Страус может покрыть своим телом от тридцати до сорока уложенных стоймя яиц, но обычно в гнезде бывает не более пятнадцати.

Самец тоже сидит на яйцах, и притом по ночам, потому что его большое, сильное тело лучше может защитить яйца от холода. Самки сменяют друг друга днем, а когда становится жарко, вся семья покидает гнездо на много часов.

По словам Ганса, в тропических странах страусы подолгу не проявляют интереса к яйцам, а горячий песок и солнце исполняют обязанности родителей; поэтому в тропиках инкубационный период не имеет определенного срока и длится от тридцати до сорока дней.

Вылупившиеся птенцы хорошо развиты и дня через два бывают уже величиной с цесарку; они выходят из гнезда и бегают по пустыне под присмотром старших.

Старые страусы в это время очень заботятся о своем потомстве. При виде врага самка, охраняющая выводок, старается привлечь к себе внимание незваного гостя; она притворяется, будто ранена, - то распускает, то складывает крылья и шатается из стороны в сторону, - а тем временем самец уводит птенцов куда-нибудь подальше. Куропатки, дикие утки и многие другие птицы поступают точно так же.

Яйца страуса матово-белого цвета. Размер их разный, как различна величина и самих птиц. Средних размеров страусовое яйцо имеет шестнадцать дюймов в длину и весит около трех фунтов. Испеченное в горячей золе, оно очень вкусно и вполне может насытить одного человека; некоторые, впрочем, считают, что яйца хватает на двоих-троих, а другие, - что его мало и на одного. Но "кушанье на одного" - очень неточное определение. Тут все зависит от вместимости желудка и от аппетита. Скажем лучше, что по весу одно яйцо страуса равняется двадцати четырем куриным.

Скорлупа страусовых яиц очень твердая; бушмены и другие обитатели пустыни держат в ней воду, и многим из них она заменяет всю посуду.

Взрослый страус-самец имеет больше девяти футов роста и весит триста фунтов. Ноги такой птицы очень толсты, мускулисты и не уступают в этом отношении ноге самого большого барана.

Считается, что страус бежит быстрее всех животных на свете. Вряд ли это так. Но, во всяком случае, лошади его не догнать. Правда, страус иногда делает на бегу петли, и всадник, заметив это, бросается ему наперерез; расстояние между ними сокращается, и в этот момент страуса можно пристрелить из ружья. Но по прямой за ним не угнаться даже арабу на его резвом скакуне. Неутомимость страуса равняется быстроте его бега. Он бежит одинаково ровным шагом целые часы подряд - его толстые, длинные ноги с могучими мускулами прекрасно для этого приспособлены. На бегу он стучит ногами, как лошадь, и отбрасывает назад большие камни. Развив максимальную скорость, страус распускает свои крылья и поднимает их над спиной. Впрочем, делается это только для сохранения равновесия, потому что пролететь он не может и ярда.

Основным орудием защиты страусу служит нога с ее копытообразной ступней. Он брыкается, как мул, и одним ударом может сломать ногу человеку, а то и вовсе вышибить из него дух - не хуже лошади!

Но главный залог безопасности страуса - это его замечательная зоркость, совершенно необходимая при его своеобразном образе жизни.

Он всегда на открытой равнине, где ничто не заслоняет ему зрения, и его острый глаз замечает врага задолго до того, как тот успел приблизиться и сделаться опасным. Страус

видит противника на таком расстоянии, когда его самого еще не видно, а ведь он так велик ростом!

Подобраться на расстояние выстрела к этой недоверчивой птице очень трудно. Иногда ее удается застрелить, спрятавшись около родника или ручья, куда они приходят пить. Многие считают, что страусы вообще не пьют, потому что их можно встретить на большом расстоянии от воды; но нельзя забывать, что расстояние, кажущееся большим усталому путнику, сущий пустяк для быстрого страуса, который пожирает мили, как беговая лошадь.

Некоторые охотники проследили, что страусы приходят пить каждый день и всегда в одно и то же место. Известно также, что в неволе страус выпивает много воды. Утолив жажду, он бежит гораздо медленнее, и охотники, пользуясь этим, преследуют его после водооя.

На высоком южноафриканском плато живут племена, занимающиеся охотой на страуса, как промыслом. Его перья ценятся довольно высоко, так же как и шкура, упругая и прочная; после сушки на солнце из нее вырабатывают хорошие сорта кожи, которая идет на шитье курток и другой одежды. Кожа без перьев стоит около фунта стерлингов, а длинные белые перья из крыльев и хвоста, которых бывает обычно сорок пять штук (лучшими считаются перья из крыла), нередко идут на месте по шиллингу за штуку.

Толстый Виллем сказал, что страуса можно легко приручить - он не раз видел ручных страусов в пограничных краях буров, но там они превращаются в бесполезных баловней.

Для человека они вполне безопасны, но на птичнике от них одна беда. Они насмерть затаптывают домашнюю птицу и иногда глотают живьем цыплят и молодых утят - не из кровожадности, а просто потому, что они необыкновенно прожорливы: с таким же аппетитом они проглотят и старую тряпку.

Настоящая пища страусов - это разные зерна, семена и нежные листья с верхушек кустарников, но они проглатывают также и самые несъедобные предметы. Как и большинство диких животных, страусы очень любят соль, и часто можно видеть, как они собираются большими стадами около соленых озерков, которых так много на пустынных равнинах Африки.

Мясо молодых страусов очень вкусно, но у старых птиц оно жесткое и немного горьковатое. Их яйца признаются деликатесом, хотя некоторые считают, что они тяжелы для желудка.

Когда страус спокоен, его голос похож на низкое и звучное клохтанье, но временами он издает громкий рев, напоминающий рыкание льва. Раненый или загнанный, он шипит, как разъяренный гусак.

Закончив рассказ о страусах, Ганс перешел к описанию родственных ему пород, о которых он обещал сказать несколько слов.

Южноамериканский представитель страусов называется "реа"; не так давно было обнаружено, что в Южной Америке есть три различных вида реа: нанду обыкновенный, нанду Дарвина и нанду длиноклювый. Они похожи друг на друга очертанием, цветом и привычками, но различны по величине и живут в разных географических поясах. Обыкновенный нанду больше ростом и обитает на просторных равнинах Ла-Платы, нанду Дарвина придерживается Чилийских Анд, а длиноклювый нанду живет в северо-восточной Бразилии.

Нанду близок к африканскому страусу по форме тела и своей невзрачной бурой окраской напоминает самку страуса. Размером он, однако, гораздо меньше всего пять футов в высоту. Перья на его крыльях не так красивы и ценятся дешевле перьев его африканского собрата, хотя тоже идут на продажу - из них делают метелки от мух и другие хозяйственные принадлежности.

Нанду живут обществами; у каждого самца по несколько самок; гнездо представляет собой небрежно вырытую яму. Он высидывает от двадцати до тридцати яиц. Спасаясь от врага, бежит очень быстро; если на него напасть, шипит и яростно брыкается; нравом

опаслив и недоверчив. Все это характерные черты страуса. Нанду без принуждения входит в воду и может переплыть быструю реку. Гаучосы ловят его с помощью лассо и бола.

Нанду Дарвина меньше размером, чем нанду длинноклювый, но цвет оперения, форма тела и привычки у них почти одинаковы. Он тоже хорошо плавает и часто посещает прибрежные равнины.

В Северной Америке нет нанду и вообще никаких птиц, родственных страусу. В этом отношении природа обделила пустынные просторы прерий.

Даже в Южной Америке район распространения нанду ограничен и не доходит до экватора, хотя простирается гораздо дальше, чем принято думать. Недавно реа были замечены в саваннах близ реки Мадейра, много севернее пустынных равнин Ла-Платы.

Яйца нанду имеют голубоватый оттенок.

Другой родич страуса - это эму.

По форме тела и образу жизни эму похож на обоих, а по окраске почти совершенно такой же, как нанду. Однако ростом он выше его - семи футов, - и взрослый самец приближается по величине к самке страуса.

Он имеет все характерные черты страуса - живет обществами, делает гнезда в земле, опаслив, осторожен, быстро бегаёт, плавает хорошо, может ударом ноги убить собаку или сломать ногу человеку, издает особенный гудящий крик и кладет яйца почти такие же большие, как яйца страуса, но темно-зеленого цвета.

Эму водятся в Австралии. Известны три вида этих птиц.

На островах архипелага - от Новой Гвинеи до Церама - распространены страусовые птицы, отличающиеся от страуса гораздо больше, чем нанду или эму. Это казуары. Их тело покрыто черными, как смоль, волосовидными перьями; голова и шея у него голые, а кожа на них очень красивого голубовато-фиолетового цвета, переливающегося в алый.

Казуары во многих отношениях отличаются от страусов. Они живут не в пустыне, а в плодородных местностях и питаются сочными травами. Но повадки их почти те же. Как и страусы, они защищаются ударом ноги, яйца кладут на землю и высидывают их небрежно, половину работы предоставляя теплу солнечных лучей; в защите они отважны, быстроноги и сильны и могут считаться одними из наиболее интересных пород не только страусов, но и птиц вообще.

Ганс упомянул еще бескрыла, или киви-киви, несколько видов которого живут в Новой Зеландии.

Это птицы ночные, высидывающие яйца в норе. Они не принадлежат к страусам и образуют особый подотряд.

Глава XIII

ФЕНЕК И СТРАУСОВЫЕ ЯЙЦА

Прежде чем разойтись на покой, молодые люди решили на следующий же день окружить страусов, заранее предвкушая все удовольствия этой охоты. Положено было, что Гендрик и Толстый Виллем отправятся первыми и сделают большой объезд, чтобы стать далеко позади гнезда. Вскоре после них выедут Аренд и Ганс и обойдут гнездо справа и слева, а Ян и Клаас отрежут страусам отступление в сторону лагеря. Таким образом, шестеро охотников, находясь на большом расстоянии друг от друга, замкнут страусов в круг, и, когда те в страхе бросятся бежать, ближайших охотник преградит им путь и погонит их в обратную сторону. Так охотятся на страуса в Южной Африке, и это единственный способ утомить его и загнать; если "окружение" сделано толково, то напуганная птица начинает метаться из стороны в сторону и в конце концов дает взять себя живьем или пристрелить. Однако подходить слишком близко к загнанному или раненому страусу очень опасно. Раненый страус иной раз так ударит охотника, что тот летит кубарем со сломанной ногой или рукой, а то и остается без двух ребер. Осторожный Ганс, как всегда, предупредил об этом своих товарищей и велел им беречься.

Молодые охотники заснули в приятном ожидании завтрашнего утра. Все тешились надеждой убить или поймать старого самца, выщипать его белоснежные перья и присоединить их к своим трофеям.

Единственно, что могло помешать задуманной охоте, была малочисленность охотников. Юноши сомневались, сумеют ли они вшестером окружить трех страусов, задержать их и погнать обратно, тем более что двое из шестерых охотников были маленькие мальчики верхом на пони.

Поэтому охотники решили принять в круг также Черныша и Конго. Хоть у них и не было лошадей, но оба они отличались большой ловкостью и бегали ничуть не хуже любого пони. Вооруженные - один ассегай, другой маленьким луком с отравленными стрелами, - они стоили того, чтобы занять место в кругу, который замкнет страусов. Тогда против троих птиц соберется не шесть, а восемь охотников, и в помощь им будет еще шесть гончих, так что шансы поймать страусов окажутся не так уж малы.

Но, как это ни грустно, размечтавшихся мальчиков постигло полнейшее разочарование. Тщательно обдуманый план сорвался из-за одного смешного случая.

Ночью в лагерь пробралась гиена и съела подпругу и крыло седла Гендрика; и, прежде чем повреждение было исправлено, страусы ушли от гнезда.

Когда охотники вернулись, страусы были еще на месте, но задержка из-за починки седла оказалась роковой для плана окружения. Утро было знойное и душное, и птицы, предоставив солнцу греть яйца, ушли рано. Юноши, садясь на лошадей, видели, как они, широко шагая, направились в противоположный конец равнины.

Скоро их уже нельзя было рассмотреть невооруженным глазом; Ганс следил за ними в зрительную трубку, но скоро и он потерял их из виду.

Все были очень разочарованы; так же бывают разочарованы охотники на лисиц, когда неожиданный мороз и снег загонят их обратно по домам. Особенно негодовал Гендрик: ведь все произошло из-за беды, постигшей его седло. Если б гиена теперь попалась ему на глаза, он наверняка угостил бы ее пулей. Остальные хоть и в меньшей степени, но тоже разделяли его раздражение.

Все шестеро нетерпеливо вертелись в седлах, не зная, что им предпринять.

- Давайте поедим к гнезду, - предложил Арэнд. - Уж яйца-то, во всяком случае, никуда не удрали, и я лично ничего не имею против яичницы на завтрак. (Перед отъездом юноши не успели позавтракать.) Мне уж надоело все одно мясо да бильтонг. Что вы на это скажете?

- Согласны! - откликнулся Виллем. - Раздобудем яйца и позавтракаем, если только они еще свежие. Я вовсе не прочь полакомиться яичком! Едем!

- Пойдите! - крикнул Ганс, пристально глядя в зрительную трубку. - Стойте, друзья! Кажется, еще не все пропало - мы еще поохотимся!

- Что случилось? - спросили остальные. - Неужели страусы возвращаются?

Ганс ответил не сразу. Он смотрел не в ту сторону, куда ушли страусы. Его трубка была направлена на гнездо, хотя птиц там не было.

- Так и есть! Так и есть! Это она! - воскликнул Ганс.

- Кто? Кто - она? - спросили юноши.

- Лисица! - ответил Ганс.

- Какая лисица?

- Да фенек же, тот самый, которого я видел вечером. Вот он! Простым глазом вы его не увидите - и я в трубку-то едва его различаю. Он у самого гнезда и что-то там возится.

- Держу пари - он ест яйца! - сказал Толстый Виллем.

- Охота на лисицу! Охота на лисицу! - вскричал Гендрик, сразу повеселев.

- Охота на лисицу! - отозвались Клаас и Ян.

- На лисицу так на лисицу, - согласился Ганс.

И все шестеро, свистнув собак, пустились вскачь. Они направились прямо к гнезду. Делать объезд из-за такого ничтожного существа, как маленький фенек, не стоило. Собаки догнали бы и затравили его, куда бы он ни побежал. Спаситься от них он мог только в какую-

нибудь норку. Но вряд ли его нора была близко: он, должно быть, вчера еще покинул свое жилище и так и шел вслед за страусами к их гнезду в надежде добраться до яиц. Черныш подтвердил, что такая привычка за фенеками водится: яйца они любят больше всего, яйцам же страусов оказывают особое предпочтение. Они вечно скитаются в поисках страусовых гнезд, однако найти их очень трудно даже лисице; поэтому, заподозрив, что такие-то страусы снесли яйца, фенек готов следовать за ними куда угодно, лишь бы проведать, где находится их гнездо. Этим-то, видно, и был занят тот фенек, которого вчера вечером видел Ганс.

Все эти сведения Черныш сообщил накануне, и таким образом объяснилась тайна маленького существа, бегущего по следу громадных страусов. Не страусы были ему нужны, а их яйца.

Только одного Черныш не мог объяснить: как доберется фенек до содержимого яиц, когда он их найдет? Скорлупа у них толстая и крепкая. Чтобы разбить яйцо, надо сильно ударить его каким-нибудь твердым предметом; как же умудрится фенек, такой слабый и маленький, пробить в яйце дырку? Это было загадкой для всех, особенно для натуралиста Ганса. Ганс был хорошо знаком с фенеками. Он часто видел их в неволе. Знал немного и их анатомию. Ему было известно, что в их черепе отсутствует бороздка, к которой прикреплены височные мышцы) и что, следовательно, у них слабые челюсти - гораздо слабее, чем у обыкновенной лисицы. Значит, разгрызть страусовое яйцо фенеку не под силу. Не может он и разбить яйцо когтями, так как, хотя он обитает в жарком поясе, подошвы его лапок покрыты мягкой шерстью, как у песка. Эта его удивительная особенность до сих пор никак не объяснялась натуралистами.

При такой структуре тела и слабосилии, доказывал Ганс, фенеку так же трудно достать содержимое страусового яйца, как проникнуть в середину пушечного ядра. Черныш говорил понаслышке, будто бы фенек питается белком и желтком страусовых яиц, но как он это делает, бушмен никогда не видел и объяснить не мог.

Однако молодые люди недолго оставались в неизвестности. Через несколько минут сам фенек открыл перед изумленными охотниками свою тайну.

Подъехав к гнезду на довольно близкое расстояние, все увидели маленького фенека и быстро сдержали лошадей, чтобы как-нибудь не спугнуть его. Но он был так занят собственными делами, что не заметил их приближения. Толстый слой мягкого песка, который покрывал землю, настолько заглушал стук копыт, что фенек, несмотря на свой отличный слух - пропорциональный величине его ушей, - не уловил ни звука. Он весь ушел в работу и ни разу не взглянул в сторону охотников. Временами он поднимал голову, но только для того, чтобы посмотреть, не возвращаются ли страусы. Таким образом молодые люди, сами оставаясь незамеченными, могли без помехи следить за всеми его действиями. А это было очень интересно.

Черныш и кафр крепко держали собак на сворках, и все, затаив дыхание, замерли как статуи.

Что же делал маленький фенек?

Сначала зрители озадачились в недоумении, но скоро все объяснилось.

В тот момент, когда они его увидели, фенек был на расстоянии нескольких ярдов от гнезда, с противоположной от охотников стороны. Он стоял к ним спиной, и передняя часть его туловища казалась приподнятой, как если бы лапы его на что-то опирались. Это "что-то" было страусовое яйцо. Фенек катил его перед собой по песку, толкая попеременно то одной, то другой лапкой. Эти его равномерные движения напоминали движения несчастных рабов на сукновальнях, с той только разницей, что труд фенека не был подневольный.

Но зачем фенек катил яйцо? Уж не подумал ли он докатить его до своей норки? Это была бы нелегкая работа, так как его подземное жилище, без сомнения, находилось совсем не по соседству.

Однако катить яйцо к себе в дом вовсе не входило в намерение фенека. Он собирался пообедать тут же, на месте, или, по крайней мере, поблизости. Зрители скоро увидели, где накрыт его стол. Им пришел на память один любопытный рассказ про кааму, который они

когда-то слышали и теперь, глядя на хлопоты фенека, тотчас догадались, зачем он все это делает.

В трех-четыре ярдах от мордочки фенека лежал небольшой камень, всего дюймов двенадцати в высоту, но фенеку было, видимо, достаточно и такого, потому что он катил яйцо прямо на него.

Немного погодя охотники убедились, что их догадка была верна. Когда между мордочкой фенека и камнем оставалось фута три, он внезапно сделал быстрый скачок вперед, увлекая лапками яйцо. Твердая скорлупа ударилась о еще более твердый камень, послышался явственный звук "кряк!", и, взглядевшись пристальней, молодые люди увидели, что яйцо разбито вдребезги.

Завтрак фенека был перед ним, и он сразу принялся за еду; но охотники тоже были голодны, терпение их иссякло, и, прищпорив лошадей и спустив собак, они поскакали вперед.

Недалеко убежала лисичка, спасая свою жизнь, - она промчалась всего каких-нибудь двести ярдов. Собаки настигли ее, и Черныш, осыпая собак ударами плетки из гиппопотамовой кожи, едва успел спасти от их клыков прекрасную шкуру лисички.

Яйца были быстро собраны. Те, что лежали в гнезде, как и предвидел Виллем, уже порядком "перезрели". Часть была с птенцами, другие протухли. Но среди разбросанных по сторонам нашлось несколько совершенно свежих, и охотники получили на завтрак желанную яичницу.

Черныш показал им, как лучше всего варить яйца страусов. Одним концом их ставят в горячую золу, на другом делают дырку и палочкой помешивают содержимое до тех пор, пока оно как следует не проварится. Так готовится омлет из страусовых яиц.

Глава XIV

ГОЛУБЫЕ АНТИЛОПЫ

Несмотря на то, что охота на фенека оказалась не очень интересной, юношам все же не пришлось особенно сетовать на свои охотничьи неудачи. В Южной Африке, кроме слабых и беспомощных лисичек, есть множество сильных и неутомимых животных, и с одним из них посчастливилось встретиться в тот же день и даже чуть ли не в тот же самый час.

По другую сторону рощи, около которой были замечены страусы, лежала широкая, открытая равнина. Только узкая лесная полоса отделяла ее от пустыни. Это была прерия или обширный луг, и трава на нем, особенно по сравнению с ровным темным пространством по другую сторону леса, казалась удивительно яркой и свежей.

Луг был очень большой, но вполне обозримый. В отдалении виднелся закрывавший горизонт лес из жирафьей, или верблюжьей, акаций, и по лугу тоже были кое-где разбросаны группы этих деревьев; их зонтичные кроны и бледно-зеленая листва придавали пейзажу живописность и разнообразие.

Этот луг казался настоящим парком. Рощицы и перелески расположились на нем так правильно, как будто их нарочно, для красоты, посадили среди широких площадок с сочной травой.

Такой великолепный парк, такие роскошные пастбища не могли не иметь хозяев; и точно, хозяева здесь были. Но ни построек, ни домов и вообще никаких следов человека нигде не было видно. Парк имел совсем других обитателей. На лужайках и в рощицах можно было разглядеть много разных крылатых и бескрылых существ. Всевозможные редкие и красивые птицы и четвероногие сделали этот прекрасный уголок своим приютом.

По зеленому газону шагала секретарь - глотатель змей, выскивая в траве свою сверкающую добычу. Ему нечего было опасаться внезапно подкравшегося кровожадного зверя - даже не распуская крыльев, только с помощью своих длинных ног, он мигом оказался бы за пределами досягаемости гиены, шакала или леопарда. Секретарь - птица быстроногая, почти такая же быстроногая, как сам великан-страус, и недаром арабы дали ему смешное

прозвище - "лошадь дьявола".

Невдалеке от него, на лужке, стояла выпрямившись еще одна высокая птица, но совсем иных привычек и характера. Это была пава, или дикий павлин, как называют ее буры, а на самом деле дрофа, и притом самая большая из всего семейства.

От рощицы к рощице, поклевывая на пути, перебегали стайки серебристых цесарок, и их непрерывная болтовня, напоминающая лязг металла или визг сотни натачиваемых пил, неприятно резала слух.

С дерева на дерево перелетали яркие попугаи, зеленые голуби и нежно воркующие голубки; над усеянными цветами кустарниками порхали всех видов крошечные пташки - нектарницы, заменяющие в Африке колибри. Птицы-ткачи устроили на ветвях деревьев свои висячие гнезда, которые качались, точно какие-то большие плоды; а верблюжья акация вся была увешана обширными тростниковыми жилищами общественных воробьев дружной республиканской братии.

Но не одни только птицы населяли это очаровательное местечко. Четвероногие, такие же пестрые и нарядные, как и птицы, паслись на его зеленых прогалинах или отдыхали в прохладной тени акациевых рощиц.

За несколько часов прогулки здесь можно было встретить грациозных антилоп самых различных пород. Стада резвых южноафриканских антилоп-скакунов пробегали по лужайкам, шаловливо или в испуге делая высокие прыжки в воздух; иногда попадались бурые антилопы каамы и красноватые сассиби; кругами носился по лугу чудаковатый, с косматой гривой гну и бродили стада каагт и еще более красивых бурчеллиевых зебр. Можно было также увидеть тут и крадущегося вдоль опушки рощи великолепного, но внушающего ужас леопарда или даже самого грозного властелина этих мест - красавца льва.

И еще многие и многие другие, не менее интересные существа могут попасться на глаза путешественнику или охотнику за один только день езды по этим диким звериным владениям.

Какой контраст составлял этот прекрасный оазис по сравнению с однообразной бескрайней пустыней, простиравшейся по ту сторону леса до самого горизонта!

Молодые люди, огорченные неудачей с окружением страусов, недовольные слишком легкой охотой на фенека, твердо решили не упускать своего охотничьего счастья. Наконец-то можно будет вволю поохотиться хотя бы за антилопами-скакунами - уж их-то они непременно здесь встретят!

Юноши знали о существовании этой прекрасной равнины - она подходила почти к самому их лагерю. Накануне вечером они пасли там своих быков, и охотничье чутье тотчас им подсказало, что тут должно быть необыкновенное изобилие всяких животных. Теперь они решили непременно посетить эти места и не возвращаться домой без добычи.

Поэтому после приключения со страусовым гнездом они, не расседывая лошадей, наскоро позавтракали и, захватив собак, снова пустились в путь. Конго и Черныш остались в лагере.

Ехать пришлось недолго - очень скоро они увидели дичь, и дичь редкостную.

Молодые охотники еще не выбрались из рощи, как их передовой, Гендрик, вдруг сдержал лошадь и знаком приказал остальным последовать его примеру. Все повиновались и, сидя в седлах под тенью деревьев, стали глядеть сквозь листву на развернувшуюся перед ними равнину. Зрелище, которое они увидели, заставило бы учащенно забиться сердца и более искушенных охотников.

Прямо проти них на равнине паслось стадо благородных антилоп.

Антилопы эти не принадлежали к обычным породам. Это были не гну, и не скакуны, и не каамы, которых молодые люди очекь хорошо знали. Подобных красавцев ни один из всей шестерки еще не видел никогда, и только по очертаниям их тела, изгибу рогов и другим характерным признакам охотники могли признать в них антилоп.

Это были крупные животные, ростом фуга в четыре, с саблевидными, покато загнутыми назад рогами, валики на которых доходили почти до самых кончиков. Цветом

антилопы были пепельно-серые с синим отливом; этот оттенок придавала их шкурке просвечивавшая сквозь шерсть иссиня-черная кожа.

Хотя никто из юношей никогда не встречал таких антилоп, но Ганс, Гендрик и Виллем легко определили, к какой породе они принадлежат. Антилопы этой породы в давние времена населяли Грааф-Рейнет, но изредка попадались и гораздо южнее, у самого мыса Доброй Надежды. Это было задолго до того, как молодые охотники научились стрелять или ездить верхом, но от своих отцов они слышали рассказы про этих животных - об их голубой окраске, о длинных загнутых рогах, изящной форме тела и об их смелом, горячем нраве. Вспомнив это описание, юноши сразу признали в гулявших перед ними на лугу неведомых животных тех самых антилоп, о которых говорили им старики. Это были голубые, или, как их называют буры, синие, антилопы.

Ганс, оглядев их внимательно, подтвердил, что это точно голубые антилопы.

Семейство антилоп очень богато видами. Все это крупные, красивые животные; многие из них водятся в Южной Африке и преимущественно вблизи великой Оранжевой реки.

К числу болотных антилоп принадлежит водяной козел. Он очень силен, ростом около четырех футов и голубовато-серого цвета. Живет он на берегах рек, свободно входит в воду, отчего и называется болотным, отлично плавает, нравом отважен и свиреп. Затравленный или раненый, бывает очень опасен.

Антилопа бородатая почти такая же большая, как водяной козел, но отличается от него длинной бородой и гривой. По смелости и свирепости она не уступает водяному козлу, а в беге оба одинаково быстры. Бородатая антилопа, однако, не нуждается в близости воды и предпочитает холмистую местность; питается она, как козел, листьями акации.

К лошадиным антилопам принадлежит чалая антилопа - сильное и злое животное; ее толстые рога тоже заггибаются назад, но более круто, чем у голубой антилопы. Живет чалая антилопа в горах и редко спускается в равнины.

Черная антилопа - самая красивая из антилоп. Недавно открытая в Южной Африке одним страстным английским охотником, она лишь теперь стала известна ученому миру. Ростом она не выше всех прочих - четырех футов и шести дюймов. Ее рога, более трех футов длины, имеют форму кривого восточного кинжала. Спина у нее черная, как смоль, и блестящая. Отсюда и ее название; брюхо у нее белое, на голове и на шее тоже белые метины.

Все перечисленные антилопы являются редкостью даже в любимых ими местах. Они не ходят большими стадами, как газели, гну, дикие козы и пятнистые антилопы. Иногда черные антилопы появляются группами, верней семействами в десять - двенадцать голов. Чаще же всего их можно встретить парами или в одиночку, и по сравнению с другими более общительными и многочисленными видами они редки даже на своей родине.

Голубая антилопа - самая редкая из всех, и некоторые натуралисты даже считают ее вымершей. Вряд ли это так. Африка велика, и в ней еще много неисследованных уголков.

Все эти сведения сообщил ученый Ганс, но, понятно, не в тот момент, когда они только что заметили бродивших по лугу антилоп. Наверно, если б товарищи были расположены его слушать, он тут же пустился бы в объяснения, но им было не до того. Гендрик и Толстый Виллем, широко раскрыв глаза, любовались красивыми животными, сильные и порывистые движения которых сулили им славную охоту.

Глава XV

ПОГОНЯ ЗА ГОЛУБЫМИ АНТИЛОПАМИ

Итак, на лугу паслось семь антилоп. Впереди выступал вожак, старый самец. Он был больше всех ростом, с длинными загнутыми рогами. Антилопы направлялись к рожице, за которой журчал родник - вероятно, они шли на водопой. Увидев это, молодые охотники решили наскоро составить план действий, но совещание их внезапно было прервано по вине молодой, плохо выдрессированной гончей, которая, прежде чем они успели о чем-либо условиться, вдруг выскочила из кустов и, заливаясь лаем, помчалась прямо на антилоп.

Вожак предостерегающе фыркнул, и все семь антилоп, как по сигналу, круто повернулись и бросились бежать.

Неожиданная выходка собаки спутала все карты, и ни о какой тактике думать уже не приходилось. Единственное, что оставалось охотникам, - это пуститься в отчаянную погоню.

Пришпорив лошадей, все шестеро выскочили из-под прикрытия и полетели по равнине.

Несколько минут длилась стремительная скачка - впереди семь голубых антилоп, за ними собаки, за собаками - охотники. Какое это было великолепное зрелище!

Но очень скоро первоначальное расстояние между собаками, людьми и дичью нарушилось, и вся картина совершенно изменилась. Первым рассыпался строй всадников. Пони Клааса и Яна начали отставать и наконец остались далеко позади. Потом сбавил скорость философ Ганс. Его конь, который не имел соперников в дальних переходах и был незаменим при стрельбе с седла, решительно не годился для такой гонки. Затем выбыл красавец Аренд; он, конечно, мог бы занять лучшее место, потому что под ним была хорошая лошадь, но Аренда мало привлекала охота, а еще меньше скачка под палящим солнцем; он ослабил поводья, а охотники тем временем ускакали далеко вперед, так что даже уследить за ними было невозможно. Тогда Аренд въехал в тень верблюжьей акации и лениво стал обмахиваться крагой своей военной перчатки.

Однако двое юношей со всем охотничьим пылом продолжали мчаться почти вровень с собаками. Это были Гендрик и Виллем; из чувства соревнования, о котором говорилось раньше, каждый поставил себе целью не отступать до тех пор, пока не убьет зверя.

Оба были на прекрасных лошадях, хотя и совершенно разных.

У Гендрика был красивый небольшой вороной конь с арабской кровинкой; этой примеси было достаточно, чтоб из него получилась в полном смысле охотничья лошадь - прекраснейшая порода в мире, лучшая даже, чем чистокровные арабские. Такие лошади хороши везде, за исключением бегов на призы.

Лошадь Толстого Виллема была совсем иная, и можно сказать, что многие черты, свойственные хозяину, отличали и коня.

Рост обеих лошадей был пропорционален росту наездников: если Виллем был вдвое больше Гендрика, то и лошадь его была вдвое больше лошади его троюродного брата; ноги же ее были вне всяких пропорций.

Вот как она выглядела. Спина у нее была плоская и тощая, ноги высокие и костистые, шея необычайной длины, без малейшего намека на изгиб, голова худая и шишковатая, как у жирафа. И вообще в ней так много было сходства с этим смешным четвероногим - неровный и неуклюжий аллюр, жидкий хвост с длинной репицей, - что молодые охотники так и окрестили ее: "Большой Жираф". Казалось, уродливее лошади нельзя было найти в стране буров, но ее хозяин, Толстый Виллем, не променял бы ее на красивейшую лошадь по всей Африке.

Однако, несмотря на свое безобразие, это был прекрасный конь. Про таких коней жокеи говорят: "На вид дурен, да под седлом хорош". А Виллем не глядел на внешность. Внутренние качества он всегда предпочитал многообещающей наружности. Большой Жираф был как бы олицетворением его вкуса: по виду не обещал ничего, а на деле был удивительно хорош. Много квагг, зебр и сассиби загнал он, много неутомимых гончих оставил позади себя и множество охотников опередил, неся на себе тяжелый груз - Толстого Виллема. Понятно, что тот высоко ценил своего прекрасного тренированного коня.

Гендрик тоже очень любил своего красавца вороного. Разговоров о том, чья лошадь быстрее и выносливее, было множество, но проверить по-настоящему их качества до сих пор не представлялось случая. В отношении красоты все преимущества были на стороне скакуна Гендрика - сам Толстый Виллем признавал это и только посмеивался, удивляясь, что красоту считают каким-то достоинством лошади.

Охота на голубых антилоп как раз могла послужить хорошим испытанием для обеих лошадей. Антилопы выбежали на открытую равнину, увлекая за собой охотников; скакать за ними предстояло много миль подряд, так как это животное не из тех, что скоро выдыхаются.

Сейчас будет ясно, у кого из всадников лошадь лучше.

Оба решили выжать из своих лошадей все возможное. Как опытные наездники, они не ринулись вперед сломя голову, а намеренно придерживали коней, чтобы сберечь их силы для последнего, решительного рывка. Гендрик чувствовал, что первые две-три мили ему не составит труда обойти Большого Жирафа. Но антилопы сразу развили очень большую скорость, и ему не верилось, что удастся перехватить их на такой короткой дистанции. Поэтому он пустил своего коня вольной рысью, чтобы в конце охоты большая лошадь соперника не взяла над ним верх.

Некоторое время оба всадника скакали бок о бок следом за вырвавшимися далеко вперед собаками, тогда как кучка антилоп продолжала мчаться все дальше и дальше. Антилопы не искали спасения в кустах и перелесках, хотя несколько больших рощ уже попало на их пути. Они держались открытой равнины и, как это всегда делают олени и голубые антилопы, бежали напрямик к воде.

Но собаки не экономили своих сил - среди них были молодые и глупые, хотя и быстрые как ветер; и не успели антилопы пробежать и одной мили, как два или три пса так стали на них наседать, что стадо раскололось и смертельно напуганные антилопы бросились врассыпную.

Охота тотчас приняла совершенно другой характер. Свора собак тоже разделилась, каждая собака помчалась за той антилопой, которая казалась ей ближе остальных, и через несколько мгновений дичь и гончие рассыпались по всей равнине.

Теперь охотникам предоставлен был выбор: или преследовать разных антилоп, или же обоим гнаться за одной. Ни у того, ни у другого не было ни секунды сомнения: разойдутся они только в том случае, если один опередит другого. Тайное чувство соперничества крепко в них укоренилось. Даже сами лошади, казалось, прониклись этим чувством и, галопируя бок о бок, поглядывали искоса друг на друга.

Антилопу, которую они выбрали, легко было отличить от всех остальных. Старый самец, только что предводительствовавший стадом, бежал теперь один, а за ним неслись две самые сильные собаки. Его рога, как метеоры, сверкали впереди всадников и манили их за собой.

Не обменявшись ни словом, оба поскакали вслед за ним.

Глава XVI

ПАДЕНИЕ ТОЛСТОГО ВИЛЛЕМА

Охота приобрела теперь особенную остроту: для лошадей, собак и антилопы она сделалась состязанием на скорость. Старый самец бежал в том же направлении, что принял вначале. Остальные давно покинули его, но ему незачем было сворачивать в сторону. Он знал, где искать спасения. Его перепуганные товарищи обратились в бессмысленное бегство, он же, не теряя присутствия духа, мчался прямо к воде.

Впереди виднелась темная полоса - это был лес, окаймлявший какую-то реку. К ней он и стремился; но для того, чтобы погрузить свои копыта в спасительную воду, ему надо было пересечь громадную равнину. По этой равнине, как вихрь, и неслась теперь вся охота.

Смешно сказать, но собаки, избравшие самца своей жертвой, тоже были соперницы: одна принадлежала Гендрику, другая - Виллему, и обе были любимицами своих хозяев.

Каждый всадник, его собака и лошадь, казалось, горели одним желанием и изо всех сил стремились к победе.

Не подумайте, чтобы между Толстым Виллемом и Гендриком была какая-то вражда. Вовсе нет. Просто и тот и другой любили свою лошадь и свою собаку и желали им победы; их охотничья репутация была поставлена на карту, и оба решили во что бы то ни стало торжественно привезти в лагерь голову и рога голубой антилопы.

Несмотря на это, никакой неприязни между юношами не было. Ничего подобного.

Как красиво бежала антилопа! Как легко перепрыгивала она через кочки, почти

горизонтально вытягивая ноги в прыжке, высоко держа голову и пригибая рога к спине! Как хорошо и красиво она бежала!

Временами под ее копытами оказывался твердый грунт, и тогда она выигрывала расстояние; но потом собаки с яростным лаем снова ее настигали, а следом за ними, в какой-нибудь сотне ярдов, неслись всадники. Голубая шерсть на спине самца потемнела от проступавшего сквозь черную кожу пота, а пена большими клочьями покрыла его шею и плечи. Красный влажный язык высунулся изо рта, и охотники могли бы слышать тяжелое дыхание зверя, если б его не заглушал храп их собственных лошадей.

Пять миль скакали они этим бешеным галопом - пять миль, не ослабляя поводьев и не меняя аллюра!

Уже лес был близко, а за лесом, наверно, вода! Зверь уйдет, если не нагнать его сейчас же; быть может, там проходит глубокий рукав какой-нибудь реки, а голубые антилопы плавают, как утки. Самец нырнет, они останутся на берегу и прощай добыча!

Страх упустить антилопу заставил охотников пришпорить лошадей для последнего, решительного броска. Их скорость была почти одинакова. Теперь началось испытание на выносливость.

Почувствовав шпоры, обе лошади разом рванулись вперед, но почти тотчас Большой Жираф потерял вдруг равновесие и вместе со своим громадным всадником тяжело рухнул на землю.

Могучая лошадь провалилась ногой в нору земляного волка.

Гендрик, лошадь которого вырвалась вперед, услышал за собой глухой шум падения, оглянулся через плечо и увидел барахтавшихся на траве Толстого Виллема и Большого Жирафа. Но впереди было нечто гораздо более привлекательное - изнемогавшая на бегу антилопа, и Гендрик (что извинительно для охотника) даже не остановился узнать, не ранен ли его товарищ; вместо этого он пришпорил свою усталую лошадь.

Через пять минут загнанная антилопа добежала до опушки леса, повернулась и грудью стала против своих врагов; собаки прыгнули на нее. Для одной из них - любимицы Виллема - этот прыжок оказался роковым. Счастье отвернулось от нее, как и от ее хозяина. Антилопа подняла ее на свои острые рога и с силой отшвырнула на землю. Раздался жалобный вой, и больше собака не издала ни звука; лапы ее судорожно дернулись, и через минуту на земле лежало бездыханное тело.

Любимицу Гендрика постигла бы та же участь, если б ее хозяин в этот самый момент не подоспел к месту боя. Новый испуг придал антилопе свежих сил; она отскочила и бросилась в кусты, преследуемая псом.

Гендрик сразу потерял их из виду. Только треск веток, которые ломала сильная антилопа, продираясь сквозь чащу, да лай собаки указывали ему направление, куда уходила добыча.

Пустив лошадь умеренной рысью, с трудом продираясь через кусты, он поехал по следу антилопы. Каждую минуту он надеялся услышать отрывистое, яростное тьяканье - это было бы знаком, что антилопа снова остановилась. Но его ждало разочарование: он больше не слышал голоса собаки.

Он уж начал думать, что самец от него ушел и что после всех удач, которые сопутствовали ему в начале охоты, ему придется вернуться в лагерь ни с чем. Гендрик не на шутку огорчился оборотом, который приняли его дела, а тут, к еще большему своему огорчению, услышал вдруг сильный всплеск, как если б какое-то тяжелое тело упало в глубокую воду. Он понял, что это прыгнула антилопа. Другой всплеск - это прыгнула собака.

Антилопа добралась до реки и теперь наверняка уйдет. Река, казалось, была совсем близко - перед Гендриком уже открылся широкий просвет. Может быть, он еще успеет вовремя? Может быть, он спустится к воде раньше, чем антилопа выплывет на другой берег? Тогда он пулей прикончит свою добычу.

Не теряя ни минуты, Гендрик дал шпоры и помчался галопом с холма.

Через несколько секунд Гендрик уже был на берегу. Он очутился у глубокого места,

где было тихое течение, но расходящаяся по воде рябь указала ему, куда поплыла антилопа. И правда, он увидел две точки, быстро двигавшиеся по поверхности. Это были рога антилопы и голова гончей.

Гендрик не имел времени спешиться. Прежде чем он остановил лошадь, антилопа уже выскочила из воды и стала взбираться на высокий противоположный берег. Он поспешно выстрелил - широкая спина антилопы представляла собой хорошую цель. В следующий момент в воздухе мелькнул клочок шерсти, вырванный пулей у самого хребта, и из раны хлынула волна алой крови. Еще не замерло эхо выстрела, как антилопа упала, покатилась вниз с крутого берега и осталась лежать без движения у самой воды.

Глава XVII УПОРНАЯ БОРЬБА

Рога достались Гендрику!

Так думал Гендрик, когда раненая антилопа скатилась с берега, чуть ли не прямо в пасть его гончей.

Однако минуто спустя он увидел, что ошибся. Антилопа, только что лежавшая бездыханным трупом, вдруг вскочила, рогами сбросила с себя собаку и, перепрыгнув через нее, снова нырнула в воду. Собака ринулась следом; она плавала быстрее и, нагнав антилопу на середине реки, схватила ее зубами за ляжку. Сильный самец тотчас стряхнул с себя собаку и, круто повернувшись в воде, двинулся прямо на нее. Не раз любимица Гендрика оказывалась на волосок от смерти, и только набегающая волна спасла ее от гибели.

Несколько минут шла ожесточенная борьба. Вода кругом вся покраснела от крови, лившейся из пулевой раны и из ляжки антилопы, разорванной собачьими клыками. Да и собачьей крови было тут немало - самец не впустую бил своими острыми рогами: шкура пса основательно пострадала, и обильные струи крови текли сразу из многих ран.

Выстрелив, Гендрик спешился, но не для того, чтобы снова зарядить ружье. Он был уверен, что антилопа убита наповал и ему остается только переправить добычу на свой берег. Он уже закинул повод на ветку, но только начал завязывать узел, как возобновившаяся на том берегу возня и затем прыжок собаки и антилопы в воду заставили его бросить повод и снова схватиться за ружье.

Он поспешно забил пулю и побежал к реке.

Вдоль всего берега густо разросся молодой ивняк. Сидя в седле, Гендрик смотрел поверх кустов и с высоты лошади видел перед собой все пространство воды. Теперь же он только смутно различал реку сквозь верхушки веток. Перед ним крутились какие-то водовороты, покрытые пузырями и пеной. Он слышал, что борьба между антилопой и собакой продолжается, но они так близко подплыли к заросли, что Гендрик за листьями ничего не мог рассмотреть.

В одном месте, где берег полого спускается к реке, в ивняке оказался пролом. Это была тропа, по которой дикие звери ходили на водопой. По обеим ее сторонам сплошной стеной росли кусты, образуя как бы узкую аллею или коридор.

Взгляд Гендрика упал на эту тропу, и он, не медля ни секунды, кинулся туда.

Антилопа тоже заметила эту тропу. Здесь ей всего легче было выбраться из воды, потому что берег тут был низкий. И вот в тот самый момент, когда охотник бросился вниз по тропе, на другом ее конце появилась антилопа.

Оба неслись так стремительно, что через какие-нибудь пять секунд столкнулись лицом к лицу.

Уступить друг другу дорогу было невозможно - мешала стоявшая по сторонам густая чаща. Назад повернуть тоже было нельзя - они так разбежались, что даже не могли остановиться. Страшное столкновение было неизбежно. Такая встреча представляла все выгоды антилопе, охотнику же грозила гибелью. Гендрик это понял: спасти его мог только своевременный выстрел. Но все случилось так внезапно, что Гендрик не успел даже

вскинуть ружье к плечу животное было уже в каких-нибудь двух шагах от него, и не приходилось терять ни секунды.

В отчаянии он выстрелил наудачу. Пуля едва оцарапала антилопе спину и только еще больше разъярила ее. Опустив голову и наставив свои похожие на ятаганы рога, она ринулась на охотника.

Для Гендрика это был момент величайшей опасности. Еще минута - и антилопа пронзила бы его своими страшными остриями, но инстинкт охотника подсказал ему путь к спасению: он отшвырнул ружье и побежал навстречу антилопе, точно сам хотел броситься ей на рога.

Но не в этом, конечно, заключалось его намерение. За два-три шага от зверя он вдруг, словно газель, взвился в воздух.

Этот прыжок его спас. Рога проскочили под ним, и он с размаху упал на круп антилопы.

Задние ноги животного согнулись под неожиданным грузом, и Гендрик соскользнул на землю. Он не успел еще подняться, как старый самец уже повернулся и снова ринулся на него.

Гендрику пришел бы конец, останься он с антилопой один на один. Но помощь была близка. На место схватки примчалась гончая, и в тот момент, когда антилопа бросилась на Гендрика, собака прыгнула и вцепилась ей в горло.

Гендрик почувствовал толчок, который был бы несравненно сильнее, если б собака, тяжело повисшая на горле антилопы, не помешала ей ударить со всего размаха. Благодаря своей гончей Гендрик был только слегка ранен.

Однако антилопа копытами оторвала от себя собаку и бросила ее на землю, готовясь уже поднять на рога.

После полученного им удара Гендрик был в такой же ярости, как сама антилопа, и не мог потерпеть, чтобы у него на глазах убили его любимого пса,- он решил во что бы то ни стало спасти его. Разгоряченный борьбой, уже не думая об отступлении, он выхватил охотничий нож и бросился к антилопе, которая, занявшись собакой, повернулась к нему боком. Левой рукой Гендрик для опоры схватился за ее рога, извернулся и другой рукой всадил ей длинное лезвие между ребер по самую рукоятку.

Удар был верный - он пришелся в самое сердце. Гендрик еще не выпустил рога, как животное свалилось мертвым к его ногам.

Немного успокоившись, Гендрик вспомнил про Толстого Виллема. Почему его нет до сих пор? Уж не разбился ли он? Гендрика охватила тревога, и, оставив самца, он решил сейчас же поехать к месту падения своего друга. За антилопой можно будет вернуться после. К счастью, его умная лошадь никуда не ушла, хотя он и оставил ее непривязанной. Гендрик вскочил в седло и поскакал по прежней дороге.

Одно обстоятельство особенно его заботило. Когда он бился с антилопой, до него донесся громкий выстрел Виллемова громобоя. По кому он стрелял? Или еще одна антилопа побежала в его сторону? А вдруг это был сигнал бедствия? Гендрик не знал, что думать, и сильно беспокоился.

Но все его опасения рассеялись очень скоро. Выбравшись на опушку, он увидел Виллема верхом на коне, уже готового пуститься ему навстречу. Для Гендрика это была большая радость: самый факт, что Виллем преспокойно сидит в седле, а Большой Жираф прочно стоит на ногах, показывал, что ни один из них не получил серьезного ранения.

Так оно и было, в чем Гендрик скоро удостоверился. Оказалось, что сам он пострадал куда больше, чем Виллем, - как-никак, а на руке у него была глубокая царапина от рога антилопы. Зато досаде Виллема не было предела; и хоть Гендрику очень хотелось обратить в шутку все это несчастное приключение, но он сдержался, щадя самолюбие своего товарища.

Он спросил, что обозначает слышанный им выстрел. Это стрелял Виллем? Утвердительно кивнув головой, тот указал на лежавший на земле труп какого-то странного животного.

Гендрик подъехал ближе и, наклонившись с седла, стал его рассматривать.

Это был редкий и удивительный зверь. Ростом он был с большого терьера, но совсем другой наружности. Задние лапы у него были короткие, как у гиены, и вообще он сильно бы его напоминал, если бы не длинная и острая морда, широкая спина и гораздо более стройные, чем у гиены, ноги. Это было очень привлекательное существо с длинной шерсткой, мягкой и шелковистой на вид. Цветом зверь был рыжевато-серый с черными поперечными полосами, что придавало ему особенное сходство с той породой гиен, которых так и называют полосатыми.

Но это была не гиена, а одно из тех странных животных, которые не принадлежат ни к какому определенному классу, а составляют между ними особое, промежуточное звено. Южная Африка изобилует подобными удивительными творениями как среди птиц, так и среди четвероногих. Примером могут служить хотя бы дикая собака, хиракс, зерда, фенек, гну и земляной волк; а среди птиц - змеед, орлан и многие другие. Известен только один вид каждого из этих странных существ, и родиной большинства из них является Южная Африка.

Животное, распростертое на земле перед Гендриком, было как раз такой зоологической загадкой и долгое время привлекало внимание классификаторов. Одни относили его к собачьей породе, другие - к гиенам, третьи считали виверрой, четвертые - лисицей. Правда, со всеми этими животными у него было много общего как в образе жизни, так и в анатомическом строении, но ни к одному из них оно не приближалось настолько, чтобы его решительно можно было считать собакой, лисицей, виверрой или гиеной. Пришлось создать отдельный род, и род этот получил имя "протелес". На земле перед Гендриком лежал протелес де Лаланда, названный так в честь путешественника де Лаланда, который первым описал его.

Но для Гендрика и Толстого Виллема это был попросту земляной волк, то есть волк, живущий в глубоких норах. Юношам этот волк был хорошо знаком: в Южной Африке он не редкость и встречается даже в населенных местах, только увидеть его нелегко - это зверь ночной. Днем он сидит в своем подземном жилище. Однако дурные наклонности всегда выдают его присутствие, и хотя на глаза он почти не попадает, зато бурам часто приходится видеть плачевные последствия его ночных походов.

В Южной Африке держат овец особой породы, отличающихся большими, толстыми курдюками, содержащими несколько фунтов чистого сала, которое жены колонистов употребляют на разные хозяйственные надобности. Эти-то курдюки, свисающие до самой земли, и составляют любимое лакомство земляного волка, так как челюсти у него гораздо слабее, чем у гиены, и он вынужден промышлять себе мягкую пищу. Бур-скотовод, встав поутру, то и дело обнаруживает, что его овцы лишились своих драгоценных курдюков и виновником этого несчастья всегда оказывается прожорливый земляной волк.

Поэтому неудивительно, что молодые охотники представляли его себе достаточно хорошо, и теперь Гендрик рассматривал мертвое животное совсем не из любопытства. Он и раньше видел этих волков, да и убил их немало. Просто ему интересно было знать, куда именно попала пуля Виллема.

- Откуда он взялся? - спросил Гендрик.

Толстый Виллем отвечал, что волк выскочил из норы, в которую провалился Большой Жираф.

- Я только что встал на ноги, а тут он и бежит, - рассказывал Виллем. Меня зло взяло - я ведь из-за него чуть себе шею не свернул, - вот я и пустил в него пулю, хоть он не стоит ни свинца, ни пороха.

Так объяснилась причина услышанного Гендриком выстрела.

Молодые люди собрались ехать за антилопой, чтобы перевезти в лагерь как можно больше мяса. Тут подоспели Ганс и Аренд, и все четверо двинулись к реке.

Антилопу разрубили на четыре части, каждый взвалил свою долю на круп лошади, и юноши пустились в обратный путь.

Настроение у всех было прекрасное, за исключением, пожалуй, только Виллема, который по двум причинам был сильно не в духе. Во-первых, он был огорчен потерей собаки; во-вторых, никак не мог примириться с тем, что его охотничья репутация потерпела урон. Забыть это было трудно; правда, Гендрик старался не растравлять его рану, но Ганс и Аренд вовсе не были так великодушны и всю дорогу от души смеялись над его несчастным падением.

Глава XVIII ОТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Клаас и Ян давно вернулись в лагерь и, расседлав своих пони, расположились в тени фургонов.

Они не умели быть праздными и скоро нашли себе занятие, интересовавшее и забавлявшее их. Черныш был божеством обоих мальчиков, - Клаас и Ян поклонялись ему, потому что во всей Африке не было птицы, которую он не сумел бы поймать в силки или ловушку; и в часы досуга, загнав буйволов в крааль и покончив со всеми своими заботами, он охотно показывал двум молодым минхерам, как устраивать всевозможные привады и тенета для летающих птиц.

Сегодня мальчики с особенным интересом следили за приготовлениями бушмена: на этот раз он задумал поймать не летающую птицу, а бегающую, - и какую же? Страуса.

Черныш поставил себе целью вырвать перья у того самца, чье гнездо подверглось сегодня утром такому грубому нападению и разорению.

Только как он поймает страуса?

Взять его живым он не надеялся. Это не так-то просто. Погоня за страусом, всегда долгая и утомительная, может увенчаться усмехом лишь в том случае, если в ней участвуют несколько всадников на быстрых лошадях.

Но Чернышу и не нужен был живой страус. Его интересовали только кожа и перья, или, вернее, те несколько золотых, которые он получит за них по возвращении в Грааф-Рейнет. Ловить для этого страуса не к чему - достаточно убить его. Впрочем, и это дело нелегкое.

Как же думал Черныш привести в исполнение свой замысел? Конечно, он мог бы попросить карабин у Гендрика или громобой у Виллема, но с огнестрельным оружием Черныш был не в ладах, и дай ему хоть карабин, хоть громобой, он не убил бы из них даже слона, не то что страуса.

Да, метко всадить пулю Черныш не умел, но зато у него было свое собственное оружие, и им он владел в совершенстве. Это был его лук. С помощью небольшого лука (едва в ярд длиной) бушмен пускал маленькие, тонкие стрелы, такие же смертоносные, как свинцовая пуля, летящая из карабина или ружья.

Глядя на эту легкую оперенную стрелу с маленьким железным наконечником, очень трудно было поверить, чтобы она могла убить большого, сильного страуса. И, однако, такими вот стрелами Черныш убивал даже громадных жирафов. Смертельным и опасным оружием была стрела бушмена.

В чем же крылась причина ее смертоносности? Вряд ли в ее размере и, уж конечно, не в стремительности ее полета. Нет. Что-то другое - не упругость лука и не вес стрелы - делало оружие бушмена таким опасным. Опасным делал его яд.

Стрелы у Черныша, как и у всякого бушмена, были отравлены, поэтому не мудрено, что они несли с собою смерть.

Дикарские племена всего земного шара употребляют лук и стрелы, причем форма и устройство этого оружия везде совершенно одинаковы. Это очень любопытный факт. Посудите сами. Абсолютно чуждые друг другу племена и национальности, живущие, казалось бы, совсем обособленно от остального мира и никак не связанные между собой, вдруг оказываются обладателями одного и того же оружия, построенного на одном и том же принципе и отличающегося только в деталях, объясняемых большей частью лишь

особенностями окружающей обстановки. Как бы ни были различны обычаи и нравы каких-нибудь двух дикарских племен, вооружение у них всегда одно и то же - лук и стрелы.

Что это, просто совпадение, которое объясняется тем, что одинаковые потребности вызывают повсюду одинаковый результат? А может быть, обладание одним и тем же оружием доказывает, что эти различные и отдаленные друг от друга племена когда-то, на заре своего существования, составляли одно целое или общались между собой?

Для истории человечества это очень интересный вопрос, но соображения, которые он влечет за собой, здесь не к месту и завели бы нас слишком далеко.

Не менее, а может быть, еще более любопытен факт употребления отравленных стрел. Почти во всех частях света мы видим дикарей, которые смазывают свои стрелы ядом; способ приготовления этого яда везде один, а если и есть какая-нибудь разница, то она тоже вызвана природными особенностями того края, где живет данное племя.

Итак, все дикари знакомы с ядом для стрел и готовят и употребляют его везде одинаково. И опять же, географически они так отдалены друг от друга, что очень трудно, даже невозможно предположить, будто между ними или хотя бы их отдаленнейшими предками существовала какая-либо связь. Например, нельзя себе представить, чтобы африканские бушмены когда-то сносились с чанчосами с реки Амазонки или, что уже совсем невероятно, с индейцами Северной Америки; однако все они употребляют отравленные стрелы и готовят яд одним способом. И у тех и у других это всегда смесь растительного яда со змеиным, извлекаемым из желез ядовитых змей. В Северной Америке материал для этой смеси поставляют гремучая и мокасиновая змеи, а также разные корни; южноамериканский яд, знаменитый вурали, или кураре, как его неправильно называют, получается от смешения растительных соков с ядом целого ряда змей: коралловой бойквиры или алмазной гремучей змеи, рогатой гадюки, страшного "властелина лесов", которая тоже является разновидностью гремучей змеи, и многих других. В Южной Африке яд для стрел добывается из яда пуф-змеи, или найи (местной кобры), и сока корня амариллиса - ядовитой луковицы, как называют его колонисты. Из этих-то элементов и составлял наш бушмен свою опасную смесь.

Черныш, как и все бушмены, был большой искусник в деле приготовления ядов, и Клаас с Яном все утро не отходили от него, наблюдая, как он смешивает составные части. Эти яды всегда были у Черныша под рукой, и всякий раз (а это случалось часто), когда кто-нибудь из молодых охотников убивал по дороге змею - какую-нибудь найю, или пуф-змею, или рогатую гадюку, - Черныш не упускал случая вскрыть ядовитую железу, расположенную позади ядовитых зубов, и извлечь из нее каплю яда; накопленный яд он держал в особом пузырьке. Была у него также в запасе и горная смола, которую он собирал в известных ему пещерах, где она сочится из трещин в скале. Эта смола прибавляется к яду не для того, чтобы усилить его действие, как думают некоторые путешественники, а лишь затем, чтобы яд получился клейким, как можно крепче пристал к наконечнику и остался при нем во время полета стрелы. Южноамериканские индейцы для этой же цели употребляют растительные смолы.

Ядовитые луковицы Черныш мог бы добыть в любой момент, так как амариллис повсюду растет в изобилии. Но Черныш не любил полагаться на случай и потому постоянно собирал корни амариллиса и складывал их в один из выдвижных ящиков фургона ван Блоомов, где у него были припрятаны всякие принадлежащие ему мелочи.

Итак, Клаасу и Яну представился редкий случай своими глазами увидеть приготовление знаменитого яда для стрел.

Прежде всего Черныш выдавил сок из луковицы амариллиса и прокипятил его на огне в небольшой жестяной кастрюльке, потом прибавил туда несколько капель драгоценного змеиного яда и стал перемешивать полученную смесь до тех пор, пока она не сделалась совершенно темной. Когда смесь была готова, Черныш, к великому изумлению мальчиков, попробовал ее на вкус!

Очень им показалось странно (как, наверно, кажется и тебе, мой юный читатель), что

яд, самая ничтожная доза которого должна была наверняка убить Черныша, был им проглочен совершенно безнаказанно!

Но нужно помнить, что яды, как растительные, так и минеральные, очень различны по своим свойствам. Минимальное количество мышьяка, попав в желудок, приводит к смерти, и в то же время можно без малейшего вреда проглотить голову гремучей змеи вместе с зубами и ядовитыми железами.

И наоборот, крошечная капля змеиного яда, введенная в кровь хотя бы уколом иголки, производит роковое действие, тогда как другие яды, попав в кровь, оказываются абсолютно безвредными.

Черныш знал, что в его смеси не содержится мышьяка или какого-нибудь другого "желудочного", если можно так выразиться, яда. У него был только "кровяной" яд, который он мог безнаказанно пробовать.

Последней в жестянку была влита смола; Черныш еще немного помешал смесь, и, когда она сделалась достаточно густой, чтобы прочно прилипнуть к наконечникам, он взял пучок стрел и каждую в отдельности окунул в яд. Скоро наконечники остыли, яд на них высох, и Черныш объявил, что стрелы готовы к употреблению. Он намерен был еще до заката солнца пустить их в ход: отравленные стрелы предназначались им для старого страуса.

Глава XIX

КАК ЧЕРНЫШ ПРИМАНИВАЛ СТАРОГО СТРАУСА

Клаас и Ян не очень заинтересовались приготовлением яда; гораздо любопытнее была для них самая охота - ведь бушмен собирался сегодня же вечером испробовать этот яд на страусе. Более того: он обещал показать им какой-то свой особенный способ охоты и ручался, что непременно убьет старого страуса. Мальчики заранее предвкушали увлекательное зрелище и весь этот день провели в самом приподнятом настроении.

Охота должна была начаться перед заходом солнца: страусы вернутся к своему гнезду, и тут-то и разыграется трагедия. Местом действия будет гнездо и близлежащая равнина, временем действия - предвечерний час. Такова была "программа" Черныша.

Старшие юноши почти всегда разрешали Чернышу охотиться за кем угодно; на этот же раз они с особой готовностью дали ему свое согласие, так как Клаас и Ян давно мечтали посмотреть охоту на страуса. В сущности, юноши и сами были не прочь принять в ней участие, но по некоторым причинам это было невозможно.

Не все они верили в успех задуманного дела. Правда, никто не сомневался в том, что отравленная стрела убьет птицу, но для этого требовалось, чтоб стрела в нее попала, а значит, стрелять надо было с близкого расстояния. Сумеет ли Черныш подкрасться к птицам? Этот вопрос занимал всех. Черныш должен был выйти на охоту при дневном свете, выбирать время ему не приходилось. Ведь страусы вернутся к гнезду до наступления ночи - как только солнце спустится к горизонту и воздух станет холоднее, - а увидав, что в их отсутствие кто-то разорил гнездо, они тотчас убегут в панике и навсегда его покинут.

Таким образом, дожидаться темноты Черныш не мог; а между тем подойти к гнезду надо было как можно ближе - ведь его маленький лук стрелял всегда на пять - десять ярдов.

Может быть, Черныш спрячется где-нибудь в засаде и будет ждать там возвращения птиц? Но если прятаться, так около гнезда, иначе это вообще не имеет смысла, потому что птицы могут прийти откуда угодно и убежать в любом направлении.

Поблизости от гнезда Черныш нигде не мог укрыться, это было очевидно. На пятьсот ярдов в окружности не было ни камня, ни кустика, за которым мог бы притаиться человек, а ведь страусы так зорки и осторожны, что от них даже на вдвое большем расстоянии не спрячется и кошка. Может быть, вырыть яму и в ней залечь? Нет, это не поможет. Яма, окруженная кустами, обманет, пожалуй, льва, или носорога, или слона, но страуса так легко не проведешь: это очень умная птица, хотя некоторые судят по наружности и считают ее

глупой. Вблизи гнезда страус заметит малейшее изменение в поверхности почвы и поостережется приблизиться, пока не произведет такое подробное обследование, что все ухищрения пойдут насмарку. Но Черныш и не собирался рыть никакой ямы, у него этого и в мыслях не было.

Как же, в таком случае, думал он поступить? Мальчики напрасно ломали себе голову. Черныш, как и все охотники, был себе на уме и вовсе не собирался сообщать им свои планы. Пусть смотрят и сами догадываются. Но мальчики тоже были охотники и, кроме того, хорошо воспитаны; поэтому они не приставали к нему с расспросами, а молча следили за его приготовлениями.

Последнее, что сделал Черныш, перед тем как отправиться к страусовому гнезду, было вот что: он взял убитого утром фенека и воткнул ему в живот несколько лучинок; когда его поставили на землю, получилось, будто фенек сам стоит на ногах, и даже на близком расстоянии он казался живым.

Солнце уже клонилось к западу. Черныш подхватил под мышку фенека, забрал лук и стрелы и двинулся в путь. Он обещал Клаасу и Яну, что они будут свидетелями охоты, но оказалось, что это он только так выразился. На самом же деле им предстояло смотреть в зрительные трубки - в лагере их как раз было две. Взять мальчиков с собой Чернышу было нельзя. Если б он подвел их к гнезду на расстояние, с которого все можно разглядеть простым глазом, осторожные и зоркие птицы сразу бы их заметили и тотчас бросились бы наутек; ведь страусы, как говорилось выше, видят врага тогда, когда он их самих еще не видит.

И вот Клаас с Яном скорее побежали просить зрительные трубки. Старшие решили, что мальчики влезут на дерево и оттуда будут сообщать остальным обо всем, что произойдет на равнине. Таким образом, стоящие внизу увидят спектакль "вторым зрением", как шутливо выразился Аренд.

Клаас и Ян взобрались на колючую верблюжью акацию и, усевшись на ее ветвях, приготовили свои подзорные трубы.

С этого возвышенного места открывался вид не только на гнездо - его можно было рассмотреть и с земли, - но и на значительное пространство вокруг, так что мальчики легко могли уследить за малейшими движениями как Черныша, так и птиц.

Мы уже говорили, что около гнезда в окружности радиусом ярдов на пятьсот не было ни одного укрытия, за которым могла бы притаиться хотя бы кошка. Если не считать нескольких разбросанных там и сям камней величиной с четырехфунтовый хлеб, вся песчаная поверхность была ровная и гладкая, как стол.

Мальчики заметили это еще утром, а Гендрик и Виллем даже обратили на это особое внимание: им, так же как и Чернышу, хотелось убить страусов, но они отказались от этой мысли, потому что совершенно не могли придумать, где им спрятаться от острых глаз птицы.

Однако сразу позади этой окружности рос какой-то куст, за которым, если поплотней сдвинуть его ветки, кое-как мог укрыться человек. Гендрик и Виллем оба видели этот куст, но им показалось, что он находится слишком далеко от гнезда. Добро б еще он стоял на пути, по которому страусы ушли утром и, как предполагали охотники, вернутся вечером. Тогда, притаившись за ним, можно было бы подстрелить их из ружья. Но куст рос не с той стороны, а как раз с противоположной - со стороны лагеря. Так что Гендрику и Толстому Виллему даже в голову не пришло воспользоваться им как укрытием.

Между тем на него-то Черныш и возлагал все свои надежды и теперь направился напрямик к нему. Зачем? На расстоянии пятисот ярдов что толку будет Чернышу от его стрел, хоть они и отравлены? О! Черныш знал, что делает. Расскажем о его действиях словами Клааса и Яна, которые пристально за ним следили.

- Черныш дошел до куста, - сообщал Ян. - Вот он сложил под ним лук и стрелы. Отошел от него, идет прямо к гнезду. В руках у него фенек. Ага, снова остановился, между кустом и гнездом, но поближе к кусту.

- Очень близко от куста, - сказал Клаас. - Не будет и двадцати ярдов.
- Все равно сколько ярдов. Но что он там делает? - спросил Гендрик. - Он, кажется, нагнулся?

- Нагнулся, - ответил Ян. - Пстой-ка! Он ставит лисицу на землю! Уже поставил. Честное слово, лисица стоит, как живая!

- Ну, теперь мне ясно, как он думает подманить страусов, - заметил Ганс. Понимаю!

- И я! - воскликнул Гендрик.

- И я! - отозвался Виллем.

- А теперь, - продолжал Ян, - он пошел дальше. Вот уж он у гнезда. Что это он там делает, Клаас? Не могу понять. Ходит кругом и как будто что-то ногой закапывает...

- По-моему, - ответил Клаас, - он зарывает разбитые скорлупы, которые мы там оставили.

- Да, да! Так и есть! - крикнул Ян. - Смотри, он наклонился над гнездом и поднял яйцо!

Читатели, наверное, не забыли, что утром молодые охотники увезли с собой только свежие яйца. Те, что казались им насиженными, они не трогали, за исключением двух-трех, которые разбили для проверки.

- Черныш возвращается, и в руках у него яйцо, - сказал Ян. - Он положил его прямо под нос фенеку!

- Каково! - воскликнули Ганс, Толстый Виллем и Гендрик. - Ну и хитрец же наш Черныш!

- А теперь, - продолжал Ян, - он возвращается назад. Вот он уже спрятался за кустом.

Через некоторое время Клаас и Ян сообщили, что Черныш продолжает неподвижно сидеть позади куста.

Все эти манипуляции Черныш производил неспроста. Он давно подметил ненависть страусов к фенекам - пожирателям их яиц, и сейчас собирался этим воспользоваться. Ненависть страусов к фенекам так сильна, что, где бы ни увидел страус фенека, он тотчас пускается за ним в погоню с целью уничтожить его. И тут уж фенека не спасут его быстрые ноги. Если он не успеет юркнуть в свою норку, или скрыться в густом кустарнике, или же в расселине скалы, могучая птица одним ударом ноги убивает хищника.

Черныш прекрасно знал это и захватил мертвого фенека на приманку. Он поставил его так, чтобы страусы непременно его заметили, а птицы, найдя свое гнездо разоренным и увидев фенека, да еще с яйцом у самого носа, конечно не преминут броситься на хорошо им известного вора и грабителя.

- Страусы идут! - крикнул наконец Ян, который отличался очень острым зрением.

- Где, где? Я не вижу. Где они, Ян? - спросил Клаас.

- Вон там, прямо, - ответил Ян. - Еще очень далеко.

- Ах, теперь вижу! - воскликнул Клаас. - С той стороны, куда они ушли утром. Их трое - самец и две самки. Наверно, это те же самые?

- Они идут к гнезду, - сообщил Ян. - Вот уже подошли. Гляди-ка! Чего только не вытворяют! Носятся кругом как бешеные, мотают головами, бьют ногами. Что бы это значило?

- Мне кажется... - откликнулся Клаас. - Нет, честное слово, они разбивают свои яйца!

- Конечно, так оно и должно быть, - заметил Ганс. - Страусы всегда разбивают яйца, если, вернувшись, обнаруживают, что их касался человек или животное. Вот этим они сейчас и занялись.

Гендрик и Толстый Виллем подтвердили слова Ганса.

- О! - воскликнул Ян. - Они отбежали от гнезда и мчатся сюда - прямо на Черныша! Как они бегут!

Вот наскочили на фенека, опрокинули, бьют его клювами и подкидывают, как футбольный мяч. Урра! Ну и потеха!

- А Черныш-то что зевает? Как раз пора выстрелить!

- Он что-то там делает, - ответил Клаас. - Вот пошевелился... Кажется, он натягивает

лук...

- Верно, верно! - ответил Ян. - Вот рукой дернул - это он выстрелил. Смотри, смотри, страусы опять побежали! Ах, они убегут совсем!

Мальчики ошибались. Правда, услышав звук отпущенной тетивы, все три страуса кинулись прочь, но далеко они не убежали. Через четверть мили самец вдруг опустил крылья и начал кружиться на месте. Движения его делались все более странными и судорожными - наверно, стрела Черныша настигла его и яд уже начал действовать. Страус шатался, как пьяный, падал на колени, вставал, чтобы пробежать еще несколько шагов, хлопал крыльями и мотал головой; наконец он рванулся вперед и рухнул на землю.

Некоторое время он продолжал еще биться, колотя по земле своими сильными ногами и поднимая кругом себя такие клубы пыли, точно это был буйвол. Но недолго длилась борьба. Страус дрогнул последний раз и неподвижно растянулся на песке.

Самки не отходили от него, и заметно было, что они поражены и встревожены. Они не пытались никуда бежать, пока Черныш, зная, что с такого далекого расстояния стрела до них не долетит, не вышел из засады и не направился к ним. Тогда только самки подумали о бегстве. Со всех ног пустились они по равнине и скоро скрылись из виду.

Немного спустя Клаас и Ян сообщили, что Черныш наклонился над мертвым страусом и, как им кажется, сдирает с него кожу. Так оно и было. Через час Черныш появился в лагере с кожей страуса на плечах. Как победитель, прошел мимо зулуса и всем своим видом, казалось, говорил:

"Ну что, Конго? Небось тебе этого не сделать?"

Глава XX

СТЫЧКА С ПОЛОСАТЫМ ГНУ

Молодым охотникам пришлось еще на два дня остаться в акациевой роще у источника. Необходимо было как следует провялить вкусное и питательное мясо голубой антилопы, чтобы оно дольше сохранилось. Ведь неизвестно еще, попадет ли им какая-нибудь дичь за ближайшие пять-шесть дней пути. Дорога для всех была новая и незнакомая, даже для проводника Конго, который знал ее только в общих чертах. Они направлялись к реке Молопо. Конго был уверен, что не сойдет с пути, но что представляет собой отделявшая их от реки местность, он не имел понятия. Кто знает: может быть, дичи там в изобилии, а может быть, ее и вовсе нет?

Еще менее был осведомлен Черныш. Охотники давно покинули область, населенную бушменами, и двигались теперь по территории, где жили бедные бечуанские племена. Родина Черныша была на юго-западе, в направлении Намакуаленда. Так далеко на востоке он не бывал еще ни разу в жизни, и дорога, по которой они теперь шли, была ему совершенно неизвестна.

Ганс, которого все слушались как старшего и самого опытного, счел неблагоразумным пускаться в дальнейший путь, пока не будет заготовлено впрок мясо голубой антилопы и остатки мяса ориксов. Но для этого необходимо суток на двое здесь задержаться, чтобы провялить на солнце мясо. Складывать в фургон его можно только как следует провяленным, иначе оно испортится на такой жаре и во время странствия они окажутся без куска мяса.

Итак, привал молодых охотников в акациевой роще затянулся еще на два дня. За этот срок мясо голубой антилопы и остатки ориксов, развешанные красными фестонами на ветвях акации, сначала потемнели, потом ссохлись и наконец затвердели совсем. В таком состоянии их можно было хранить несколько недель.

Конечно, юноши не находились все эти дни безотлучно в лагере. Следить за мясом не было нужды. Оно так высоко висело на ветвях, что рыскавшие по ночам шакалы и гиены не могли его достать, а днем кто-нибудь всегда оставался на месте, чтобы отгонять хищных птиц.

В первый же день молодые люди сели на лошадей и в надежде на новую добычу

отправились все шестеро к тем заросшим сочной травой лугам, где они вчера охотились на голубых антилоп. Юноши не обманулись в своих ожиданиях. Выехав из рощи, они сразу увидели, что луга не пусты - на них пасутся животные трех разных видов.

Вдали виднелось стадо небольших антилоп с лировидными рогами и светлой серовато-коричневой спинкой. По резвости и веселости в них тотчас можно было узнать газелей-прыгунов: то и дело какая-нибудь из них высоко подсакивала в воздух, распаивая в прыжке широкую складку кожи на крупе своего рода сумку, подбитую длинной снежно-белой шерстью.

Неподалеку, иногда забегая в их стайку, расположилась группа животных покрупнее. Удивительная окраска и полосы на боках позволяли безошибочно заключить, что это так называемые дау, или тигровые лошади, которых ученые называют бурчеллиевой зеброй. Мы уже говорили, что этот вид многим отличается от подлинной зебры. Основной цвет дау грязно-желтый, тогда как зебра почти белая. Полосы у дау темно-коричневые, а у зебры - черные. Но самое главное их различие состоит в том, что у зебры эти полосы кольцами спускаются по ногам до самых копыт, тогда как у дау ноги совершенно белые. Уши и хвост зебры напоминают ослиные; у дау и хвост и все тело гораздо длиннее, чем у осла.

Обе эти породы - и дау и зебры - очень красивы, пожалуй, красивее всех на свете четвероногих, за исключением, конечно, благородной лошади. Впрочем, красотой зебра все же превосходит дау. По своему образу жизни они очень различны. Зебра - животное горное, а дау селится только на открытых равнинах и выбирает те же места, которые посещаются кваггами. И хотя дау и квагги никогда не собираются в одно стадо, но по своим привычкам дау все же гораздо ближе к кваггам, чем к зебрам. Наблюдая образ жизни дау, буры так и прозвали его: "полосатая квагга".

Но всего замечательнее была третья группа животных. Фигуры их были так странны, а повадки так забавны, что всякий, кто хоть раз взглянул на них или на их изображение, потом всегда отличит их из тысячи. Молодые охотники никогда раньше таких животных не видели, но зато встречали одну родственную им породу, очень на них похожую. Все хорошо помнили, как выглядят обыкновенные гну, и с первого взгляда догадались, что невиданные звери не что иное, как голубые, или полосатые, гну.

Голубые гну крупнее и грузнее простых; голова у них не так красиво очерчена, а шея почти лишена грациозного изгиба, свойственного гну обыкновенным. У них более косматая грива, пучок волос на носу, волосы под горлом и на груди. Цветом они тоже совсем другие - грязно-голубоватые, с неправильно расположенными полосами, отчего их и называют голубыми, или полосатыми.

Гну обыкновенных и гну полосатых никогда не встретишь на одной и той же равнине. Они не оспаривают пастбищ друг у друга, причем полосатые заходят значительно дальше на север, чем обыкновенные. Полосатые гну редко пасутся отдельно от других животных: большей частью они ходят в сопровождении стад дау (бурчеллиевой зебры), тогда как обыкновенные почти всегда появляются в обществе квагг. Замечательно, что оба вида гну избегают своих сородичей и в то же время часто составляют одно стадо с антилопами и страусами. Интересное и увлекательное зрелище представляют собой гну, антилопы и дау, когда они резвятся, кувыркаются и скачут вместе по равнине. То они собираются в круг, то растягиваются в прямую линию, точно отряд кавалерии на смотре, и внезапно, как будто бросаясь в атаку, несутся вскачь, а потом вдруг разом останавливаются. Тут же среди них важно расхаживают или стоят неподвижно страусы, возвышаясь над всеми, как командующие парадом офицеры или генерал-аншефы. Эту любопытную картину нередко можно наблюдать на равнинах Южной Африки.

Выехав из рощи, молодые охотники сдержали лошадей, невольно залюбовавшись царившим на лугу оживлением. Одни антилопы-скакуны мирно щипали травку, другие, резвясь, высоко подпрыгивали в воздух. Тут же паслось стадо дау. Эти вели себя степенно, хотя время от времени все вдруг бросались в сторону, как бы играя или чего-то испугавшись. Самки полосатых гну соединились в большое стадо, а самцы окружили их кольцом,

собравшись по трое и по четверо вместе. Самцы стояли величественно и неподвижно, но заметно было, что они внимательно следят за своими подопечными: иногда они громко фыркали или выпускали особенный резкий крик в знак предостережения или гнева. Стоять так они могут часами, отдельно от всех прочих, маленькими группами, ведя между собой какой-то разговор и в то же время исправляя должность часовых при общем стаде дау, антилоп и своих собственных супругов.

Охотники посоветовались и решили атаковать стадо гну. Внезапно нападать из засады не стоило - юноши были уверены, что они без труда догонят любое животное и пристрелят его на скаку. Так и было условлено. Прекрасные создания - дау, несмотря на свою красоту, как дичь не годились, а молодым охотникам нужна была только дичь. Антилопы-скакуны их тоже не интересовали, но мясо гну было приманкой для всех - оно очень сочное и вкусом напоминает не оленину, а говядину, потому что гну, в сущности, скорее бык, чем антилопа.

Подхватив брошенный Гендриком лозунг: "Ростбиф к обеду!" - юноши понеслись в атаку на стадо гну.

Они не старались скрыть свое приближение; впереди мчались собаки - теперь их было только пять, - и любимица Гендрика скакала первая.

В одну секунду все на лугу пришло в движение. Каждая порода животных на свой лад бросилась искать спасения. Красавцы дау сбились в кучку и побежали куда глаза глядят; скакуны, по своему обыкновению, рассыпались по сторонам; а гну, соединившись в беспорядочное стадо, сначала ринулись прочь от охотников, затем разделились надвое, повернулись - одни направо, другие налево - и помчались обратно, охотникам в тыл.

Вид луга совершенно изменился. Зебры исчезли так же, как и скакуны. Перед охотниками остались одни гну, но эти не сбились все в одно место: они были повсюду, кругом. Часть спасалась от собак, другие разбегались по сторонам, третьи, проскакав назад ярдов двести - триста, вдруг снова бросались вперед и проносились так близко от лошадей, что охотникам казалось, будто они вот-вот нападут на них. Свиные маленькие глазки, острые, круто загнутые рога, черная взъерошенная грива - все придавало им вид грозного врага, каким они и становятся, когда решатся перейти в нападение. Раненый гну очень опасен даже для всадника, а пешему и вовсе не устоять против стремительной атаки рассвирепевшего зверя.

Очень странным показалось молодым охотникам, что самцы, вместо того чтобы бежать вместе со всеми, отчего-то медлили в тылу убегающего стада. Иные даже совсем останавливались, оборачивались и, громко фырая, глядели на охотников; потом вдруг пускались вскачь, и случалось, что, столкнувшись нечаянно друг с другом, тут же затевали драку. И дрались они не для отвода глаз. Напротив, старые самцы, казалось, всерьез старались забодать один другого: сбежавшись, они падали на колени и стучались головами так, что громко трещали рога и крепкие шлемообразные лбы. Но, несмотря на это, они тотчас разбегались при приближении охотников, и попасть в них было очень трудно. Если б не гончие, то молодые люди вернулись бы, чего доброго, в лагерь с пустыми руками. Собакам, однако, удалось собраться в стаю и, выбрав одного старого самца, отрезать его от остальных. Во всю мочь погнажи они его по полю: Гендрик и Толстый Виллем пришпорили коней и помчались следом; поскакали и их братья, но травля затянулась, и они один за другим стали отставать.

Самец не пробежал и двух миль, как собаки надели на него. Он почувствовал, что от них не уйти, круто повернул, ринулся навстречу своим преследовательницам и раскидал их рогами по сторонам.

По всей вероятности, старый гну успешно отбил бы от всех пятерых, если б в это время не приблизились охотники; новый испуг придал ему сил, и, бросив собак, он со всех ног пустился бежать по равнине. Еще миля - и гну скрылся бы в перелеске; там, видимо, он и искал спасения, но у него не хватило дыхания. Он не добежал еще до леса, а собаки уже то и дело хватили его за бока. Тогда он еще раз принял оборонительное положение и стал бить рогами направо и налево. Это была храбрость отчаяния. Пять собак одновременно

набросились на старого гну - одна вцепилась ему в горло, другие повисли на крупе и на задних ногах. Скоро они свалили бы его на землю и битва бы кончилась, но тут подъехали Гендрик с Виллемом, и две пули, пробив ему ребра, прекратили его мучения.

Глава XXI НОСОРОГ

На этот раз Ганс и Аренд тоже увлеклись охотой и прискакали почти тотчас после того, как пал мертвым старый гну. Клаас и Ян, от которых благодаря открытой местности не ускользнула ни одна подробность травли, что было сил погоняли своих запыхавшихся пони и явились минутой позже старших братьев.

Все шестеро спешили. После быстрой скачки надо было отдохнуть самим, дать отдых лошадям, а также содрать шкуру с самца. По заведенному у них порядку, Аренд исполнял обязанности шеф-повара, Гендрик и Толстый Виллем были мясниками, а Ганс, как ботаник экспедиции, - зеленщиком: знакомство с растениями помогало ему поставлять на походную кухню различные съедобные корни и овощи, растущие в диком состоянии на равнинах Южной Африки.

Пока Гендрик и Виллем снимали шкуру, Ганс и Аренд препарировали голову и рога. Они и охотились-то почти столько же ради рогов, сколько ради мяса. Это был новый трофей для украшения холлов в Грааф-Рейнете. Рога обыкновенного гну достать нетрудно, но рога полосатого считаются ценностью, так как эти животные водятся только в отдаленной части страны.

Клаас и Ян помогали старшим - подавали ножи, поддерживали во время рубки части туши и обрезки кожи и вообще всячески старались быть полезными. Таким образом, никто не оставался без дела.

Все трудились, склонившись над мертвым гну, не поднимая головы и забыв осторожность, как вдруг неожиданный шум, достигнув их слуха, заставил всех вскочить на ноги. Они слышали громкое фыркание, сопровождавшееся каким-то трубным звуком, похожим на визг перепуганной свиньи, но только еще оглушительнее. Звук этот смешивался с хлопанием ветвей и треском сучьев.

Все шестеро вздрогнули, а некоторые и задрожали от страха; но то, что они увидели, еще увеличило их ужас. Да что там говорить, представшее перед ними зрелище заставило бы забиться сердца и более закаленных в опасностях людей, чем эти мальчики.

Пригибая и топчя ветви, сквозь кустарник ломилось громадное животное. На морде у него был высокий прямой рог, тело было огромное и грузное, ноги толстые и могучие. Сомнений не оставалось: перед юношами был носорог!

В Южной Африке их четыре породы. Тот, которого увидели охотники, был черный, с двойным рогом, так называемый "бореле" - самый опасный и свирепый из всех.

Когда юноши слышали треск, он еще был в кустах, у самой опушки; оглянувшись в направлении шума, они увидели, что он уже вырвался из чащи; задрав голову, мотая ушами и вызывая потряхивая коротким хвостом, носорог тяжело бежал прямо на них. Его черные глазки горели злобой, и весь вид не предвещал ничего доброго. Он был ужасен, а громкое фыркание и шумное дыхание, вырывавшееся из его горячих ноздрей, еще усиливали внушаемый им трепет.

К величайшему своему огорчению, молодые люди убедились, что опасности не миновать. Ошибки быть не могло - носорог направлялся в их сторону и, очевидно, замыслил нападение. Ничего удивительного в этом не было - черный носорог без всякого повода бросается на что попало: на человека, на зверя, на птицу, даже на куст!

Положение юношей было очень затруднительно: на открытой равнине, пешие, и в старьях от них - разъяренный бореле!

К счастью, лошади стояли спокойно, и, к счастью же, охотники привязали их так, что отвязать уздечки ничего не стоило. Если бы не эти два обстоятельства, кто-нибудь из

шестерых непременно был бы поднят на рог, а это означало верную смерть. .

Все лошади стояли неподалеку у дерева, а уздечки были закинута на короткие сучья. Сучья эти мгновенно можно было отломать, и в то же время они удерживали смирную лошадь на месте. Привязывать лошадей таким способом предусмотрительно научили юношей их отцы, и теперь он сослужил им большую службу.

Конечно, увидав громадного, как гора, бореле, молодые люди тотчас бросили тушу гну. Раздался общий крик ужаса. Все шестеро, побросав ножи, кинулись к лошадям, сорвали с сучьев уздечки и мигом вскочили в седла. Это было сделано в десять секунд, но и десятая секунда едва не оказалась роковой. Лошади уже заметили отвратительную морду бореле. Они в страхе шарахнулись в сторону и чуть не сбросили некоторых всадников. Очутиться в этот момент на земле было равносильно гибели.

Однако все кое-как удержались в седлах и секунду спустя тесной кучкой мчались во весь опор по равнине, преследуемые пыхтящим бореле.

Теперь, сидя в седлах и быстро приближаясь к лагерю, юноши, в том числе Гендрик и Толстый Виллем, уже готовы были смеяться над своим приключением. Они вполне были уверены, что никакой носорог не может в быстроте бега соперничать с лошадью, что скоро они потеряют его из виду и все кончится одним смехом. Но вдруг одна и та же мысль мелькнула у обоих, и веселое настроение мгновенно сменилось тяжелым чувством тревоги.

Молодые охотники скакали по двое. Гендрик и Толстый Виллем на своих быстрых лошадях, как всегда, опередили остальных. Оглянувшись, они увидели, что мальчуганы Клаас и Ян сильно отстали и бореле заметно их нагоняет. Он был уже ярдах в двадцати от скакавших рядышком что есть духу мальчиков.

Впереди них ехали Ганс и Аренд; они обернулись одновременно с Гендриком и Виллемом и тоже увидели, в каком бедственном положении находятся их младшие братья. Все четверо невольно вскрикнули.

Да, лошадь легко уйдет от носорога, но ведь пони от него не уйти! Клаас и Ян в несомненной опасности. Если бореле их настигнет, то пони их не спасут. Громадный зверь одним ударом острого рога распорет брюхо маленьких лошадок. Мальчики в несомненной и страшной опасности!

Все подтверждало ужасную истину. Расстояние между Клаасом и Яном и носорогом, вместо того чтобы увеличиваться, все уменьшалось и уменьшалось бореле их нагонял.

Это была тяжелая минута для всех четверых. И тут Гендрик проделал маневр, искуснее и лучше которого не видел никто в течение всей экспедиции. Дернув повод, он вдруг повернул лошадь влево и дал знак Виллему заворачивать вправо. Виллем инстинктивно повиновался, и оба одновременно помчались назад - Виллем с одной, Гендрик с другой стороны дороги. Проскакав немного, юноши остановились и взяли ружья на изготовку.

Сначала между ними пронеслись Ганс и Аренд, потом на перепуганных пони Клаас и Ян, и наконец явился бореле.

Не дав ему поравняться с собой, охотники прицелились, выстрелили и, помчавшись галопом ему в тыл, вновь зарядили ружья.

Обе пули попали в цель и хотя не свалили чудовища, но сильно замедлили его бег.

Кровь обильно текла из его ран. Однако он продолжал преследовать пони и, может быть, долго еще бежал бы за ними, если б Ганс и Аренд, в точности повторив маневр Гендрика и Толстого Виллема, не всадили ему две пули в морду.

Пули снова попали в цель, но и эти раны не оказались смертельными. Однако для Клааса и Яна опасность миновала - бореле уже не гнался за пони; вместо этого, собрав остатки сил, он в бешенстве устремился на ближайших противников - сначала на одного, потом на другого.

Несколько раз бросался он в атаку, но безрезультатно: теперь всадники видели его перед собой и, увернувшись, успевали от него ускакать.

Четверть часа длился поединок. Молодые люди вновь и вновь заряжали ружья и стреляли со всей возможной в данных обстоятельствах поспешностью.

Дело решила пуля Толстого Виллема. Не напрасно захватил он свое "слоновое" ружье! Свинец пробил череп гигантского бореле, и чудовище покатилося на землю.

Громкое "ура" возвестило победу, и шестеро охотников спешили около громадного тела бореле - бездыханный, он был им уже не страшен.

Кто-то съездил в лагерь за топором, чтобы отрубить его длинный передний рог. Это был редкостный и великолепный трофей! Немного погодя юноши отправились за мясом и рогами полосатого гну, взвалили свою добычу на крупы лошадей и благополучно возвратились в лагерь.

Глава XXII ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК

На следующее утро молодые охотники встали поздно - никаких особенных дел у них не предвиделось. Отъезд был назначен на завтра, и сегодняшней день они решили провести в лагере, чтобы дать лошадям хороший отдых перед долгой и трудной дорогой.

Итак, они поднялись несколько позднее обычного и приступили к завтраку, состоявшему из языка полосатого гну, горячего кофе и сухарей, большой запас которых, взятый из дому, до сих пор еще не истощился.

Молодые охотники легко обошлись бы без хлеба. Для них это не было бы таким лишением, как, вероятно, для тебя, мой юный читатель. В Южной Африке очень и очень многие совсем не знают хлеба - для них он неизвестная роскошь. Большинство туземцев никогда его не едят, да тысячи живущих на границе колонистов тоже прекрасно без него обходятся. Население Южной Африки - как туземцы, так и колонисты - не занимается земледелием; в основном это скотоводы, и потому возделыванию полей здесь уделяют мало внимания. Стада крупного рогатого скота, лошади, отары курдючных овец и козы отнимают все их время, и земледельческие работы им не по душе.

Правда, самые состоятельные буры отводят несколько акров под кафрское зерно - разновидность индийского зерна или кукурузы - и иногда засевают два-три акра гречихой, но все это только для собственного потребления. На огородах они выращивают всевозможные овощи, а в обширных фруктовых садах растут яблоки, персики, гранаты, груши и айва; есть и виноградники, дающие неплохое вино, и огороженные бахчи с дынями, огурцами и тыквами.

Но бедному люду, особенно в отдаленных районах, о таких вещах думать не приходится. Единственная загородка около жилища бура-фермера - это крааль для скота. Хлеб для такого бедняка - большая редкость; основная его пища это вяленое или свежее мясо, в особенности же баранина, которая готовится самыми различными способами и притом очень вкусно; и вообще кухня буров ни в коем случае не заслуживает пренебрежительного отношения.

Во многих прилегающих к границе районах, там, где еще не совсем истреблены дикие животные, ежедневную пищу буров составляет разная дичина. Здесь еще в изобилии водятся антилопы-скакуны, а также обыкновенные гну, и целые кучи их рогов бывают навалены около краалей любого бура-скотовода. Мясо гну, как уже говорилось, больше похоже на говядину, чем на дичину: когда оно жирно само по себе или же зажарено на прекрасном сале курдючных овец, из него получается роскошное блюдо.

Квагг, которых много в этих местах, тоже убивают ради мяса, но оно горьковато на вкус и идет в пищу только слугам-готтентотам.

Наши молодые охотники были дети богатых родителей и потому привыкли есть хлеб, но в случае нужды им не стоило труда от него отказаться. Однако сухарей они захватили с собой очень много - несколько мешков - и теперь с удовольствием завтракали, обмакивая сухари в кофе и закусывая их языком гну.

Юноши оживленно болтали, вспоминая приключение с бореле, которое, когда опасность уже миновала, казалось им очень забавным.

Итак, они ели не спеша и со вкусом, и время шло незаметно. Этот день решено было провести в приятном ничегонеделании, то есть просто бродить по лагерю да еще осмотреть амуницию и, может быть, наложить заплатки на протершиеся места в седлах и уздечках. Предстоящий длительный переход через пустыню требовал исправности во всех мелочах, и тут никакая предосторожность не была лишней.

Завтрак проходил под смех и шутки и еще не был съеден и наполовину, как вдруг в лагерь прибежал запыхавшийся Конго и принес известие, которое сразу опрокинуло все их планы. Оказалось, что, бродя по акациевой роще, он незаметно вышел на опушку и оттуда увидел в пустыне не больше не меньше, как целое стадо страусов!

Это известие взбудоражило всех, а Клаас и Ян встретили его криками восторга. Лени и усталости как не бывало! Челюсти заработали быстрее, один за другим исчезли куски мяса, кофе был проглочен залпом, и на вторую часть завтрака ушло в десять раз меньше времени, чем на первую.

С едой покончили в две минуты, а пять минут спустя лошади уже были взнузданы и юноши сидели в седлах. Никто и не вспомнил о том, что лошадям нужен отдых. В голове всадников гнездилась одна мысль: как бы окружить страусов?

Но где же был Черныш? Его участие и совет сейчас были бы очень кстати. По общему признанию, в охоте на страусов Черныш знал больше толку, чем любой из них, не исключая и Конго. И вообще с животными пустыни, мелкими четвероногими и птицами, бушмен был знаком лучше, чем кафр. Оно и понятно. Конго всю жизнь прожил среди пастушеских племен - ведь кафры не только охотники, но и скотоводы. Конго знал, как убить льва, леопарда, гиену или какого-нибудь другого хищного зверя, потому что главным его делом были стада и забота об их сохранности; охотиться же на мелких животных или брать их живьем у него не было навыка. Совсем иначе обстояло дело с Чернышом. Бушмены скота не держат. Правда, им случается стащить корову или козу у грикасов или у другого соседнего мулатского племени, а то и у кочующего бура; но, пригнав скотину к своему жилищу, бушмен не старается ее сбересть, а тотчас убивает и съедает. Отсутствие домашних животных и вместе с тем необходимость чем-то питаться заставляют его направлять всю свою изобретательность на охотничий промысел и ловлю разной "дичи", под которой бушмен понимает все живое - от слона и жирафа до саранчи и ящерицы включительно!

Естественно, что при таком образе жизни бушмены в совершенстве знают всех населяющих страну диких животных, их привычки и излюбленные пастбища, а также и все способы охоты на них. Этими познаниями Черныш выделялся среди своих соплеменников и даже прославился у себя на родине как искусный охотник.

Но куда же он теперь девался? Уже больше часа его нигде не было видно. По словам Конго, Черныш погнал буйволов пастись на зеленый луг позади лагеря и, наверное, сейчас там находится. Кто-то предложил скорей за ним сбегать, но остальные воспротивились, найдя, что это потребует слишком много времени. Конго сказал, что Черныш забрел с буйволами довольно далеко и, пока он вернется, пройдет не меньше получаса, а страусы тем временем уйдут Бог весть куда.

Нет, ждать Черныша невозможно. Как-нибудь надо обойтись без него. И юноши, вскочив на лошадей, помчались в пустыню.

Глава XXIII ОКРУЖЕНИЕ СТРАУСОВ

Подъехав к опушке, юные охотники остановили лошадей, чтобы под прикрытием деревьев произвести разведку. Конго сказал правду. Действительно, на равнине гуляло небольшое стадо страусов. Семеро шли кучкой, а восьмой шаггал несколько поодаль. Это был самец. Из остальных двое, по всей вероятности, тоже были самцы, а еще пять - самки. Я сказал "по всей вероятности". Вы, пожалуй, думаете: какое может быть тут сомнение, когда у самцов и самок страусов оперенье совсем разного цвета? Но это справедливо только в

отношении птиц, достигших определенного возраста. Дело в том, что, хотя молодые самцы ростом бывают со взрослого страуса, свои красивые белые перья они приобретают не сразу, и на расстоянии их почти невозможно отличить от самок.

Кучка в семь страусов стояла почти неподвижно. Иногда какой-нибудь из них делал несколько шагов и что-то подбирал с земли - вероятно, мелкие камешки, потому что ничего похожего на растительность около страусов не было видно. Другие сидели "на корточках", сложив под себя свои длинные ноги. Третьи "купались" в песке, трепеща крыльями, точь-в-точь как это делают индейки и куры в жаркую погоду. Из-за облака пыли, которое они при этом поднимали, еще труднее было разглядеть их как следует и проследить за их движениями. Семеро страусов были недалеко от опушки акациевой рощи, а тот, что ходил один, - еще ближе. Он направлялся к своим, то и дело нагибаясь и пощипывая травку. Юноши заключили из этого, что недавно он находился у самой опушки. Конго тоже сказал, что, когда он впервые заметил страусов, старый самец кормился ярдах в двухстах от него, причем и тогда уже он шел прочь от рощи. Наверно, его можно было застрелить, не выходя из леса. Какая жалость, думали Клаас и Ян, что они не вышли на разведку пораньше!

Охотники не стали тратить время на наблюдение за птицами. Их целью было окружить страусов, и следовало как можно быстрее обсудить план действий.

Птицы находились очень далеко от разоренного и покинутого гнезда. В числе пяти самок, надо думать, не было ни одной из тех, что два дня назад присутствовали при гибели своего пернатого господина, павшего жертвой отравленной стрелы. Те вряд ли возвратились бы на старое место.

Стадо, которое сейчас видели охотники, не имело никакого отношения ни к тому гнезду, ни к недавно происшедшей трагедии.

Молодые люди были очень довольны, что страусы встретились им не у гнезда: местность здесь была гораздо удобнее для окружения. Пустыня клином вдавалась в рощу. Одна сторона этого клина, обращенная на север, соединялась с необозримой равниной, а две остальные были образованы низкими деревьями и зарослями акации. Они представляли собой отличное укрытие для охотников.

Поэтому составить план было нетрудно, и в пять минут все роли были распределены.

Гендрик и Толстый Виллем, у которых были лучшие лошади, условились ехать под прикрытием леса, один по правой, другой по левой стороне клина, до выхода в пустыню. Здесь каждый должен был остановиться и не двигаться, пока его товарищ не появится на противоположной стороне. Затем они должны были выехать друг другу навстречу, но не съезжаться, а встать так, чтобы наверняка отрезать страусам дорогу.

Гансу и Аренду предстояло отправиться по следам Гендрика и Толстого Виллема, но остановиться на полдороге и ждать, пока те не покажутся в конце клина. Тогда они должны были выехать из леса и, если страусы побегут на них, гнать их обратно.

Не остались без дела и Клаас с Яном: им тоже было велено разделить и встать там, где укажут старшие. Все двинулись одновременно - трое цепочкой направо и трое таким же порядком налево. Конго получил приказ оставаться в чаще до тех пор, пока Гендрик и Толстый Виллем не выедут друг другу навстречу, а дальше действовать, как остальные, с той только разницей, что ему придется полагаться лишь на быстроту своих собственных ног.

Если Гендрик и Виллем доберутся, пока птицы не ушли, до назначенного места, то страусы очутятся в замкнутом кольце. Охота обещала быть очень интересной. Возможно, юношам удастся убить или захватить живьем несколько гигантских птиц. Окруженный со всех сторон, страус теряет голову, мечется как угорелый, и тогда его легко можно загнать.

Вся трудность заключалась в том, чтобы поспеть к условленным местам. На окружение требовалось много времени, так как клин пустыни, на котором находились страусы, был в три мили шириной. Гендрику же и Толстому Виллему предстоял конец еще в два раза больший и, кроме того, сквозь чащу. Ехать они могли только шагом.

Итак, на страже остался один кафр. Остальные пробирались по лесу и только урывками, когда попадались просветы между листьями, видели страусов. Молодые люди

очень торопились скорей занять свои посты и старались не задерживаться по дороге. Все понимали, как драгоценна каждая минута: если птицы почуют опасность и выбегут в пустыню, то все их труды пропадут даром. Поэтому, бросив взгляд сквозь листья и убедившись, что страусы не ушли, охотники спешили дальше, к назначенным местам.

Глава XXIV ТАИНСТВЕННЫЙ СТРАУС

Конго внимательно, насколько позволяло светившее в глаза солнце, следил за движениями птиц.

Он увидел, что кормившийся отдельно самец теперь близко подошел к кучке страусов; когда он оказался от них в нескольких ярдах, все птицы вдруг поднялись и, вытянув шеи, уставились на него, как на постороннего. Через секунду все семеро, точно чего-то испугавшись, отбежали подальше; одинокий самец пустился за ними, но на некотором расстоянии.

Шагов через двадцать стадо, успокоившись, остановилось. Самец снова медленно зашагал вперед, подбирая на ходу что-то съедобное.

Когда он приблизился второй раз, страусы опять переполошились, отбежали еще на несколько ярдов и снова стали. По-видимому, этот самец был чужак и его присутствие страусы рассматривали как вторжение.

Опять он стал подходить, опять они бросились прочь, но на этот раз уже не вперед: они обежали кругом него и очутились почти на прежнем месте. Однако в этом маневре участвовали одни самки. Оба самца остались стоять где были, и их поведение немало удивило Конго.

Один из них присел на землю, другой начал бегать вокруг, время от времени хлопая своими белыми крыльями и шатаясь, как пьяный. Через несколько минут картина изменилась. Тот, что сидел, теперь улегся на песке, а тот, что кружился, присел недалеко от него. Тотчас к нему подбежала одна из самок и тоже села рядом. На ногах остался один самец и четыре самки.

Конго, который у себя на родине редко наблюдал страусов и не знал их повадок, никак не мог уразуметь, что все это значит. "Я видел, - думал он, - как играют журавли и куропатки; наверно, эти тоже играют в какую-то свою птичью игру".

Но не один Конго удивлялся проделкам страусов. Клаас и Ян, добравшись до своих мест раньше остальных, во все глаза смотрели на птиц и не могли надивиться на их непонятное поведение. Немного погодя из своей засады выглянули Ганс и Аренд и, увидев эту странную игру "в соседей", изумились не меньше братьев.

Но Гансу и Аренду было не до наблюдений за страусами. Они смотрели туда, где должны были показаться Гендрик и Толстый Виллем, и нетерпеливо ждали их появления.

Долго ждать им не пришлось. Через несколько минут из леса выскочили два всадника и галопом понеслись по направлению к страусам и друг другу навстречу. Увидав их, все пятеро, считая Конго, выступили на открытое поле и двинулись к месту, где находились страусы.

Теперь охотники были уже в полном недоумении. Когда они подъехали ближе, оказалось, что большинство птиц сидят или лежат на земле, как будто греясь на солнце. Почему же при своей крайней пугливости страусы не обращаются в бегство? Или они до сих пор не заметили приближения лошадей и не услышали топота копыт? Только две самки, казалось, почуяли неладное и бросились в сторону открытой пустыни, но, увидав Гендрика и Толстого Виллема, тотчас повернули назад. Кроме них, на ногах был только один самец, тот, что держался в одиночку. Но он стоял неподвижно и тоже не думал о спасении. Как все это было странно!

Ближе всех к страусу находились Гендрик и Толстый Виллем. Они скакали во весь опор и через минуту были бы около него. Когда между ними и страусом оставалось меньше

пятисот ярдов, они решили выстрелить в него на скаку и уже вскинули ружья, как вдруг, к величайшему их изумлению, птица испустила громкий крик ужаса! Через секунду пернатый покров свалился с ее плеч, и перед охотниками предстал не голый страус, а голый бушмен с вымазанными мелом до самых бедер ногами. Этот бушмен был Черныш.

Да, друг Черныш напялил на себя кожу страуса, два дня назад убитого отравленной стрелой, и та же стрела - верней, полдюжины ей подобных заставили страусов проделывать все эти непонятные штуки. Пять из них уже лежали мертвые или умирающие и только две самки, еще не получившие своей доли яда, воспользовались замешательством охотников при внезапном появлении Черныша и обратились в бегство.

Счастье Черныша, что он успел крикнуть. Еще мгновение - и ему пришлось бы разделить участь своих жертв - страусов. Он не скрывал, что страшно перепуган. Поглощенный охотой на страусов, Черныш забыл обо всем на свете; перья, нависая ему на глаза, мешали смотреть по сторонам, а прилежавшая к ушам кожа старого страуса заглушала звуки. Только благодаря чистой случайности он увидел скачущих на него всадников. А ведь ему надо было еще мигом скинуть с себя маскарадный костюм - что не так-то легко! - и успеть предстать собственной персоной...

Молодые охотники, сидя в седлах, глядели на голого Черныша, от пят и до бедер вымазанного мелом, и покатывались со смеху.

Черныш, гордый удачей, глядел победителем. Он отыскал глазами своего соперника и ехидно спросил:

- Ну что, Конго, какво?

Щит кафра померк перед страусовой кожей бушмена!

Глава XXV

БЕЛОЛОБЫЕ И ПЯТНИСТЫЕ АНТИЛОПЫ

На следующее утро наши юноши запрягли буйволов и через пустыню отправились в путь на северо-восток. Два дня они шли по безводному пространству, и буйволы очень страдали от жажды, за все время ни разу не глотнув воды. Сами охотники были водой обеспечены. В каждом фургоне стояло по бочонку на добрых восемнадцать галлонов. Перед отъездом охотники наполнили их доверху водой из ручья. Один бочонок весь спостили лошадям; каждой досталось немногим больше двух галлонов, и на два дня пути по спаленной солнцем пустыне это было, конечно, все равно что ничто. Люди и те выпили столько же. Если вам случалось путешествовать под палящим тропическим солнцем по безводным просторам, вас это не удивит. Жажда возвращается беспрестанно, и глоток воды утоляет ее лишь ненадолго. Пить хочется все больше и больше, и, случается, путник за день выпивает несколько галлонов воды - не стаканов, а именно галлонов!

Наконец молодые охотники миновали пустыню и вступили в местность, совершенно не похожую на все, что они до сих пор видели.

Это была обширная страна, покрытая холмами самых разнообразных и причудливых очертаний. У одних были округленные, полусферические вершины, у других конусообразные, третьи были плоские, как стол, четвертые уходили в небо остроконечными пиками. Да и величиной они различались. Некоторые достигали размеров настоящей горы, но больше было невысоких, зато с крутыми или почти отвесными склонами, поднимавшимися прямо с ровного места, без каких-либо отрогов или подошвы. Оригинальностью пейзажа эта страна очень напоминала горные плато в Кордильерах, и действительно, эта часть Африки и плоскогорья Мексики по своему геологическому строению почти одинаковы.

Множество конических и пирамидальных холмов одиноко возвышались на равнине, и часть их была совершенно лишена растительности. Но тут же можно было видеть горы, до половины одетые густым лесом, над которым вздымались голые, острые вершины из белого, как снег, кварца, сверкавшего на солнце.

Между горами лежали обширные равнины, и иногда они были так велики, что окружавшие их холмы лишь смутно виднелись на горизонте. Эти равнины, очень разнообразные по величине и очертаниям, густо заросли травой, вид которой удивил охотников. Такая трава еще не попадалась им в пройденных местах. Она была низкая, как на только что скошенном лугу или как на пастбище, где скот выщипал ее чуть ли не под самый корень. И точно, эти равнины были излюбленными пастбищами бесчисленных стад диких жвачных животных, которые вытоптали их так, что остался один только сухой дерн. Как не похожа была эта ломкая курчавая растительность с привкусом соли на высокую, сочную и сладкую траву, устилающую равнину к югу от Оранжевой реки! Во многих местах соль даже проступала на поверхность земли и ложилась белым, как иней, налетом на былинки и листья. Кое-где виднелись и настоящие солончаки, простиравшиеся иногда на многие мили.

Охотники попали в удивительную страну. Буры называют ее "Зуур-Вельд", что означает "соленое поле". Это родина и любимое местопребывание белолобых и пятнистых антилоп.

Что же это за антилопы?

И та и другая прославились красотой форм и быстрым бегом, а больше всего удивительно яркой окраской.

Обе они принадлежат к роду бубалов, близки к газелям, но привычками существенно от них отличаются; в то же время между собой они так схожи, что и путешественники и натуралисты постоянно принимают их за один и тот же вид.

Между тем это совершенно разные породы, хотя живут они в одной и той же местности и ведут одинаковый образ жизни. Белолобая антилопа и размерами и нарядностью окраски уступает пятнистой. У белолобой рога светлые, почти белые, а у пятнистой - черные. В окраске ног тоже есть заметная разница. У пятнистой антилопы ноги до колен в белых чулках, а у белолобой они снаружи темные снизу доверху, а с обратной стороны - белые.

Пятнистая антилопа, которую называют также пигаргой, не только красивейшая, но и одна из самых быстроногих во всей Африке. Некоторые путешественники считают ее даже самой быстрой.

Ростом она с европейского оленя, но легка и грациозна. У нее довольно длинные, расходящиеся в стороны черные рога, широкие у основания и до половины покрытые валиками. Сначала они прямо поднимаются над лбом, потом слегка загибаются назад, а кончики снова смотрят вперед.

Но больше всего бросается в глаза необыкновенная расцветка ее шерсти. В этом отношении и пятнистая и белолобая антилопы несколько похожи на диких коз и сассиби.

Основные тона пятнистой антилопы - это пурпурно-фиолетовый и все оттенки коричневого, причем они не перемешаны в беспорядке, а как будто наложены кистью искусного художника. Голландские поселенцы так и называли ее: "пятнистая" или "раскрашенная" антилопа. Шея и голова у нее темно-коричневые с красным, как кровь, отливом. Между рогами проходит белая полоска, которая, постепенно расширяясь, спускается к глазам и белым пятном расплывается по всему лбу, до самой мордочки. Этой "лысиной" или пятном отличаются оба вида антилоп, но у одной из них лысина больше и заметнее, и потому этой антилопе присвоено имя "белолобая".

На спине у пятнистой антилопы большое синевато-лиловое лятно, окаймленное широкой красно-коричневой полосой; оно блестит, как лакированное, и, распространяясь на бока, очертаниями напоминает седло. Брюшко и бедра у нее чистейшего белого цвета; ноги в белых чулках и на крупе такое же ослепительно белое пятно. Хвост достигает колен и на конце украшен черной кисточкой. Такова окраска пятнистой антилопы; белолобая, как мы уже говорили, отличается от нее очень немногим, только цвета ее не так ярки и не так резко разграничены. И та и другая - очень красивые создания, и их шкуры высоко ценятся туземцами: из них они шьют себе кароссы - особенную одежду, которая днем служит плащом, а ночью заменяет постель и одеяло.

Образ жизни обоих видов совершенно одинаков. Они живут на "соленых лугах",

собираясь огромными, в несколько тысяч голов, стадами, которые, как гигантским лиловым ковром, покрывают обширные пастбища.

Таковыми же громадными обществами живут антилопы-скакуны; но в повадках антилоп-скакунов и пятнистых антилоп есть разница. Вспугнутые скакуны бросаются куда глаза глядят, рассыпаясь во все стороны, а пятнистые и белолобые антилопы неизменно бегут против ветра, уткнув носы в землю, совершенно как охотничьи собаки по следу.

Антилопы гораздо живее скакунов и так пугливы и осторожны, будто знают, что их шкура ценится охотниками больше, и потому, чтобы сохранить ее, им требуются особая ловкость и проворство.

В прежние времена, когда эти места еще не были населены, оба вида антилоп водились по всей Южной Африке вплоть до мыса Доброй Надежды. Теперь же их можно встретить только на "соленых лугах", к северу от Оранжевой реки.

Пятнистые антилопы еще изредка попадаются в пределах Капской колонии, например в округе Свеллендам, но сохранились они здесь только благодаря специальному правительственному закону, по которому со всякого, кто убьет без разрешения пятнистую антилопу, взыскивается штраф в размере шестисот туземных долларов.

Итак, юные охотники вступили во владения белолобых и пятнистых антилоп.

Глава XXVI

ОХОТА НА БЕЛОЛОБЫХ АНТИЛОП

Углубившись в страну белолобых антилоп, молодые люди решили сделать небольшой привал и поохотиться на этих прекрасных животных. В мясе они не нуждались, но снять с двух-трех красавиц их нарядную разноцветную одежду и повесить ее вместе с рогами на стенах холлов в Грааф-Рейнете им очень хотелось.

Пройдя несколько миль по равнине, юноши отпрягли буйволов и неподалеку от широкого ручья раскинули лагерь.

На следующее утро они отправились верхом на поиски красных антилоп.

Они их очень скоро увидели. Мудрено не отыскать, и особенно на его родине, животное, которое ходит стадами в несколько тысяч голов. Чему же удивляться, если охотники набрели на целое стадо, чуть только отъехали от лагеря.

Однако ни один из всей компании понятия не имел, как охотятся за этими антилопами. Спустить ли на них собак и ворваться в самую гущу стада или же незаметно подкрасться к ним на расстояние выстрела? Какой из двух способов надежней, не знали ни молодые охотники, ни их проводники. В родных местах Черныша ни белолобые, ни пятнистые антилопы вообще не водятся. Юные охотники тоже знали о них только понаслышке, потому что западная половина Южной Африки, откуда они были родом, не соприкасается с областью распространения белолобых антилоп. Когда-то, в молодости, отцы наших мальчиков охотились на белолобых и пятнистых антилоп, но с тех пор к югу от Оранжевой реки оба вида были совершенно истреблены.

Что же касается Конго, то хотя антилопы и водятся на части земель, где живут кафры, но в тех именно местах ему никогда не случалось бывать.

Ни бушмен, ни кафр не вышли на охоту с молодыми людьми. Они остались стеречь лагерь; правда, отъезжая, юноши попросили у них совета, но оказалось, что те ничего путного посоветовать не могут.

Охотники в растерянности стали обсуждать, как им быть. Толстый Виллем считал, что надо разделиться на две партии: одни, сделав круг, погонят стадо, а другие, спрятавшись в засаде, будут подстергать его и начнут стрелять, когда дичь к ним приблизится. В лесах Северной Америки так охотятся на оленей, и этот способ называется гоном. Гендрик находил, что лучше на всем скаку врезаться в стадо и затем травить антилоп собаками. Ганс предложил подкрасться к стаду на ружейный выстрел; того же мнения был и Аренд. Что думают Клаас и Ян, об этом никто не спрашивал, да они и сами не вмешивались. Если б

антилопы были птицами, тогда другое дело: мальчуганы непременно вставили бы свое словечко наравне со старшими братьями.

Но белолобая антилопа не птица, хотя менее чем через час охотники убедились, что в быстроте она ей не уступит.

Всего вернее было подкрасться к стаду - тут охотники не рисковали вспугнуть антилоп и обратить их в бегство; поэтому решено было сначала испробовать способ Ганса. Не выйдет дело - они устроят облаву, как предлагает Виллем, а если и облава ничего не даст, последуют совету Гендрика настигнуть антилоп верхами.

Итак, сначала решили подкрасться к антилопам.

Лошади тут не нужны; к некоторым животным легче приблизиться конному, чем пешему, но антилопы не из их числа.

Юноши спешили и направились к стаду; Клааса и Яна не взяли на охоту - им было поручено стеречь на привале лошадей и собак.

Стадо паслось посреди просторной открытой равнины, такой обширной, что горы, окаймлявшие ее на горизонте, казались невысокими холмами. Вокруг, куда ни кинь взгляд, ни кустика, ни утеса. Траву здесь, как уже говорилось, сильно выщипали животные, и весь луг был совершенно ровный, без единой ложбинки, где могли бы схорониться охотники. Поди тут подкрадись по такой местности! Юноши, разумеется, знали, что ни одно дикое животное, даже из самых беспечных и несметливых, не подпустит их на расстояние выстрела, а тем более белолобая антилопа - животное, как они слышали, отнюдь не глупое, чрезвычайно чуткое и пугливое. На что же они надеялись? Это следует специально разъяснить.

Хотя поблизости не было ни утесов, ни деревьев, ни кустарников, ни высокой травы, ни каких-либо неровностей почвы, здесь все же удавалось найти укрытия, правда не очень удобные, но умелому охотнику и они могли сослужить службу. С ними-то и связывали наши юноши свои надежды на успех в таком трудном деле, как попытка подкрасться к белолобым антилопам. На равнине, на расстоянии в сто - триста ярдов друг от друга, было разбросано множество диковинных желтовато-серых сооружений. Цветом они напоминали жженую глину, а формой - одни усеченный конус, другие - полушарие. У подножия большинства из них видны были неровные лазейки, прорытые, надо думать, не самими искусными тружениками - строителями этих холмиков. Они пользовались подземными ходами, а наружные провели их лютые враги, чтобы разорять их жилища. Вы, разумеется, уже и сами догадались, что речь идет о термитниках и что боковые лазы прорыли длинноязыкие трубказубы.

Эти куполообразные холмики были средних размеров - от одного до трех футов высотой. В Южной Африке попадаются термитники в четыре - пять раз выше. Мне уже случалось рассказывать вам об этих высоких термитниках и о термитах, сооружающих такие любопытные жилища. Каждый из видов термитов придерживается определенного архитектурного стиля. Одни предпочитают коническую или пирамидальную форму, другие - нагромождение конусов, постройки третьих имеют вид цилиндра, четвертые облюбовали форму опрокинутой чаши, приближающуюся к полусфере.

Именно такие куполообразные термитники и увидели наши охотники: то были гнездовья кусающих термитов, распространенных на равнинах страны Зуур-Вельд.

Охотники двинулись вперед, не спуская глаз с антилоп; вся надежда была на эти термитники.

Прежде чем начать охоту, решено было выяснить, как близко подпустят их к себе антилопы в открытую; оказалось - ярдов на четыреста, никак не ближе. Пока сохранялось такое расстояние, антилопы как будто и не догадывались о появлении пришельцев и продолжали спокойно щипать траву, но стоило хоть одному из четверых продвинуться еще немного, и все стадо, как бы невзначай, снималось с места, и расстояние в четыреста ярдов оставалось неизменным.

Соблюдая осторожность, юноши начали переползать от одного термитника к другому;

но это не принесло успеха, и ни один из них не смог приблизиться к животным на расстояние выстрела. Тогда они разделились и двинулись с разных сторон. Но и тут их ждала неудача: хотя стадо держалось одного направления, антилопы, словно чутьем, угадывали, за каким холмом таится охотник, и делали такой большой крюк, что попасть в них даже из дальнобойного ружья Толстого Виллема было невозможно. В конце концов, потратив два часа на эту безуспешную охоту, юноши признали свою неудачу. Подкрасться к белолобым антилопам не удалось.

Гендрик и Толстый Виллем не упустили случая посмеяться над Гансом и Арендом:
- Много вы после этого понимаете в охоте!

Глава XXVII ОБЛАВА НА АНТИЛОП

Охотники вернулись к лошадям. Теперь предстояло испробовать план Толстого Виллема.

На этот раз позволили участвовать в охоте и Клаасу с Яном. Им поручалось гнать антилоп на четверых стрелков.

Юноши вскочили на лошадей и поскакали к антилопам, которые за время неудачной охоты успели уйти далеко в глубь равнины. Остановившись на таком расстоянии от антилоп, чтобы не всполошить их, старшие послали Клааса и Яна вперед, к головной части стада, а сами разместились широким полукругом в местах, которые себе облюбовали, поодаль от животных. Лошади быстро примчали охотников к их позициям. Теперь им оставалось схорониться за холмиками и ждать, пока Клаас и Ян погонят на них антилоп. Мальчикам велели действовать с величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть антилоп; у Яна с Клаасом имелось на это достаточно охотничьей сноровки.

Четверо стрелков, обогнув стадо и очутившись на противоположной стороне от мальчиков-загонщиков, спешили и связали в общий узел поводья своих лошадей, а затем направились к стаду, растягиваясь широким полукругом, чтобы охватить как можно большее пространство; потом, стоя на коленях, они притаились каждый за своим термитником.

Теперь уж охота не сорвется: антилопы, спугнутые Клаасом и Яном, наверняка побегут прямо на них, как побежали бы, разумеется, антилопы-скакуны; и тут "трах-тах-тах" - весело затрещат выстрелы и бабахнет громобой Толстого Виллема.

Последний прямо-таки ликовал. Его способ охоты был противоположен способу Ганса и Аренда. Но к способностям таких, с позволения сказать, охотников он относился несколько свысока. Другое дело Гендрик. Тот ведь тоже не соглашался с ним, и, следовательно, если, вопреки всем сомнениям, именно его план окажется удачным, он возьмет верх над Гендриком.

В успехе он почти не сомневался: все они нашли удачные позиции, и, лишь только мальчики, сделав круг, приблизятся к антилопам, те круто повернут и будут двигаться уже на стрелков; так, во всяком случае, поступают скакуны, повторял сам себе Виллем.

Однако скакуны и белолобые антилопы - далеко не одно и то же: они отличаются друг от друга не только размерами и окраской, но и повадками. Вот это-то, на свою беду, и упустил из виду Виллем.

Есть у белолобых антилоп одна любопытная черта, присущая и другим антилопам и даже оленям. Из-за нее и расстроились все тонкие расчеты Виллема.

Вопреки предположениям, животные и не подумали повернуть назад, увидев Клааса и Яна. Упрямые существа только обходили мальчиков и, миновав опасное место, снова двигались в прежнем направлении.

Клаас и Ян стояли на некотором расстоянии друг от друга - загонщикам всегда выгоднее расположиться широким фронтом, - но антилопы сделали такую петлю, что даже Толстому Виллему трудно было застрелить их из своего огромного громобоя. А мальчики, помня наказ старших, и не пытались стрелять; они стояли, не шелохнувшись, и антилопы

спустя некоторое время замедлили бег и снова принялись мирно щипать траву.

Толстый Виллем был сильно опечален своей неудачей; Ганс и Аренд не поскупились на насмешки; но куда сильнее задели его два-три слова, оброненные охотником-соперником.

- Я наперед знал, - многозначительно произнес Гендрик, - что ничего из этого не выйдет. Ты думаешь, антилоп могут загнать два мальчугана верхом на пони? Это ведь все-таки не овцы...

Виллем понял, как его обрезали. Но он не сдавался и принялся доказывать, что его план все равно хороший, надо было только правильно его выполнить. Антилопы - теперь это ясно для всех - пасутся всегда мордой по ветру; значит, стрелкам, а не загонщикам следовало поместиться в головах стада. Попробуем так, и успех обеспечен. Ну, а если не выйдет, - поступим по совету всезнайки Гендрика; проверим, чего стоит его, с позволения сказать, план.

При упоминании о Гендрике в тоне Виллема прозвучал оттенок сарказма, а слово "всезнайка" было сильным ответным ударом Гендрику за его насмешку.

Слова Виллема казались вполне разумными, и все согласились с его новым предложением. Да, теперь ясно, что антилопы пасутся только "мордой по ветру", иначе они не отважились бы проскочить между Клаасом и Яном. Значит, стрелкам выгоднее всего расположиться с наветренной стороны, и, удачно выбрав места, они наверняка подстрелят несколько голов идущего прямо на них стада. А сорвется охота - тогда уж останется последовать совету Гендрика и погнаться за антилопами по пятам. Порешив на этом, четверо стрелков пустили лошадей вскачь и, описав большой круг, перерезали путь стаду; Клаас и Ян, оставленные в тылу, должны были осторожно теснить добычу сзади.

Охотники, притаившиеся на своих позициях, не сводили глаз с приближавшихся антилоп: с каждой минутой все отчетливее и отчетливее выступает "лысина" на их лбах, их широкие белобрысые головы уже явственно видны охотникам, вот-вот они окажутся на расстоянии выстрела! Как вдруг животные, подняв головы, испустили какой-то странный фыркающий крик и ринулись прямо на охотников.

"Тут-то мы их и подстрелим", - мелькнуло в голове у каждого, и каждый за своим прикрытием поспешил опуститься на колени и взвести курок.

- Теперь-то уж я возьму над вами верх! - бормотал себе под нос Виллем. - Не пройдут вам даром ваши насмешки!

Но - увы! - ему и на этот раз суждено было изведать горькое разочарование: стоило лишь антилопам почуять ветер, дувший от термитников, за которыми скрывались охотники, как они тут же свернули в сторону и вдалеке обошли засаду; стрелять было бесполезно. Толстый Виллем поднял было громовой, чтобы выстрелить наугад, но мысль о том, что, промазав, он погубит всю охоту, остановила его. Скрепя сердце он опустил ружье и дал антилопам убежать прочь.

Несколько секунд - и стадо было далеко-далеко от того места, где оно чуть не попало под обстрел. Но так как никто на них не покушался и ни один выстрел их не напугал, животные спустя некоторое время успокоились и снова как и в чем не бывало принялись щипать траву.

Теперь Гендрик почувствовал себя героем дня. Сейчас он покажет всем, как легко настигнуть этих пугливых животных. Он загонит по крайней мере полдюжины, прежде чем они успеют удрать с равнины.

- Вперед!

Вскочив на лошадей, охотники поскакали к антилопам. Но едва лишь расстояние между ними и стадом сократилось до четырехсот ярдов, животные обратились в бегство.

Началась погоня. Спустили собак, пришпорили лошадей, и охотники с быстротой ветра понеслись по равнине.

Они не проскакали еще и мили, когда Гендрик понял, что тоже просчитался: легконогие антилопы оставили далеко позади себя и всадников и гончих. Охотники один за другим стали осаживать своих взмыленных лошадей и отставать; двадцать минут спустя

один лишь Гендрик да несколько его самых быстрых гончих продолжали погоню; Ганс и Аренд, рассудив, что их лошади не выдержат такой скачки, сочли за лучшее отступить; ну, а что касается Виллема, так тот и не желал удачи. Клаас и Ян, само собой разумеется, замыкали шествие, и все они, сидя в седлах, не спускали глаз с красно-бурого потока антилоп и со спины Гендрика, уже едва заметной среди дальних термитников. Скоро он и совсем скрылся из виду.

Глава XXVIII

БЕШЕНАЯ ПОГОНЯ ГЕНДРИКА

Антилопы мчались напрямик по плоской равнине, по пятам за ними гнался Гендрик, а за Гендриком что есть силы поспевали его собаки. Все же ни всаднику, ни гончим ни на шаг не удавалось уменьшить расстояние, отделявшее их от проворных животных. Ни всаднику, ни гончим не удавалось прибегнуть ни к одной охотничьей хитрости.

Антилопы не петляли, они неслись по прямой, "мордой по ветру", ни на шаг не отклоняясь в сторону, и перерезать им путь было невозможно. Охота превращалась попросту в состязание на быстроту бега.

Первыми сдали собаки - они отставали одна за другой; дольше всех держалась около Гендрика его любимая гончая; но через милю она тоже выдохлась и отстала; теперь Гендрик мчался в одиночку по простору равнины.

Еще миль десять продолжалась погоня; бока лошади стали мокрыми от пота, вся она покрылась пеной, а антилопы по-прежнему оставались вне выстрела. Правда, бежали они уже медленнее, и на свежей лошади Гендрик сейчас с легкостью нагнал бы их, а может быть, даже и на этой лошади, но ему поневоле приходилось соблюдать осторожность: на пути лежали норы трубокозубов, и уже раз-другой, когда он, казалось, вот-вот настигнет стадо, лошадь спотыкалась и теряла намеренное расстояние, а быстроногие антилопы, с легкостью бравшие препятствия, оказывались в выигрыше.

И все же Гендрику не хотелось остановить лошадь; он вспомнил, как горячился, настаивая на своем, и знал, что в лагере его встретят насмешками. Чего стоил хотя бы Толстый Виллем! А вернись он с добычей, ну хотя бы с одной шкурой или парой рогов, и торжествовать будет он сам. Эти мысли подгоняли его в долгой безрассудной скачке.

Однако он начинал отчаиваться в успехе: лошадь бежала все тяжелее, уже через силу.

Гендрику наконец стало жаль ее; скрепя сердце он уже натянул было поводья, как вдруг прямо перед собой увидел горную цепь; она пересекала ему путь, возвышаясь одной сплошной грядой - нет, двумя крыльями, сходящимися под прямым углом и наглухо замыкавшими равнину. И к этой-то ловушке направлялись антилопы!

"Неужели они и вправду несутся туда?" - невольно спрашивал себя Гендрик. Ну что ж, ему это было на руку. Им хочешь не хочешь придется остановиться, и тут-то он незаметно подкрадется к ним, прячась за выступами скал и кустарниками, покрывавшими горный склон.

Гендрик обвел взглядом подножия обеих цепей и с радостью обнаружил, что они поднимаются с земли отвесно и наверх нет тропинки. Он находился уже достаточно близко, чтобы подробно разглядеть горные склоны; на их поверхности не заметно было ни одной расселины.

Это очень порадовало Гендрика. Выходит, он гнал добычу прямехонько в этот угол, в настоящую западню; здесь им будет отрезан путь, и ему, разумеется, удастся выстрелом в упор уложить хотя бы одну антилопу, а больше ему и не надо.

Окрыленный ожившими надеждами, он подбодрил коня ласковым словом и пришпорил его.

Скачка продолжалась недолго: еще одна миля - и конец. От горы его отделяло теперь каких-нибудь пятьсот ярдов и в два раза меньшее расстояние - от стада, продолжавшего бежать в самый угол горной цепи. Гендрик больше не сомневался в удаче: не пройдет и

минуты, как стадо остановится или повернет обратно и натолкнется на охотника.

Пора зарядить ружье; думая стрелять в гущу стада, он достал из подсумка несколько маленьких пуль и поспешно опустил их в ствол; проверил надежность капсюля; да, все в порядке: капсюль хорошо закреплен на затравочном стержне.

Гендрик взвел курок и поднял глаза. Антилопы исчезли.

Куда они делись? Махнули через горный хребет? Невероятно. Взобрались по отвесной круче? Невозможно. Даже если бы им это удалось, они были бы еще видны на горе. А они совершенно исчезли из виду, все до единой. Охотник натянул поводья, уронил ружье на холку лошади и несколько минут сидел, словно в столбняке, разинув рот и вытаращив глаза.

Будь он суеверен, ему, наверное, стало бы не по себе в эту минуту; но суеверия были ему чужды. Правда, в первые две-три минуты он почувствовал себя сбитым с толку, однако все-таки не сомневался, что непременно найдется простое объяснение неожиданному и загадочному исчезновению антилоп.

Он решил тотчас же внимательно обследовать местность. Проехав еще ярдов триста по следам антилоп, он, к своему полному удовлетворению, все понял. Тупик оказался вовсе не тупиком. Здесь был совершенно свободный проход, и, хотя оба отрога цепи даже вблизи казались сомкнутыми, на самом деле между ними находился узкий коридор, соединявший равнину, только что пересеченную Гендриком, с другой, столь же однообразной равниной, расстилавшейся по ту сторону горной гряды. Антилопы, разумеется, это знали, оттого-то и бежали напрямик сюда. Гендрик углубился в эту теснину, желая удостовериться, что она имеет выход. Через несколько сот ярдов коридор расширился, и Гендрик с замиранием сердца увидел лиловатые спины антилоп далеко-далеко на открывшейся перед ним равнине.

Досада и огорчение сразили Гендрика. Он соскочил с седла, прошел, пошатываясь, несколько шагов и в изнеможении сел на камень; он даже не привязал лошадь, а только закинул поводья ей на шею и предоставил взмыленное и запаленное животное самому себе.

Глава XXIX

СХВАТКА ГЕНДРИКА С НОСОРОГОМ

Переживания Гендрика в эту минуту были не из приятных; мысли его были полны горечи; он чувствовал себя униженным, посрамленным. Уж лучше бы и на глаза ему не попадались эти белолобые антилопы! Хорош он будет, когда вернется в лагерь. Он поднял на смех Ганса и Аренда - они перед ним не останутся в долгу. Он высмеял предложение Толстого Виллема - Виллем оплатит ему той же монетой!

К тому же он не щадил своего коня и, возможно, загнал его. Конь совсем замучен, из ноздрей его идет пар, бока тяжело вздымаются. А отсюда до лагеря миль двенадцать; Гендрика начало мучить сомнение, хватит ли у лошади сил доставить его обратно.

В голову Гендрика уже закралась черная мысль о том, что он пропал, когда внезапно какой-то странный звук прервал его размышления и заставил вскочить на ноги так поспешно, как ему никогда еще не приходилось. Конь, услышав этот звук, встрепенулся, вскинул поникшую голову, наострил уши, громко фыркнул и, поплясав минуту-другую на месте, махнул галопом из теснины.

Но Гендрик даже не обратил внимания на лошадь: его глаза были прикованы к двигавшемуся с другого конца прохода животному, голос которого и вызвал этот переполох.

Это глухое басистое хрюканье, сопровождаемое фырканием и пыхтением, подобным звуку кузнечных мехов, было знакомо уху молодого охотника. Он знал, что перед ним сейчас предстанет черный носорог. Да, он не ошибся: свирепое создание шло по проходу!

Сначала Гендрик не особенно испугался: ему не раз уже доводилось охотиться на носорогов и он не считал такую охоту очень опасной. Ему всегда удавалось увернуться от этого неуклюжего зверя.

Но Гендрик упустил из виду, что он сидел в седле, а не на камне и что избавлением от опасности он бывал всецело обязан своей лошади. Теперь же, когда лошадь у него удрала, а

их с носорогом разделяло только двадцать ярдов совершенно ровной земли, Гендрик порядком перетрусил. Это и неудивительно: жизнь его подвергалась серьезной опасности.

Первым его побуждением было вскарабкаться на горный склон - туда носорогу не добраться. Но, оглядевшись, он обнаружил, что по обеим сторонам теснины поднимались отвесные каменные стены; влезть на них было впору только кошке.

В самом проходе тоже негде было спрятаться: под ногами гладкая, с очень небольшим уклоном земля - продолжение двух равнин, расположенных приблизительно на одном уровне. Тут и там попадались, правда, деревца, но совсем невысокие, более похожие на кусты, и животному не составило бы труда повалить любое из них; они не могли служить защитой и за ними нельзя было спрятаться.

Да, надежды на спасение не представлялось. Бежать было бы бесполезно: Гендрик, как и любой южноафриканский охотник, знал, что носорог настигнет самого быстрого бегуна, и даже не помышлял о бегстве. В довершение всего, он оставил ружье на седле, и лошадь унесла его, лишив Гендрика возможности стрелять в носорога. Его единственным оружием был охотничий нож.

Но что такое нож против толстокожего носорога? Все равно что булавка.

Оставалось только надеяться, что носорог его не увидит. Поле зрения у носорога очень невелико: своими крохотными глазками он хорошо различает предметы, находящиеся прямо перед ним, но оглянуться назад или хотя бы кинуть взгляд в сторону он не может: глазки посажены близко к носу, шея неповоротлива, туловище грузно.

Гендрик молил судьбу, чтобы свирепый зверь прошел мимо, не заметив его. Тот, безусловно, еще не догадывался о присутствии Гендрика, иначе он не замедлил бы ринуться в атаку: черный носорог нападает первым, без всякой видимой причины. Он свиреп по самой своей натуре, и ярость его изливается обычно на самых безобидных и беззащитных.

Благодарнее всего было уйти с его дороги. Гендрик бесшумно скользнул к скале и замер, прижавшись к каменной стенке. Но если носорог лишен острого зрения, зато обоняние у него тоньше, чем у всякого другого зверя. Когда ветер дует в его сторону, он способен учуять на большом расстоянии даже полевую мышь. Он наделен также изощренным слухом: еле уловимый звук шелест листьев или шорох шагов - позволяет ему безошибочно обнаружить врага или жертву. Если бы только носорог обладал зрением не менее острым, чем его обоняние и слух, свет не знал бы зверя страшнее его. Да и так он далеко не безопасный сосед, и несчастные туземцы нередко становятся жертвами неукротимого буйства этого могучего животного. К счастью, он не глазасть.

Однако глаза его оказались достаточно зоркими, чтобы различить на фоне скалы темную фигуру Гендрика; к тому же ветер, дувший в раздутые ноздри носорога, предупредил его о пришельце. Громко захрюкав, зверь остановился, затрепыхал ушами, замахал задорным хвостиком, затем, приняв угрожающую позу, он с сердитым храпом ринулся на Гендрика. Можно было подумать, что он увидел перед собой заклятого врага.

Но Гендрик не потерял присутствия духа, и это его спасло. Он мгновенно отпрянул от скалы, где минутой позже был бы раздавлен в лепешку или поднят на могучий рог толстокожего.

Зная, к счастью для себя, что бегство не поможет, он вышел на открытое место посередине прохода и остановился лицом к лицу к противнику; зверь тотчас изменил направление и с прежней стремительностью ринулся на свою жертву.

Гендрик стоял неподвижно, пока черный острый рог не оказался на вершок от его груди; тогда он разом отскочил в сторону и за спиной носорога пустился в бегство. Оглянувшись на бегу, он увидел, что животное, пришедшее в бешенство от неудачи своей атаки, уже догоняет его. Гендрик опять остановился и повторил свой прием: ему приходилось слышать, что единственный способ спастись от носорога на открытом месте - это внезапно отскочить в сторону перед самым его носом; отскочив немного раньше, человек остается в поле зрения животного, которое может последовать за ним и настичь его. Неуклюжий с виду носорог проворнее, чем кажется, и даже лошадь порой едва-едва уносит

ноги от этого стремительно нападающего зверя.

Гендрик одним духом пробежал шагов двести вниз по проходу, прежде чем носорог успел повернуться, но и это не помогло. В третий раз пришлось ему остановиться, ожидая яростной атаки могучего противника.

Как и прежде, Гендрику удалось убежать от него, однако носорог, как видно, понял, в чем секрет его неудач, и стал раньше поворачивать назад, так что шансы Гендрика на спасение становились все слабее после каждой повторной атаки. Гендрик только и делал, что бросался из стороны в сторону. А стоило бы ему оступиться или на миг ослабить внимание, как носорог тут же прикончил бы его.

Отчаяние овладело юношей. Ему не хватало дыхания, пот лил с него градом, тело ломило от усталости, ноги отказывались служить. Скоро он совсем выбьется из сил; рассчитывать же на то, что сдаст и его могучий противник, не приходилось: для носорога это была детская забава; да он еще был разъярен до предела тем, что намеченная жертва, вопреки всем усилиям, ускользает от него.

Гендрик понял - ему несдобровать. В голове у него проносились мысли о доме, об отце, о сестре и братьях, о Вильгельмине. Ему больше не суждено видеть их: он будет растерзан в этой теснине свирепым черным чудовищем. Они даже не узнают, что случилось с ним. Эти горестные мысли роились в его голове, когда вдруг крик радости сорвался с его губ. Те четверть часа, что продолжалась схватка Гендрика с лютым животным, они носились взад и вперед по проходу, пока наконец не очутились на самой его середине. На скале, футах в шести над землей, Гендрик вдруг с радостью заметил род выступа или площадочки. В ширину она не была и шести футов, но тянулась вдоль скалы на несколько ярдов. Гендрику показалось, что на одном ее конце виднеется не то пещера, не то расселина; но ему некогда было себя проверить. Площадка - вот его спасение! Не раздумывая, он ухватился за край выступа и взобрался наверх.

Вот он уже в безопасности - стоит на площадке и поглядывает сверху вниз на свирепого зверя, а тот в тщетной ярости хрюкает под скалой.

Глава XXX

ГЕНДРИК В ОСАДЕ

Гендрик вздохнул с облегчением. Разумеется, он долго еще пыхтел и отдувался на своем карнизе, но от сердца у него отлегло. Он видел, что носорогу сюда не добраться; все, что тому удалось бы сделать, даже привстав на задние лапы, - это положить свое уродливое рыло на край площадки. Так носорог и поступил, и вот уже он, яростно храпя, вытягивает свою широкую морду, стараясь достать до ног охотника своими длинными и цепкими губами.

Но Гендрик живо положил этому конец. Он был разгневан не меньше самого носорога, и гнев его был справедлив. Чувствуя себя в безопасности, он отважился шагнуть вперед и изо всей силы ударить несколько раз каблуком своего тяжелого сапога по толстым губам носорога.

Носорог завертелся на месте, завыл от бешенства и боли; но как ни был он буен и своеволен, он не решался больше лезть на площадку и только метался в гневном впадении на скалы с явным намерением держать охотника в осаде.

Гендрику теперь представился случай как следует разглядеть это любопытное животное. К своему удивлению, он обнаружил, что это вид носорога, о котором он знал только понаслышке.

Со слов Ганса ему было известно, что в землях Южной Африки от тропика Козерога до мыса Доброй Надежды водятся четыре вида носорога: два белого, а два черного цвета. Белые носороги называются "кобаоба" и "мучочо", а черные - "бореле" и "кейтлоа". Оба белых вида крупнее черных, но более смирного нрава; кормятся они преимущественно травой, а черные носороги щиплют молодые древесные побеги и листву кустарников. Кобаоба и мучочо

единороги; вернее, их передний рог сильнее развит. У мучочо он достигает иногда трех футов, а у кобаоба - и того больше; задний же рог обоих - всего лишь шишечка или костяной отросток. Черные носороги отличаются от белых не только окраской и размерами, но и образом жизни.

Носорог, осаждавший Гендрика, был черным, но это был не бореле - с тем Гендрику уже довелось столкнуться во время охоты на гну. Следовательно, это мог быть только кейтлоа. Что это не бореле, Гендрик сразу определил по рогам: у бореле развит только передний рог, хотя он у него и короче, чем у белых носорогов, а задний, так же как и у белых, похож на шишечку - у одних он побольше, у других поменьше. Между тем на морде носорога, красовавшегося перед Гендриком, торчали два почти одинаковых толстых, могучих рога дюймов по пятнадцати длиной. Да и шея у него была длиннее, чем у бореле, губы более вытянуты и подвижны. Противник Гендрика был кейтлоа. Хотя этот вид менее изучен, чем мучочо и бореле, - область его распространения лежит дальше к северу, - Гендрик все же кое-что знал о нем по рассказам Ганса и бывалых охотников. Знал, например, что кейтлоа слывет грозой туземцев; это самый свирепый и опасный из носорогов. В областях, где он водится, жители боятся его чуть ли не больше льва или дикого буйвола.

Гендрик не удивился поэтому, что свирепый носорог напал на него без всякой причины. Он только порадовался своей счастливой звезде, приведшей его к этому каменному карнизу. Теперь он мог невозмутимо разглядывать грозные рога, от которых пять минут назад ему не поздоровилось бы. Он даже готов был посмеяться над нелепостью своего положения.

"Вот бы Ганса сюда! - думал он. - Бесподобный случай для натуралиста изучить внешность и повадки этого нескладного зверюги".

И, как бы угадав его мысли, кейтлоа в ту же минуту показал себя во всей своей красе.

Прямо против них рос большой, раскидистый куст со множеством стволов, ответвлявшихся от одного корня; с этим-то кустом носорог вступил в единоборство, наскакивая на него то с одной, то с другой стороны, обламывая его ветви своими рогами и топчая их затем грузными ногами. По его разъяренному виду, по всем его движениям можно было подумать, что он вправду сражается с лютым врагом! Схватка с кустом продолжалась свыше получаса, до тех пор, пока носорог не переломал и не растоптал в крошево все стволы и ветки.

Это уморительное зрелище привело Гендрику на память Дон-Кихота с его ветряными мельницами и рассмешило его, правда ненадолго: скоро Гендрик понял, что ярость кейтлоа столь же живуча, сколь сильна. Взгляды, которые животное время от времени метало на охотника, говорили тому, что враг неумолим.

Расправившись с кустом, зверь вернулся к скале и замер здесь, подняв голову и устремив на охотника свои крохотные глазки, горевшие злобой; казалось, он понимал, что Гендрик - его пленник, и твердо решил стеречь свою добычу. Все его поведение говорило об этом, и у Гендрика снова стало беспокойно на душе.

Прошел час, потом второй, а кейтлоа стоял на том же месте и по-прежнему сторожил Гендрика. Теперь на душе у юноши стало не только беспокойно, но прямо-таки скверно.

Еще в начале охоты за антилопами ему хотелось пить, а теперь он просто изнывал от жажды: за стакан воды он отдал бы все на свете.

Он стоял на голом раскаленном камне, под жгучими лучами полуденного солнца, страдая от жары не меньше, чем от жажды.

Неопределенность положения тоже его мучила: как долго будет сторожить его этот неумолимый часовой? Пока кейтлоа не уйдет, спастись нет никакой возможности. Сойти вниз - значит поплатиться жизнью; ему бы и раньше несдобровать, не заметь он вовремя этой спасительной площадки.

Да, покамест чудовище сторожит его, не приходится думать о том, чтобы оставить раскаленную поверхность выступа.

Догадаются ли Ганс и другие товарищи, что он попал в беду, и пойдут ли по его

следам? Возможно, да только не раньше завтрашнего утра. До наступления ночи им это и в голову не придет. Нередко тому или другому из молодых охотников случалось пропадать до позднего вечера. А разве сможет он долго выносить эту мучительную жажду? Как дотерпеть до их прихода?

А если ночью пойдет дождь и начисто размочит его следы? Друзьям не удастся найти его. Что с ним тогда станет?

Мысли одна другой чернее сменялись в голове Гендрика, пока он, стоя на площадке, с нетерпением и злобой поглядывал на своего тюремщика.

Но кейтлоа тревога его пленника ничуть не трогала; он по-прежнему оставался под скалой и все расхаживал взад и вперед, изредка останавливаясь и устремляя на Гендрика свои крохотные темные глазки, поблескивавшие ненасытной жадой мщения.

Глава XXXI НЕЖДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Время шло, и с каждой минутой мучительней становились жажда и тревога Гендрика. В надежде отыскать какой-нибудь путь спасения он оглядел отвесную стену за своей спиной. Напрасно! Были, правда, и другие выступы, но на недостижимой высоте, а его площадка тянулась вдоль скалы всего на несколько ярдов и на обоих концах постепенно сужалась - здесь не пройдешь. Гендрик ни на шаг не отошел от того места, куда вскочил, - оно все-таки было самым широким и здесь ему не угрожали ни рога кейтлоа, ни его длинные и подвижные губы.

Внезапно Гендрику вспомнилось, что в схватке с кейтлоа он мельком заметил темневшее над выступом отверстие - то ли вход в пещеру, то ли расселину. Сначала он было подумал, что пещера не даст ему никаких преимуществ, и остался снаружи. Но теперь он решил, что забраться в пещеру будет вовсе неплохо, окажется она только достаточно просторной. Там, как-никак, будет прохладнее, там он будет укрыт от палящих лучей солнца, а этого ему сейчас очень хотелось.

Было у него и еще одно, более существенное соображение: носорог может просто забыть о нем, если он исчезнет из виду. Он знал, что старая поговорка "С глаз долой - из сердца вон" сложена как будто специально про бореле, льва и многих других хищников; может статься, она оправдается и в отношении кейтлоа, хотя то, что Гендрик знал о его повадках, не позволяло слишком на это рассчитывать. Но почему не сделать попытку? Времени это много не отнимет, а если даже память у носорога не такая короткая, Гендрик все же ничего не потеряет, сменив горячий каменный выступ на тенистую пещеру. Вперед к пещере!

Не спуская глаз с кейтлоа и держась вплотную к скале, он стал подвигаться к темной расселине.

Носорог следовал за ним шаг за шагом; он весь насторожился, как бы подозревая, что добыча собирается ускользнуть. В том месте, где площадка сузилась, Гендрику пришлось ступать с большой осторожностью; он не боялся упасть, сорваться - он боялся, как бы носорог не стащил его с выступа, теперь носорог, встав на задние ноги, положив рыло на край выступа и выпятив губы, всего лишь на несколько дюймов не достал бы до стены, к которой прижался Гендрик. Поэтому приходилось быть все время начеку. Но вот, вопреки всем грозным усилиям противника, Гендрик благополучно дошел до расселины.

Здесь оказалась глубокая и темная пещера со входом, достаточно широким, чтобы человек, согнувшись, мог проникнуть внутрь.

Гендрик уже нагнулся было, собираясь залезть в пещеру, как вдруг слух молодого охотника уловил громкое "пурр", заставившее его выпрямиться с такой поспешностью, точно ему в спину вонзили иголку. За этим рыканием последовал рев, столь глухой и грозный, что перепуганный Гендрик готов был спрыгнуть со скалы и столкнуться с рогами кейтлоа, поднимавшимися в эту минуту над выступом в каких-нибудь двадцати дюймах от

его ног.

Испуг Гендрика нетрудно понять: этот рев нельзя было спутать ни с чем на свете - в пещере находился лев!

Хозяин пещеры не заставил себя долго ждать. Рыкание не умолкало и с каждой минутой звучало все отчетливей; под могучими когтистыми лапами перекатывались камешки, устилавшие дно пещеры. Лев приближался!

С проворством горной серны Гендрик отпрянул в сторону и побежал обратно вдоль площадки, с ужасом озираясь через плечо.

На этот раз носорог не последовал за ним; то ли испуганный ревом льва, то ли живо заинтересованный, зверь так и застыл на месте, выставив морду над краем площадки и как бы нацелившись на пещеру.

В следующую минуту косматая голова льва выглянула из входа в логово, и царь зверей столкнулся носом к носу с "царем скотов"!

Несколько мгновений оба не двигались, взирая друг на друга. Львиный взгляд, по-видимому, смутил носорога. Он убрал с края площадки свою морду, опустил на все четыре ноги и, казалось, готов был уйти, чтоб не ввязываться в драку, но гнев грозного владыки был разбужен этим покушением на его покой. С минуту он стоял неподвижно, хлеща хвостом по своим рыжевато-бурым бокам. Затем, припав грудью к скале, лев махнул вниз и всей своей тяжестью навалился на широкую спину кейтлоа.

Увы, повелитель зверей обманулся в своем "верноподданном". Он, верно, рассчитывал здорово намять ему бока и обратить его в бегство. Но, как ни остры были когти льва, как ни испытаны в кровавой борьбе его лапы, они всего лишь оцарапали плотную, жесткую шкуру толстокожего; сколько ни старался лев прочно усесться на спине кейтлоа, ему никак не удавалось вонзить в нее свои когти. Будь то антилопа, буйвол или даже долговязый жираф, лев загнал бы их насмерть, но с носорогом дело обстояло сложнее. Вскоре лев в этом убедился. Хотя он пускал в ход и зубы и когти, чтобы удержаться, ничто не помогало: спустя мгновение он полетел вниз. Почувствовав на спине грозного всадника, кейтлоа рывком отпрянул от скалы и так затряс своим могучим телом, что наезднику несомненно показалось, будто происходит землетрясение.

Лев припал к земле, готовясь повторить прыжок, но, прежде чем он успел осуществить свое намерение, носорог круто повернулся и без промедления двинулся на противника. выставив рога вперед наподобие двух взятых наперевес копий. При его сокрушительной силе и стремительности натиска эти крепкие острия способны были распороть самую толстую львиную шкуру и пройти между ребер. Видно, атака носорога привела льва в невольное замешательство, и, вместо того чтобы достойно встретить противника, он повернул к нему спину и - о трусливая тварь! - махнул прочь из прохода, удирая, точно кошка, от погнавшего за ним носорога.

Гендрик с волнением следил со своего уступа за ходом сражения, но ему так и не суждено было узнать, кто остался победителем. Едва лишь оба могучих противника помчались вверх по проходу, он соскочил со скалы и пустился бежать в обратную сторону так быстро, как только несли его ноги.

Выбежав из теснины, Гендрик с минуту поколебался, какой ему выбрать путь последовать ли по следам охоты или по более свежим следам своей убежавшей лошади, - и решил пуститься в обратный путь по собственным следам. Он мчался по открытой равнине, не чуя под собой ног, ежеминутно со страхом поглядывая через плечо, не гонится ли за ним черное чудовище. Но он был приятно разочарован: кейтлоа его не преследовал. Вдобавок, к великому удовольствию Гендрика, лошадь его тоже вышла на старый след; обогнув заросли кустарника, Гендрик увидел ее совсем неподалеку щиплющей траву на равнине.

Лошадь легко подпустила его к себе. Гендрик сел в седло и, успокаиваясь понемногу, пустился к лагерю; следы охоты вели его туда кратчайшим путем; как уже говорилось, антилопы всегда бегут навстречу ветру и, следовательно, по прямой линии. Гендрик без труда различал их следы и через два часа вернулся к своим вместе с собаками, которые

пристали к нему по дороге.

Ганс и Аренд подняли его на смех, но Виллем не присоединился к ним: он помнил, как великодушно держал себя Гендрик в тот раз, когда он свалился с лошади у норы земляного волка, и теперь он отплатил ему добром за добро. Похоже было, что Виллем и Гендрик скоро станут закадычными друзьями.

Глава XXXII ОГРОМНОЕ СТАДО АНТИЛОП

На следующий день нашим молодым охотникам представился случай полюбоваться необычайным зрелищем - огромным стадом антилоп, таким огромным, что вся равнина, насколько хватал глаз, казалась покрытой багровым ковром. Антилопы не паслись и не отдыхали. Стадо бежало, подобно вчерашнему стаду, против ветра, как будто спасаясь от какого-то грозного врага, вспугнувшего его и гнавшегося за ним по пятам.

В ширину стадо занимало пространство около полумили. Определить, насколько оно растянулось в длину, было труднее, так как мимо охотников оно бежало более часа. Животные стремительно неслись вперед, соблюдая равнение в рядах, но иногда задние вдруг перепрыгивали через передних, и тогда эта движущаяся лавина становилась похожей на бурлящий поток. Антилопы бежали, вытянув шеи, чуть ли не касаясь носом земли, как гончие по следу.

Местами они сбивались в плотную массу, и в промежутках между такими группами бежали только самцы; местами в этом потоке появлялись разрывы, и он приобретал вид движущихся армейских колонн.

Эти разрывы возникали оттого, что огромное стадо образовалось из множества самостоятельных стад, подгоняемых страхом. У белолобых и пятнистых антилоп есть своеобразная особенность - к стаду, обратившемуся в бегство, примыкают все новые и новые табуны, пасущиеся поблизости. И так как все они бегут обязательно против ветра, из них составляется одно огромное стадо. Это живописное зрелище привело на память молодым охотникам рассказы о перекочевке бизонов в американских прериях и о перелетах странствующих голубей. Напомнило им это зрелище и "переселение" скакунов, которое им довелось видеть своими глазами.

В этот день им повезло. Вчерашний опыт не пропал даром - они приобрели сноровку в охоте на белолобых антилоп. Вместо того чтобы подкрадываться к ним или устраивать на них облаву, они решили скакать сбоку от стада, временами приближаясь к нему на расстояние выстрела. Антилопы, бегущие против ветра, подпускают к себе охотника ярдов на триста - четыреста, и всадник на свежей лошади несомненно успеет выстрелить в стадо, прежде чем вся эта движущаяся масса будет в состоянии сменить направление. При такой стрельбе прицелиться, разумеется, невозможно и много пуль пропадет зря, но все же одну-другую антилопу, наверно, удастся уложить.

Как и было задумано, молодые охотники держались рядом со стадом все время, пока оно несло против ветра, но, хоть и часто слышны были звуки их ружей, хоть и вторил им время от времени более гулкий выстрел громобоя Виллема, добыча оказалась невелика: только шесть антилоп, поровну самцов и самок. Но юноши все равно были рады: они ведь охотились не ради мяса, а из-за рогов и шкур красивой окраски, которых хватило на всех.

Едва только лошади притомились, охотники оставили стадо в покое.

В лагерь они вернулись довольно рано, захватив с собой головы, рога и шкуры своей добычи, да и мяса они запасли себе на день-другой.

Шкуры антилоп, как обнаружилось, издавали приятный запах, присущий, очевидно, тем пахучим растениям и травам, которыми кормятся эти изящные животные.

Все время после полудня охотники очищали шкуры от мездры, а затем развесили их для просушки. Знойное солнце за несколько часов подсушит их настолько, что можно будет свернуть их до следующего привала, а там уж просушить до конца, чтобы окончательно

уложить в фургоны.

Обработкой шкур занялись Гендрик и Виллем, но чучело головы, требующее подлинного мастерства, взялся набить Ганс, пригласив Аренда в помощники. Для этой цели у Ганса имелся набор необходимых химикалий: мыльняковое мыло и некоторые другие средства консервации. К вечеру были отпрепарированы две пары голов. С рогами и шерстью они выглядели как живые и, казалось, только ждали, чтобы их повесили на стену.

В каждой паре - голова самца и голова самки: одна пара предназначалась семье ван Блоома, другая - ван Вейку. У белолобых антилоп единственное различие между рогами самцов и самок состоит в том, что рога самки короче и тоньше. Шкура самки меньше по размеру и бледнее по тону. Так же и у их сородичей - пятнистых антилоп, чьи нарядные шкуры и рога достались охотникам днем позже. В охоте на пятнистых антилоп, на этот раз вполне успешной, была повторена облава, предложенная Виллемом. Каждый из четверых - Ганс, Гендрик, Аренд и Виллем - подстрелили по самцу, едва лишь стадо двинулось к их укрытиям. Но пальма первенства досталась на этот раз Гансу: стреляя дуплетом из двустволки, заряженной пулями, он уложил одновременно двух "раскрашенных козлов", как иногда называют пятнистых антилоп.

Не следует думать, однако, что сегодняшний успех и вчерашняя неудача при охоте одним и тем же способом объясняются коренным различием в повадках этих двух видов антилоп; нет, повадки их очень схожи.

Охота на пятнистых антилоп была удачной только потому, что погода стояла тихая, в воздухе - ни дуновения; в этом затишье антилопы не могли ни бежать против ветра, ни даже при всем своем остром нюхе определить, за каким термитником таится охотник.

Оттого-то Клаасу и Яну удалось на этот раз прогнать их прямо на стрелков в засаде, а тем - без особого труда подстрелить их.

Подкрадываться к антилопам в такой день не имело смысла, так как стрелять пришлось бы с большого расстояния, а на равнинах Зуур-Вельда очень трудно добиться меткого выстрела - над ними постоянно нависает дымка, мешающая прицелу; подчас в этих местах возникают миражи, совершенно искажающие вид и размеры предметов: важно выступающая птица-секретарь начинает напоминать человека, а страус вырастает до высоты церковного шпиля. Меняется самая окраска предметов. Известен случай, когда путешественники приняли чету рыжевато-бурых львов за свои повозки, крытые белым полотном, и направились прямехонько к хищникам, полагая, что едут к своему лагерю. Досадная оплошность, можно сказать!

Закончив обработку шкур пестрых антилоп, охотники снялись со стоянки и двинулись дальше по равнинам Зуур-Вельда.

Глава XXXIII ОДИНОКАЯ ГОРА

Уже говорилось, что на равнинах Зуур-Вельда нашим путникам время от времени попадались горы самых разнообразных очертаний: нагроможденные друг на друга, словно ящики, с вершинами, плоскими, как стол, конусовидными или куполообразными, зубчатые кряжи, напоминавшие крыши гигантских островерхих домов и вонзавшие в небо свои пики, отточенные, как церковные шпили; а дальше горные хребты опять тянулись сплошной ровной линией, точно крепостной вал, то тут, то там увенчанный башенками, дополнявшими его сходство с грандиозным военным сооружением.

Наши охотники с интересом рассматривали эти возвышенности, причудливые и разнообразные. Их путь проходил то мимо отвесной стены, в тысячу футов высоты, которая тянулась без единой расселины на многие мили и отрезала таким образом доступ к горам, вздымавшимся еще выше, то вдоль узких гребней, где между двумя крутыми склонами едва хватало места проехать фургонам. Время от времени им приходилось огибать какой-нибудь отрог, выдвинувшийся на несколько миль в глубь равнины.

Среди одной из самых обширных равнин, лежавших на пути молодых охотников, внимание их привлекла гора совершенно своеобразной формы. Строго говоря, назвать ее горой можно было бы лишь с натяжкой: она возвышалась над землей не более чем на семьсот-восемьсот футов, однако ее коричневая скалистая поверхность придавала ей облик настоящей горы, да и назвать такую громаду холмом тоже было бы неправильно. Вдаль и вширь вокруг этой странной горы, не имевшей предгорья, зеленым ковром расстилалась ровная низменность, оттеняя своим изумрудным фоном ее темный гранит.

Склоны этой необычной горы от подножия до верха шли покато, как у египетской пирамиды; издали она и выглядела пирамидальной, но, подъехав ближе, можно было заметить, что очертания у нее округлые. Своеобразие горе придавала ее вершина: тридцатифутовый утес, снизу похожий на шпиль с тонким, как игла, острием. Гора эта, напоминая опрокинутую воронку, бросалась в глаза еще издали. Одинокое возвышаясь посреди открытого пространства, она резко выделялась своим цветом на фоне изумрудной зелени равнины, посреди которой как бы остановилась отдохнуть.

- Давайте подъедем и обследуем ее, - предложил Аренд. - Мы не так уж отклонимся от своего маршрута, а наших медлительных буйволов мы всегда догоним... Что вы на это скажете?

- Сколько бы ни заняло времени, а подъехать надо, - поддержал Ганс.

Ему подумалось, что на этой примечательной горе, уж наверно, попадется какое-нибудь редкостное растение.

- Давайте подъедем! - хором подхватили остальные.

Предложения Ганса принимались его более юными спутниками обычно без возражений. И они погнали лошадей к горе, предоставив фургонам следовать в прежнем направлении, к тому месту, где был намечен привал.

С первого взгляда всадникам показалось, что гора отстояла от них никак не дальше чем на милю, и все горячо возражали Гансу, по мнению которого гора находилась в пяти милях. Завязался спор. Ганс выступал один против пятерых; над Гансом подтрунивали, издевались, называли его подслеповатым. Пять миль! Какая чепуха!

Ни один из пяти не отличался склонностью к размышлениям, все они всецело полагались на свое непосредственное восприятие. Если бы им впервые довелось встретиться с таким оптическим явлением, как преломление прямой палки, погруженной в прозрачную воду, они, по всей вероятности, решили бы, что перед ними просто-напросто кривая палка, и вздумай кто-нибудь утверждать обратное, они подняли бы его на смех, как поднимали сейчас на смех Ганса, утверждавшего, что гора находится в пяти милях от них, в то время как все они ясно видели, что до нее не более одной. Так оно и казалось наблюдателю, привыкшему определять расстояние в обычных условиях, в низменной местности. Но Ганс понимал, что теперь они находились на равнине, возвышавшейся над уровнем моря на тысячи футов. Отчасти из книг, отчасти из опыта он знал, какие там возникают оптические обманы. Он согласился, что гора кажется на взгляд очень близкой, но продолжал настаивать на том, что это только кажется.

Как ни добродушен был наш юный философ, но насмешки приятелей вывели его в конце концов из терпения. Осадив лошадь, он предложил измерить спорное расстояние. Возражений не последовало. У них не было даже карманного ярда, не говоря уж о межевой цепи, но они знали, что никаких измерительных инструментов Гансу не потребуется. Все повернули обратно, чтобы начать измерение с того места, где завязался спор.

Как же будет Ганс измерять расстояние? Быть может, угломером? Ничуть не бывало. Он, правда, умел им пользоваться, но обходился и без него. Рослый жеребец Ганса бежал рысью настолько ровно, что способен был заменить самый точный прибор. Ганс, задав коню желательный аллюр, мог затем определить пройденное расстояние с точностью спидометра. Жеребец, пущенный свободной рысью, всегда шел в неизменном темпе и делал равное число шагов в минуту. Поэтому заметить время в начале и в конце пути было все равно, что подсчитать число шагов лошади.

Ганс, нередко прибегавший к этому способу, мог определять любые расстояния, пройденные его конем. Заметив время по минутной стрелке часов, он двинулся напрямик к горе. Юноши последовали за ним. Ехали в молчании: нельзя было мешать Гансу, а то бы они не отказали себе в удовольствии еще немного подразнить его. Скоро, впрочем, настроение у них переменилось и на их лицах отразилась растерянность: сколько они ни ехали, гора к ним не приближалась. Прошло добрых полчаса, а до нее на глаз все оставалась миля. Пять юношей, ехавших следом за Гансом, совсем приуныли.

Прежде чем они достигли подножия горы, прошло еще полчаса. Никто не спорил, не высказал ни удивления, ни даже сомнения, когда Ганс громко и твердо провозгласил:

- Пять миль с четвертью!

Ганс не воспользовался случаем отплатить за насмешки. Он только повернулся в седле и сказал:

- Затемнить истину надолго ложная мудрость не в состоянии, хотя она и представляется иногда более правдоподобной, чем сама истина.

Глаза XXXIV ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ

Гора, очертания которой казались издали ровными и мягкими, представляла вблизи совсем другое зрелище. Склоны горы от подножия до самой вершины были густо усыпаны огромными камнями, придававшими ей сходство с гигантским керном³, какие иногда можно видеть и на вершинах наших гор. Но те холмики созданы руками человека, а громада, на которую смотрели наши спутники, представлялась им творением каких-то титанов.

Кое-где среди этой скалистой россыпи зеленели клочки растительности; в извилинах трещин распускались причудливые кактусы и редкие молочаи; тут и там невысокое деревце с развесистой кроной, с листвой, похожей на листву мирта, осеняло своей тенью горный склон; над острым изломом какой-нибудь глыбы вздымались древовидные алоэ, оживляя своими кораллово-красными гроздьями серый, мрачный фон скалы.

Налюбовавшись живописной картиной, охотники решили все вместе подняться на вершину; путь казался совсем недолгим, тропа не очень крутой; минут через десять они будут наверху. А какой великолепный вид откроется им оттуда! Гора возвышалась над местностью, по которой им предстояло совершать путь еще дня три. Озирая окрестность, они выберут самую удобную дорогу, без зигзагов и препятствий, и заранее нанесут свой маршрут на карту. Итак, на гору! Это восхождение манило всех. Одних - ради прекрасной панорамы, других - ради удовольствия одолеть кругизну, Клааса и Яна - потому, что они заметили большую птицу, парившую над вершиной, - это мог быть орел, повелитель птиц. Им как хотелось поближе познакомиться с владыкой пернатых!

У Ганса была своя цель: его интересовала растительность горы, совсем не похожая на растительность соседней равнины, а особенно деревце с листвой, как у мирта. За восхождение единогласно высказались все. Охотники быстро спешили: лошадям эти склоны, покрытые каменной россыпью, были недоступны. Поводья связали в один узел, как всегда поступали, когда поблизости не оказывалось деревьев, к которым можно было бы привязать животных. Этот способ себя оправдывал полностью. Их лошади хорошо знали друг друга и ладили между собой. Не приходилось опасаться, что одна обидит другую. Стояли они мордами в круг, и ни одной не удалось бы уйти без остальных, а такое единодушие вряд ли было возможно. Кроме того, если бы даже пятеро из них решили немного прогуляться, шестой все равно не пошел бы на этот стговор и упирался бы изо всех сил - тот, кто непременно остался бы верен своему хозяину: степенный, надежный жеребец Ганса, приученный ждать своего хозяина, где бы тот ни оставил его. На многие ботанические экскурсии ездил он с Гансом и всегда смирно стоял на месте, часто нестреноженный и непривязанный, с поводьями, закинутыми за холку, пока молодой ботаник лазил по обрывам или нырял в чащу кустарников, выискивая редкостные растения.

Словом, оставив лошадей, отряд двинулся в путь. Тропа то вела их среди нагромождения гранитных глыб, то шла по ребрам скал; приходилось пускать в ход всю свою силу и сноровку. Путникам сперва показалось, что за какие-нибудь пять минут они достигнут вершины. Теперь их ждало досадное разочарование.

Возможно, ничто на свете так не обманчиво, как восхождение на гору: на поверку оно всегда оказывается куда труднее, чем кажется сначала. Потому-то, прикидывая затраты времени и сил, следует принимать в расчет разные непредвиденные трудности и осложнения. Рассудительному Гансу это было отлично известно, и он предупредил товарищей, что подъем на гору отнимет добрых полчаса. Наших юношей так и подмывало посмеяться над его словами, но они еще не забыли, как опозорились недавно, и сочли за лучшее смолчать, втайне уверенные, что через каких-нибудь пять минут окажутся на самой вершине.

Но пять минут прошло, и их уверенность поколебалась; затем еще трижды пять, а они находились всего лишь на полпути к вершине!

Здесь они устроили привал, чтобы отдышаться. Теперь Гансу представился случай разглядеть вблизи любопытное деревце, в тени которого они как раз и остановились.

Оно было невысокое, красивым его тоже не назовешь, однако это было весьма примечательное дерево. Ветви его густо покрывала мелкая бледно-зеленая листва, похожая на листву мирта. Цветы его тоже были мелкими и малоприметными, но по цветам юный ботаник распознал в нем представителя семейства сандаловых деревьев, древесина которого широко применяется в разных поделках.

Юношам встречалось множество безделушек, изготовленных из этого прославленного дерева, но как оно выглядит и где растет, они не знали. Воспользовавшись минутой отдыха, Ганс рассказал им следующее:

- Сандаловое дерево растет в предгорьях малабарского берега и на островах Индийского архипелага. По размерам оно невелико, в поперечнике редко достигает фута. Оно не коробится от сырости, не гниет в воде. Его ароматная смола предохраняет от порчи одежду, ткани, шелка и любые предметы, помещенные с ним рядом, и отпугивает насекомых. Этими ценными свойствами объясняется спрос на него для изготовления комодов, шкафчиков, разных предметов домашнего обихода. Из этого ароматного дерева делают дорогие веера и бусы. Брамины примешивают его смолу к курениям при жертвоприношениях Вишну.

- Существует, кажется, два рода сандала? - осведомился Клаас. - У сестры Вильгельмины есть сандаловые шкатулка и бусы, привезенные из Индии нашим дядей. Они совсем разные: шкатулка - белая, а бусы - великолепного желтого цвета. Может, их покрасили?

- Нет, - ответил Ганс, - бусы не крашенные. Вещи из сандала бывают двух цветов: белые и желтые. В былые времена считалось, что их делают из разных деревьев. Однако это не так. Белое и желтое дерево берут с одного и того же ствола. Различие в цвете объясняется тем, что слои древесины, которые ближе к сердцевине, имеют густо-желтую окраску, молодые же слои, расположенные ближе к наружной коре, почти белого цвета. Желтая древесина тверже, ароматнее и, разумеется, стоит дороже. Срубленные деревья тут же подвергают окорке, а очищенные стволы сушат еще месяца два, что придает особую устойчивость и тонкость их запаху.

С интересом слушая Ганса, юноши вынули ножи, срезали по сандаловой ветке, понюхали их и даже попробовали на вкус. Ветки были душистые, но без всякого вкуса. Ганс заметил, что и настоящее индийское сандаловое дерево, обладая приятным запахом, совершенно лишено вкуса. В заключение Ганс разъяснил, что слово "сандал" происходит не от сандалий - античной обуви, на которую его употребляли, а наоборот, сандалии заимствовали свое название от дерева. Корень же этого слова персидского происхождения и значит "полезный". Выходит, что название вполне соответствует ценным свойствам дерева.

Отдохнувшие охотники со свежими силами продолжали подъем и через пятнадцать минут достигли вершины.

Глава XXXV ДАМАН

Впрочем, последнее не совсем верно. Они, правда, достигли вершины горы, но над ними все еще возвышался шпалеобразный утес, который своим причудливым видом привлек их внимание и заманил сюда. Шпиль был недоступен для живых существ, кроме кошки, обезьяны и птицы; никому из отряда, разумеется, и в голову не пришло отважиться на такое опасное восхождение.

Насытив свои глаза зрелищем этого геологического феномена, они решили двинуться в обход, к другой стороне. Но это было не так-то просто: у подножия шпиля громоздились огромные ребристые глыбы, и им пришлось бы или перелезть через них, или протискиваться между ними.

Не успели они двинуться в путь, как внимание их привлек один предмет, и они задержались, чтобы хорошенько его рассмотреть.

На полпути вниз, на склоне горы, стоял утес, с вершины которого, должно быть, открывался вид на большой кусок горного склона; на этой вершине восседала очень крупная птица, величиной с индюка. Оперение ее было густо-черным, и только на затылке, спускаясь к плечам, ярко белело пятно; каштановые перья покрывали лапы до самых пальцев, а сами пальцы были светло-желтые.

Ее внешний облик - круто загнутый клюв, широкие, могучие крылья, лапы, покрытые перьями, точно в штанишках, - сразу говорил о ее породе.

- Орел! - хором вскричали охотники.

Да, это был орел, притом один из крупнейших - орел-ягнятник. Клаас и Ян заметили его еще снизу.

Он был не более как ярдах в двухстах от них, и, хотя они порядком-таки шумели, поднимаясь на гору, он, как видно, ничего не слышал и по-прежнему не замечал пришельцев. Это было очень странно для такой чуткой птицы. Что-то, очевидно, всецело завладело его вниманием: орел сидел, вернее стоял, крепко ухватившись когтями за гребень утеса, и, напряженно изогнув шею, с живейшим интересом рассматривал внизу какой-то предмет.

Затылок его, обращенный к охотникам, представлял бы собой заманчивую мишень, расположись орел поближе, но сейчас разве что из громобоя Виллема можно было бы попасть в него, да и то не наверняка. Виллем хотел было попытаться, но Ганс удержал его. Любопытно было понаблюдать за орлом - его настороженная поза указывала, что он подстерегает жертву, находящуюся где-то на склоне.

Немного погодя показалась и сама жертва. На небольшую площадку, расположенную ярдов на двадцать - тридцать ниже, выбежал маленький серовато-коричневый зверек; шкурка его была на спине темнее, на брюхе светлее. По виду - кролик, но значительно крупнее и плотнее, не длинноухий и с более короткими ножками, казавшимися при ходьбе очень кривыми, и совсем бесхвостый. Шерсть у него была густая и мягкая, как у кролика, но с разбросанными по меховому одеянию шелковистыми волосками, несколько более длинными; на передних лапках - по четыре роговидных нароста, похожих на копытца; задние лапы трехпалы, средний палец заканчивался настоящим когтем.

Разумеется, с такого расстояния нельзя было тщательно разглядеть зверька, и в первую минуту все эти особенности ускользнули от наблюдателей. Их позднее сообщил Ганс, хорошо знавший этого зверька.

Животное это, с виду ничем не примечательное, было по своему строению одним из любопытнейших на земном шаре.

Это маленькое круглое пушистое создание, робкое, как мышь, которое резво скакало по площадке, временами круто останавливаясь, чтобы пощипать листик или бросить по сторонам пугливый взгляд, это незаметное четвероногое было троюродным братом огромного, грубого носорога. Именно так! Правда, у него на мордочке не было рогов и он

был покрыт шерстью, но его зубы, череп, ребра, копытообразные пальцы, его внутреннее строение - все доказывало, что это копытное животное.

Повадки дамана просты, и о них можно рассказать в двух словах. Даман стадное животное. Он обитает в горах и во многих гористых местностях; скрывается в пещерах и расселинах скал и выходит наружу только покормиться и погреться на солнце; он бегаёт, опасливо озираясь по сторонам, питается травой и листвой кустарников, выискивая самые пахучие; от большинства четвероногих хищников ему удастся спастись, но пернатые хищники, в особенности орел-стервятник, охотятся за ним с постоянным успехом. Вот вам коротенький рассказ о дамане, или гираксе, десси, жиряке, как по-разному называется в книгах этот зверек.

Я уже говорил, что все эти подробности были рассказаны Гансом несколько позже.

В ту минуту им было не до ученых справок. Едва лишь даман в сопровождении нескольких своих сородичей показался на площадке, как орел сорвался с утеса и камнем метнулся на них.

Послышался пронзительный крик. Темные крылья распластались над зверьком, и, казалось, орел вот-вот взмлет ввысь с добычей в когтях.

Но не тут-то было. Юноши обманулись в своих ожиданиях, как обманулся и сам орел: даманы оказались куда проворнее своего давнего и грозного врага, и, прежде чем когти орла коснулись их шерстки, они бросились врассыпную и скрылись в своих темных надежных убежищах. Сегодня они, разумеется, уже не отважатся выглянуть наружу. Орел, очевидно, тоже так думал. С разочарованным клекотом взвился он к небу и полетел в сторону.

Глава XXXVI ГОРНЫЕ СКАКУНЫ

В надежде подстрелить орла влёт, пока он кружит над горой, охотники притаились за камнями, держа свои ружья наготове, но - увы! - орел парил на такой высоте, что пулям было его не достать.

Сейчас он скроется из глаз, думали они, полетит на какую-нибудь соседнюю гору... Здесь, на этой горе, он мог быть только случайным гостем, - старый голодный орел на охоте.

К этому и шло. Но орел, уже направившись на большой высоте в сторону от горы, вдруг замер и повис в небе, опустив голову вниз, как бы живо заинтересованный чем-то внезапно попавшимся ему на глаза.

Неужели даманы снова отважились показаться? Нет, орел парил над другим местом - по ту сторону горы. Возможно, что он и заметил даманов, но каких-то других. Это было бы неудивительно: здесь, на горе, их, должно быть, множество. Только не в обычае орлягнятника устремляться на этих зверьков с высоты. Хищник подстерегает их, засев поблизости на какой-нибудь скале, и, едва лишь они выйдут полакомиться листиками или погреться на солнышке, разом бросается на них, - такую охоту как раз и наблюдали юноши.

Даманы настолько проворны, что орел, падая с высоты, не успевает схватить их - они с молниеносной быстротой спасаются в свои убежища. Они и в этот раз давно уже успели бы скрыться, заметив над собой большую черную птицу. Нет, это были не даманы.

Ганс, отделившись от своих спутников, обошел гору кругом и убедился, что отнюдь не даманы, а совсем другие существа заставили орла прервать свой полет.

На середине горного склона стояло сандаловое дерево с пышной, развесистой кроной - одно из самых высоких на этой горе. Гладкая каменная глыба под ним образовала ровную площадку в несколько квадратных ярдов. Ветви дерева почти полностью укрывали ее, даря ей тень и прохладу в часы, когда жгло немилосердное солнце. Казалось, этот уголок создан прямо-таки нарочно для отдыха путников, которые смогут, укрывшись от жгучих полуденных лучей, любоваться широким видом на равнину и живописные дальние горы. Такой уголок пришелся бы по сердцу мечтателю; здесь он, забыв о повседневных заботах, свободно предавался бы приятным раздумьям.

Иной раз невольно приходит па ум, что многие птицы и дикие звери стараются найти себе гнездовье или логово в местах поживописнее. Для меня не составляет труда сразу сказать, на каком утесе орел совет себе гнездо, на какой прогалине в лесной чаще поселятся олень или лань, под каким деревом они будут отдыхать.

Мне кажется, что птицы и звери часто облюбовывают тот или другой уголок не только потому, что они здесь могут лучше укрыться от чужих глаз, но и просто пленившись красотой окрестности.

Как-то не верилось, что на этой одинокой дикой горе, на этой гладкой плите, под этим благоухающим сандаловым деревом природа не поместила живого существа, чтобы ласкать взгляд и придать всей картине завершающий штрих. И в самом деле, эта великолепная картина была совершенна. Сандаловое дерево не зря дарило свою тень: на каменной плите находились существа, оживлявшие прелестный уголок и дополнявшие общее впечатление.

Их было там трое - трое животных, какие еще не встречались нашим охотникам за все время экспедиции. мех у всех троих был одинакового оливково-бурого цвета и одинаково густой. Зато по росту они различались сильно. Самый крупный достигал размеров обычной охотничьей собаки, а самый маленький был меньше самого крохотного козленка. Средний был только чуть поменьше самого крупного, но, в отличие от него, не имел рогов, как, впрочем, и их крошечный спутник. Тем не менее все трое принадлежали к одному роду и виду, вернее сказать - к одной семье. Это была семья горных скакунов, или антилоп-серн, как их называют буры.

Ганс, да и все остальные сразу поняли, что перед ними - горные скакуны, так как эта любопытная разновидность антилопы все еще попадает в населенных областях Капской колонии, там, где высокие утесы и отвесные скалы спасают ее от собак, охотников и гиен.

В отличие от сернобыка, гну, белолобой антилопы канны, горный скакун никогда не спускается в долину: это животное - настоящее дитя гор. Утесы и скалы - его излюбленное жилье. Там ему не страшны ни лев, ни гиена, ни дикая собака, ни шакал - никто из них не в состоянии добраться до его неприступного жилища на краю бездонных пропастей; даже леопард, благодаря своим цепким когтям лазающий по скалам, как кошка, и тот не в силах его преследовать; на отвесах скал и головокружительных высотах горный скакун не имеет равного себе по ловкости среди четвероногих; да он и не боится ни одного из них, у него только три грозных врага среди крылатых хищников это орлы: орел Верро, орел Каффир и орел-ягнятник.

Ростом горный скакун около двадцати дюймов, он строен и плотно сложен, ноги его сильнее, чем у низкорослых равнинных антилоп; его четырехдюймовые рога поднимаются почти вертикально, потом слегка загибаются вперед; мех у горного скакуна длинный, густой и жесткий. Своеобразная расцветка его волос - пепельно-серых у корней, коричневых посередине, желтых на концах - в целом создает впечатление оливково-бурого тона.

Самая примечательная особенность горного скакуна - это строение его копыт: они не удлинены и не поставлены косо, как у других антилоп, а строго цилиндрической формы и почти вертикальные. Края их зазубрены, что позволяет животному цепко держаться на самых гладких скалах, не боясь соскользнуть: как все, что вышло из рук природы, эти копытца прекрасно отвечают своему назначению.

Горный скакун - не стадное животное; он живет парами, семьями. Такая семья и предстала глазам наших охотников.

Самец стоял на самом краю скалы, глядя на расстилавшуюся внизу равнину. Он еще не замечал орла, скрытого от него пышной густолиственной макушкой сандалового дерева. Самка лежала, а детеныш, опустившись возле, сосал ее.

Но вот зловещая тень птицы легла на зеленую равнину, и самец, заметив ее, встрепенулся, пронзительно свистнул и стукнул копытом о камень. Это было сигналом.

Мать с детенышем мгновенно вскочили на ноги, и все трое застыли насторожась, то поглядывая вниз на скользившую тень, то подозрительно озирая высь. Но вот они запрыгали взад и вперед по площадке: они увидели летящего орла, теперь уже не скрытого от них

макушкой дерева.

Как раз в эту минуту орел, прервав свой полет, повис в воздухе: горные скакуны попались ему на глаза. Пернатый хищник мигом заметил детеныша, в страхе спрятавшегося за мать, и в тот же миг ринулся вниз, прямо к маленькой группе. Но как ни быстр был орел, ему не удалось схватить свою жертву с налета, и, оставшись ни с чем, он снова взмыл ввысь.

Охотники взглянули на площадку, но там уже никого не было. С той же стремительностью, что и орел, все трое метнулись прочь с площадки и спаслись от страшных когтей.

Может быть, горные скакуны скрылись, подобно даманам, в какой-нибудь расселине? Вовсе нет. Они стояли на вершине утеса, на самом виду, настороженные, задрав головы, не спуская глаз с орла и, по-видимому, опасаясь повторного нападения. А орел, описав круг и как бы рассчитав расстояние, снова ринулся вниз.

Теперь властелин воздуха целился только на маленького. Взрослые, разумеется, сумели бы спастись от него; в течение некоторого времени это удавалось и малышу, прыгавшему с утеса на утес с легкостью резинового мяча. Но коварная птица при каждом новом налете суживала круги, а ножки детеныша, ослабев, начинали подкашиваться. Тем временем родители скакали по скалам, подпрыгивая так высоко, словно взлетали на крыльях, и опускались на самые острые гребни, всячески стараясь привлечь внимание орла к себе и выручить своего детеныша.

Но все их усилия были напрасны. Хитрый разбойник решительно остановил свой выбор на малыше и не обращал внимания на любые ухищрения его родителей. Быть может, в гнезде его поджидали орлята и на обед им требовалось мясо понежнее.

Словом, орел преследовал несчастного малыша до тех пор, пока тот не изнемог и не опустился на утес, уже не в силах сделать новый прыжок.

Орел ринулся в последнем победном броске; обхватив своими когтями, подобно клещам, спину малыша, он через мгновение поднял его в воздух.

Внизу раздалось горестное блеяние, тут же утонувшее в нескольких одновременных выстрелах, чье эхо громовым раскатом пронеслось в горах.

Крылатый разбойник, все еще сжимая в когтях свою жертву и яростно хлопая крыльями, камнем упал на землю.

Глава XXXVII

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ГОРНЫХ СКАКУНОВ

Орел упал неподалеку от вершины. Юноши, спустившись по склону, нашли его мертвым. В когтях у него был козленок - тоже, разумеется, мертвый.

Орлиные когти вонзились в его тело у самого позвоночника - даже в смерти жестокая птица не выпускала своей жертвы.

Бесцельное убийство животных преступно; казалось бы, наших охотников можно обвинить в том, что они подстрелили орла без всякой надобности. Однако это не так. Орел был представителем малоизученного вида, и шкурка его нужна была для научной коллекции.

Юноши были очень далеки от мысли мстить за козленка. Напротив, минут пять спустя все шестеро вместе со своими собаками охотились на горных скакунов с таким же азартом и жаждали лишить их жизни не меньше, чем перед этим их крылатого врага.

Но они - по крайней мере, большинство из них - не просто желали потешить себя веселой охотой. Здесь была любознательность, стремление понаблюдать вблизи за этими животными и приобрести их рога - ценный трофей.

Вас, разумеется, удивляет, зачем понадобились им рога горных скакунов, раз эта антилопа не такая уж диковинка в Капской колонии. Действительно, это животное там не редкость, но в руки охотнику оно достается лишь в редких случаях: горный скакун пуглив и осторожен, как серна, и вдобавок обитает на самых неприступных высотах; подстрелить его - настоящий охотничий подвиг, а его маленькие рога - славный охотничий трофей.

Вот почему нашим охотникам захотелось добыть рога горного скакуна, стремительно скакавшего вниз по склону.

Гендрик предложил напасть на антилоп всем отрядом вместе со сворой гончих и выгнать их на равнину, а там уж собаки с легкостью настигнут их. Антилопы, как известно, бегуны неважные.

Предложение показалось разумным: антилопы стояли уже у самого подножия горы. Теснимые отрядом, который двинется на них сверху, они, конечно, выбегут на равнину, а там собаки погонят их, и охотникам представится случай полюбоваться увлекательным зрелищем.

Сказано - сделано.

Охотники двигались так быстро, как только позволял трудный путь; спущенные собаки бежали впереди. Подойти к животным на расстояние выстрела рассчитывали минут через десять, но те не соблаговостили дожидаться их. Не успели охотники спуститься и до половины горы, как проворные антилопы, прекрасно видевшие их снизу, двинулись в обход, перелетая с утеса на утес, словно пара крылатых птиц. Они выбирали на своем пути не проходы между скалами, а самые острые гребни, перескакивая с одного на другой огромными прыжками. Охотники только диву давались! Так узки были многие из этих гребней, что на них едва помещались касавшиеся их на секунду копыта животных, и все же они с такой легкостью отталкивались от камня своими составленными вместе ногами, точно не простая сила мышц, а стальная пружина подбрасывала их.

Вначале все казалось так просто: на этом небольшом пространстве разве трудно окружить дичь и выгнать ее на равнину?

Но не тут-то было! Горные скакуны благополучно перебрались на противоположный склон и находились теперь прежде.

Охотники подозвали собак, снова поднялись на вершину и, заметив место, где стояли антилопы, вторично двинулись на них враспынную с ружьями наперевес; но и па этот раз антилопы, не дав им подойти на выстрел, пустились наутек и скрылись за горой. Приходилось признать, что собаки, медленно пробиравшиеся меж скал, не показали себя достойными противниками горных скакунов. Хорошо прицелиться в такую быстроногую дичь даже на близком расстоянии не удалось бы самому искусному стрелку. Не следует забывать, что подстрелить горного скакуна так же трудно, как бекаса.

Юноши в третий раз попытались тем же способом выгнать антилоп на открытую равнину, но - увы! - дичь, как и прежде, ускользнула...

Виллем предложил изменить тактику: спуститься, встать цепью у подножия горы и затем подниматься, равномерно суживая круг и гоня дичь к вершине.

- Так мы их не упустим; если даже они попытаются прорваться сквозь цепь, то все равно наткнутся на кого-нибудь из нас...

Предложение было принято; у подножия горы юноши разошлись на равные расстояния друг от друга, взяв с собой по собаке. Клаасу собака не досталась - после приключения с голубой антилопой в отряде их оставалось всего пять.

Юноши снова начали подниматься на гору. Они шли осторожно, не теряя друг друга из виду и обмениваясь на ходу сведениями о местонахождении антилоп. А те скакали перед ними зигзагами вдоль склона, потом перебежали, ища спасения, с одного склона на другой, и наконец огромными скачками отступали к вершине.

Когда охотники достигли половины горы, антилопы, видя, что они окружены, сделали попытку прорваться сквозь строй и метнулись было мимо Ганса, но этот серьезный юноша, никогда не хваставшийся своими охотничьими способностями, был тем не менее искусным стрелком; подняв свою двустволку, он спустил курок.

Самка упала, убитая наповал; самец круто повернулся и понесся вверх по склону; резвые собаки вырвались вперед и со всех сторон приближались к козлу; казалось, для него все потеряно.

Он вскочил на глыбу около утеса, напоминавшего башню. Свора, оскалив зубы, уже

настигала его, но он перед носом собак взметнулся вверх, словно подброшенный пружиной, и очутился на узеньком выступе утеса-шпиля, где они не могли его достать. Здесь едва хватило бы места и для ласки, но самец, казалось, чувствовал себя как дома, а когда его спугнули крики охотников, поспешно взбиравшихся вверх, он махнул на площадку, расположенную выше, потом еще выше и наконец очутился на самом острие шпиля.

Возгласом изумления приветствовали охотники этот рекордный прыжок.

И точно, зрелище было необычайным. Верхний утес заканчивался острием дюйма в четыре по диаметру - на этом-то острие и стоял горный скакун, тесно приставив одно к другому свои копытца, вобрав голову в плечи и сжавшись в комочек, а его жесткие, щетинистые волосы торчали дыбом наподобие игл дикообраза.

У охотников, подошедших теперь на расстояние выстрела, не поднималась рука спустить курок - очень уж живописно выглядело животное на острие шпиля. Они не сомневались, что теперь оно у них в руках: на высоте тридцати футов над поверхностью земли, окруженный сворой собак, - тут уж ему крышка! Юноши медлили стрелять и подбежали к самому подножию утеса.

Однако они недооценивали силы горного скакуна и поэтому здорово оплошали. В то время как они уже поздравляли себя с успехом в такой трудной охоте, скакун на глазах у них сорвался с утеса, пролетел мимо них близко-близко, рассекая воздух со свистом, словно большая птица, на какую-то долю секунды коснулся копытами глыбы у подножия утеса, перемахнул с нее на другую, на третью и несколько секунд спустя был уже далеко от них, на горном склоне...

Все это произошло с такой молниеносной быстротой, что и собаки, и сами охотники застыли от изумления, глядя ему вслед, и никто не выстрелил. Скакун, казалось, уже улизнул от них... Но вдруг на склоне выросло облачко дыма, послышался звук выстрела, и горный скакун рухнул с утеса.

Юноши обернулись друг к другу в полном недоумении.

- Кто же это? - вскричали они в один голос.

Ба! Да их же здесь всего пять! Одного не хватает...

- Это Клаас!

Разумеется, это был Клаас, - не кто иной, как Клаас, подстрелил горного скакуна!

Клаас оправдал поговорку: "Тише едешь - дальше будешь". Мальчуган был несколько тяжеловат на подъем. Устав от лазанья по горам, он присел на камень передохнуть немного и вдруг увидел скакуна, стоявшего прямо против него на утесе; легкое охотничье ружье мальчика было заряжено крупной дробью, и Клаас, выстрелив, сбил козла с его вышки.

Ян из зависти доказывал, что Клаасу просто посчастливилось.

Но как бы там ни было, а антилопу подстрелил именно он, Клаас, этого у него никак нельзя было отнять, и гордость переполняла сердце мальчика.

Юноши, забрав добычу, спустились к лошадям, вскочили на них и помчались вдогонку фургонам, медленно тащившимся вдали по равнине.

Глава XXXVIII

НАХАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

На третий день странствия по равнинам страны Зуур-Вельд путники выехали на берег полноводной реки и направились вверх по течению. Новый речной пейзаж, открывшийся им, был совсем не похож на степной: ивы и камыши окаймляли берега, а дальше расстилалась обширная луговая низменность с разбросанными по ней зеленеющими рощами и отдельными древесными купами. Их свежая зелень ласкала глаз после однообразия степи. Мираж не мучил их больше призрачными картинками тенистых перелесков и прозрачной озерной глади - здесь все это было наяву. Одна за другой сменялись прелестные картины.

Охотники рано устроили привал, чтобы дать животным попасть вволю на густой и сочной траве. Они распрягли буйволов на небольшом лужке, у самой воды, и, наломав ветви

ив, раскинувшихся неподалеку, развели костер.

Ян и Клаас заметили стаю птиц, носившихся над водой, чертя крылом, точь-в-точь как ласточки в летний вечер над озерами Англии.

Расцветка птиц ничем не привлекала внимания: темно-ржавая, в белых и серых крапинках, довольно скромная для африканских птиц; однако вблизи мальчики увидели бы, что лапки пернатых, так же как и восковица над клювом, великолепного светло-оранжевого тона.

Одна особенность птиц сразу бросалась в глаза даже на расстоянии - их глубоко вырезанные хвосты. Этим они также напоминали ласточек; "вилочка" была не так резко выражена, как у последних, но все равно можно было сразу сказать, принимая во внимание общий облик, размеры и окраску птиц, что они принадлежат к семейству соколиных и к роду коршунов.

Существует множество видов коршуна. Те, что летали здесь, были коршунами-паразитами; эти птицы несколько уступают по размерам европейскому красному коршуну и обитают во всех частях Африканского континента.

Оба птицелова определили, что птицы - соколиной породы, однако не могли сказать, к какому виду они принадлежат. Узнав от Ганса, что это коршуны, они еще больше заинтересовались птицами. Встав с ружьями наготове у самой воды, они принялись с любопытством следить за этими длиннокрылыми птицами с вырезанным хвостом.

Поверхностному наблюдателю могло бы показаться, что птицы просто резвятся: то они повисали в воздухе, то плавно скользили над водой, а временами, метнувшись вниз, как стрела, словно присаживались с размаху на речные струи; но скоро вы замечали, что всякий раз после такого броска птица поднималась в воздух, держа в когтях маленькую блестящую рыбку; коршуны-паразиты занимались рыболовством, и не ради развлечения, как многие рыболовы, а для прокорма.

Коршуны эти питаются не одной только рыбой: они едят все, что попадется, и небольших четвероногих, и птиц, и гадюк, а на худой конец и падаль; но рыба - их любимая еда; и когда они селятся в местностях, богатых водой, где рыбы вдоволь и ловить ее легко, то занимаются рыболовством.

Клаас и Ян постояли некоторое время у воды, рассчитывая на удачный выстрел, но птицы не подлетали близко, и мальчики, потеряв надежду, отложили свои ружья.

Тут кстати подоспел обед, и юноши, усевшись на фургонных ящиках, принялись за еду. Сегодня у них было изысканное блюдо - мясо южноафриканской дрофы, или дикого павлина, как они сами прозвали птицу. С утра Толстому Виллему удалось подстрелить эту лакомую дичь на очень большом расстоянии благодаря своему дальнобойному ружью, а то не досталась бы им на обед эта птица, одна из самых сторожких и пугливых. Она никогда не подходит на расстояние выстрела к любому укрытию, за которым мог бы притаиться охотник. Мясо этой довольно крупной птицы считается в Южной Африке самым изысканным кушаньем, не уступающим мясу американской дикой индейки.

Теперь, когда это вкусное мясо было нарезано и обжарено, охотники в отличном расположении духа лакомились кто крылышком, кто ножкой, кто ребрышками, кто огузком.

Но вдруг во время такого приятного времяпрепровождения они с изумлением заметили, что коршуны слетелись к лагерю и вьются вокруг них. Больше всех, разумеется, удивились Клаас и Ян: ведь они добрых полчаса пытались подстрелить хоть одного из коршунов, а сейчас птицы сами прилетели к ним и находились не то что на расстоянии выстрела, а буквально перед самым их носом. Подлетев поближе к обедавшим, птицы повисали, распластав крылья и распутив хвост, затем принимались кувыркаться в воздухе и выкидывать такие забавные фокусы, что охотники и Черныш дружно засмеялись; даже строгий кафр не мог удержаться от улыбки при виде такого уморительного зрелища.

Но этим дело не кончилось. Мало-помалу птицы становились все нахальнее и нахальнее, подлетали все ближе и ближе, и наконец некоторые из них дошли до того, что принялись вырывать куски мяса прямо из рук обедавших! Охотники начали уже опасаться,

что про их пир можно будет сказать, как в поговорке: "По усам текло, да в рот не попало". Маленькие бесстрашные разбойники не оставили в покое даже собак: они чуть ли не изо рта у них вырывали косточки, которые те глодали.

Разумеется, этому любопытному зрелищу был бы вскоре положен конец, если бы только дать волю Клаасу и Яну. Едва лишь показались летуны, оба мальчика вскочили на ноги и бросились за своими ружьями, но старшие и в особенности Ганс, которому хотелось понаблюдать за коршунами, удержали их.

Спустя некоторое время мальчикам все же разрешили "открыть огонь". Однако гремевшие один за другим выстрелы не особенно напугали летунов, хотя многие из них упали замертво; даже те, которые, судя по оперению, были ранены, вновь и вновь возвращались к лагерю и кружили над ним, высматривая с жадностью, как бы поживиться объедками, оставшимися на ящиках.

Тут случилось небольшое, но весьма забавное происшествие.

Гансу в этот день удалось подстрелить голубя с великолепным темно-зеленым оперением, типичным для этой птицы в глубинных областях Южной Африки. Такие голуби попадаются не очень часто, и Гансу захотелось набить его чучело. Вскоре после обеда он занялся этим по всем правилам: снял шкурку, бросил мясо собакам и принялся выскабливать череп голубя.

Вволю потешив себя стрельбой, Клаас и Ян отложили ружья, после чего, разумеется, коршунов налетело еще больше, и повели они себя со всей присущей им наглостью.

Один из них, увидав голубя в руках Ганса и, вероятно, думая, что это настоящий голубь, метнулся к нему стрелой, всадил когти в самую гущу перьев и победоносно взмыл со шкуркой в лапах. Ганс, не отрывавший глаз от работы, и не заметил, как подобрался к нему крылатый разбойник. В первую минуту он решил, что кто-нибудь из мальчуганов шутки ради утащил у него голубя. Он посмотрел по сторонам, затем кверху и только тогда обнаружил подлинного виновника. Все немедленно схватились за ружья, - но прощай шкурка! Коршун с добычей в лапках взмыл на большую высоту и теперь уже летел над противоположным берегом.

Но на шкурке уже не оставалось ни клочка мяса, и коршун, конечно, вскоре с досадой обнаружил свой промах.

Глава XXXIX ВОДЯНАЯ АНТИЛОПА

Берега реки, у которой расположились охотники, возвышались над водой футов на пять-шесть. На обоих берегах, друг против друга, виднелись пологие спуски к воде, протоптанные, очевидно, носорогами и другими крупными животными, часто приходившими сюда на водопой и здесь же переправлявшимися вброд через реку. И в самом деле, тут можно было различить следы любых копыт, шедшие то вниз, к воде, то вверх, к лугам.

Наверно, и сегодня многие придут сюда. И Гендрик с Толстым Виллемом решили залечь в засаде и знатно поохотиться при луне; ожидалась лунная ночь, да еще какая! Луна в эту пору была почти полная, а небо весь день совершенно безоблачное.

Но им посчастливилось потешиться охотой еще до восхода луны и даже до захода солнца.

Занимаясь каждый своим делом, юноши вдруг заметили, что на том берегу заколыхались камышовые заросли, из них вышел крупный зверь, смело ступил на открытый луг, поросший невысокой травой, и показал себя охотникам весь как есть, от копыт до кончиков рогов. Как тут было не узнать антилопу!

Однако никто из наших охотников никогда еще не видел такой антилопы. Она поразила их своим величавым и вместе с тем изящным видом.

Ростом антилопа была около пяти футов, а в длину целых девять. Шкура темно-

каштановая, с сероватым отливом. У рогов мех был немного темнее, а на самой макушке тронут краснинкой; оконечность морды и губы белые; на горле белая манишка, вокруг глаз - белые обводы; причудливая белая лента шла от крестца вниз, как бы обрамляя хвост; мех на туловище был жесткий и напоминал расщепленный китовый ус; на затылке шерсть удлинялась, поднимаясь стоячей гривой; рога бледно-оливкового цвета, длиной около трех футов, были почти прямые, с легким лировидным изгибом; валики на них доходили чуть ли не до самого верха и только кончики - дюймов на шесть - были гладкие; хвост, длиной около восемнадцати дюймов, был украшен кисточкой.

Очертания и размеры рогов, жесткие волосы вокруг шеи и величавая осанка антилопы позволили Гансу определить, к какому виду она принадлежит. Он сказал товарищам, что это знаменитая водяная антилопа, которую называют также водяным козлом.

Я не случайно сказал "знаменитая": водяная антилопа действительно - одна из самых красивых и прославленных во всем племени антилоп.

Название ее наводит на мысль, что она - водяное животное, но это не так: свое имя она получила только за то, что всегда держится неподалеку от реки или озера, где плескается в воде и нежится в прохладе в самые жаркие часы дня. Она прекрасно плавает и настолько уверенно чувствует себя в водной стихии, что, когда ее травят охотники или преследует враг, напрямик бежит к берегу и бросается с разбегу даже в самую глубокую реку. Так поступают многие олени, однако их цель - только сбить собак со следа. Переплыв реку, они тут же спешат укрыться в каком-нибудь перелеске. Но водяная антилопа подолгу не покидает реки: она плывет по течению или же, выйдя из воды на другой берег и ненадолго углубившись в какую-нибудь рощу, снова пускается вплавь. По-видимому, она считает воду самым надежным своим пристанищем. Если врагам удастся ее настигнуть, она уплывает на середину реки и там отбивается как может.

Эта антилопа любит селиться на болотистых речных отмелях, густо заросших высокими стеблями осоки и камыша. В половодье, когда берега местами затоплены, антилопу не сыщешь - она выбирает жилье на самом болоте, куда не ступает нога охотника; длинные и широкие копыта позволяют ей бесстрашно ходить по таким трясинам, где любую другую антилопу неминуемо затянула бы топь.

Нашим охотникам еще не приходилось сталкиваться с водяной антилопой. Она не встречается ни в одной из областей, которые они успели пройти. Может статься, что у нее есть и другие родичи на берегах рек, бегущих по неисследованным землям в сердце Африки. Там простираются многие неизведанные страны со множеством невиданных зверей, о которых наши географы и натуралисты еще ничего не знают.

Так что, мои юные читатели, если у вас когда-нибудь возникнет желание посоперничать в славе с Брюсом, Парком, Денгамом, Клаппертоном или Ландером, вам нечего опасаться, что все уже сделано до вас. Для отважных искателей приключений, открывателей новых девственных земель и для рьяных натуралистов неисследованных территорий Африки хватит еще лет на сто вплоть до двадцать первого века. За это я вам ручаюсь.

Глава XL

КРОВОЖАДНЫЙ ГАД

Охотники не сводили глаз со стройной антилопы, приближавшейся к реке. Она шла легкой и величавой поступью по берегу, не задерживаясь сошла под уклон и так же без колебаний и страха ступила в воду. Мальчики надеялись, что она перейдет через реку. Их ружья, в том числе и ружье Виллема, были недостаточно дальнобойными, чтобы застрелить антилопу на том берегу. Вот если б она перешла брод... На всякий случай Гендрик и Толстый Виллем пробрались сквозь чащу камышей поближе к переходу.

Надежды их не сбылись: антилопа не собиралась отправиться на их берег, она хотела только напиться; войдя в реку, она погрузила морду в прохладную влагу.

Юноши из своей засады следили за ней унылым взглядом.

Между тем неподалеку от того места, где пила антилопа, чуть колыхалась на волнах, высунувшись одним концом на поверхность, какая-то темная коряга. Очевидно, она пропиталась водой, отяжелела и оттого не всплывала полностью. Юноши не обратили на нее ни малейшего внимания: какой-то трухлявый древесный ствол, судя по цвету - черной акации. Он, наверно, был унесен течением в пору разлива и застрял на мели в этом затоне. Ничего любопытного. Антилопа тоже не уделила ему внимания. Как бывает наказана такая беспечность! Лучше было бы для антилопы как следует приглядеться к этой черной коряге, прежде чем ступить в реку! Бревно оказалось живым!

К удивлению охотников и к еще большему, вероятно, удивлению самой антилопы, темная коряга оказалась наделенной способностью двигаться с быстротой пущенной стрелы, и она метнулась прямо к пьющей антилопе. Это была не коряга, а мерзкая гадина - большущий крокодил!

Юноши надеялись, что антилопа отпрянет назад и успеет спастись. Это ей удалось бы, не нацелься крокодил так метко. Он сразу схватил морду антилопы в свою громадную алчную пасть и пытался теперь увлечь свою жертву под воду.

Завязалась борьба, короткая, но страшная. Антилопа подпрыгивала, приседала, упиралась ногами, силясь вырваться от пресмыкающегося. Временами она падала на колени, но находила в себе силу снова подняться на ноги; была минута, когда она чуть не вытащила крокодила на берег. Она безостановочно со всей силой отчаяния била крокодила передними острыми копытами, но пресмыкающееся было слишком хорошо защищено своей крепкой чешуйчатой броней. Если бы крокодил схватил антилопу за какое-нибудь другое место, у той еще оставалась бы надежда на спасение, но крокодил пригнул ее мордой к самой воде, и из-за неловкого положения антилопа не могла пустить в ход рога свое могучее оружие.

Крокодил этот был не из самых крупных, поэтому развязка и затягивалась. Очень большой крокодил, от шестнадцати до двадцати футов в длину, утаскивает за собой в воду даже буйвола, а буйвол в четыре раза сильнее антилопы. Этот же крокодил имел в длину не более десяти футов. Крупная антилопа могла бы успешно помериться с ним силами, если бы не ее неудобное положение. И гад, как видно, понимал, в чем его козырь, - он крепко держал в своей страшной пасти, как в тисках, морду животного, не разжимая ни на секунду своей сильной челюсти.

Крокодил уже не лежал целиком в воде, и юноши временами отчетливо видели его грудь и когтистые лапы, вытянутые наподобие человеческих рук. Время от времени крокодилу удавалось, зашлепав для упора могучим хвостом по воде, погрузить голову антилопы в воду и продержат ее там несколько минут. Кругом по реке шли волны. От предсмертных усилий четвероногого, от ударов крокодильего хвоста над местом сражения фонтаном взлетали брызги, пена и пузыри...

Победителем в страшной схватке вышел в конце концов речной тиран. Ему удалось оттащить антилопу с отмели, и, как только ноги ее перестали доставать дно, антилопа - самый сильный пловец среди четвероногих - все же оказалась не в силах бороться с пресмыкающимся; голова ее и рога скрылись в струях потока, только нет-нет, да взмахивал кончик крокодильего хвоста от усилий чудовища удержать свою жертву под водой; затем и он исчез из глаз. Оба, повидимому, опустились на дно.

Юноши еще некоторое время стояли на месте, глядя на поверхность реки.

Вот поплыли пенистые пузыри, некоторые из них красноватые от крови, но их быстро унесло течением, и река продолжала тихо и мирно катить свои воды, как если бы и не разыгралось никакого сражения в ее темном лоне.

Охотники вернулись на стоянку, и здесь у них завязалась беседа о крокодилах, в которой самое живое участие принял Конго.

Кафру доводилось охотиться за пресмыкающимися на полноводной реке Лимпопо, протекавшей к северу от их лагеря. Он утверждал, что там великое множество крокодилов, что он своими глазами видел гигантов тридцати футов в длину, а толщиной с носорога.

Зрелища, подобные тому, что разыгралось перед ними, там не редкость: гигантские крокодилы набрасываются даже на буйволов, приканчивая их, как этот крокодил прикончил антилопу; они также залегают у водопоя, хватают за морду пьющее животное и топят его.

Я сказал, что пресмыкающееся и его жертва скрылись под водой и больше не показывались. Это, однако, не совсем так. Охотники скоро увидели их снова; мало сказать - "увидели": крокодил был сражен насмерть выстрелом Виллема, а мясом антилопы сытно поужинали Черныш и Конго.

Дело обстояло так. Ганс пустился в пространное научное объяснение. Он рассказал своим спутникам о том, какие новые виды пресмыкающихся были недавно открыты, и подчеркнул, что за последние полвека естественные науки сильно шагнули вперед. Рассказал и о том, что современные натуралисты делят крокодилов на ряд родов и что этих родов, включая американских кайманов и аллигаторов и азиатских гавиалов, насчитывается не менее полудюжины, между тем как совсем еще недавно их знали не более трех; видов же известно около двадцати. В Америке, сказал он, водятся как настоящие крокодилы, так и аллигаторы, и видов крокодила там больше, чем в Африке и Азии вместе взятых. Зато в Европе совсем нет этих пресмыкающихся.

Пока охотники слушали Ганса, кафр, присев на четвереньки, не сводил глаз с реки. Внезапно он выпрямился и указал рукой на отмель, поросшую невысокими камышами. Все взгляды устремились в том направлении, и охотники заметили движение в камышах. Их стебли покачивались, ложились целыми пучками, ломаясь с легким треском, как бы под чьей-то тяжелой пятой. Отчего бы это? Вряд ли там пробирался какой-нибудь зверь - он даже в укромном уголке скользит легкой, крадущейся походкой.

Юные охотники решили выяснить, что там происходит. В полном молчании они двинулись к стене тростников, прячась в высокой траве и за кустами, чтобы не всполошить существо, находившееся там.

Приблизившись, они увидели в просветы редкой заросли пробиравшееся камышами крупное животное и в этом крупном темном животном узнали знакомого крокодила.

Но, может быть, это был другой крокодил, не тот, что утопил антилопу? Над этим вопросом им не пришлось ломать себе голову: приглядевшись, они различили и тушу антилопы, которую пресмыкающееся старалось вытащить из воды. Крокодил то подталкивал тушу рылом, то волок, вцепившись в нее зубами, то перекатывал ее по направлению к берегу могучими лапами.

Наши охотники в молчании наблюдали это мерзкое зрелище. Но у Толстого Виллема был в руках громобой, и, выждав момент, когда пресмыкающееся остановилось передохнуть, он нацелился ему в глазную впадину и угостил крокодила большой пулей.

Чудовище нырнуло в реку и ушло на дно, оставляя на волнах кровавый след. Но вот оно снова вынырнуло на поверхность, извиваясь в предсмертных судорогах; то верхняя половина его туловища показывалась над водой, то длинный хвост. Так некоторое время бился он в агонии, но мало-помалу затих и камнем пошел ко дну.

Черныш и Конго устремились в камыши и, забрав тушу антилопы, несколько изуродованную зубами убийцы, с торжествующим видом принесли ее в лагерь.

Глава XLI ЦЕСАРКА

Черныш и Конго поужинали жарким из водяной антилопы, блюдом отнюдь не лакомым, но юношам досталось кое-что получше: жареная дичь, да еще самая изысканная, ничуть не уступающая куропатке или тетереву, - цесарка.

Цесарка - птица, известная с незапамятных времен и нередко упоминаемая в произведениях древних авторов.

Описывать ее незачем. Всем знакомо красивое жемчужное оперение этой птицы, за которое ее и стали называть жемчужной курицей. Цесарка - уроженка Африки, хотя теперь

она приручена и во всех странах мира стала самой обычной обительницей птичников. В Соединенных Штатах Америки, главным образом на юге, где климат особенно ей подходит, цесарка - или гвинейский цыпленок, как ее там называют, - очень ценится, и ее разводят не только на убой, но и на племя; мясо ее цыпят куда нежнее и тоньше на вкус, чем у обыкновенного цыпленка.

На большей части Вест-Индских островов цесарка, тоже завезенная туда из Африки, одичала, и в лесах Ямайки на нее охотятся, как на всякую другую дичь. На этих островах она размножается так быстро, что превратилась в настоящий бич плантаторов, и там за ней чаще всего охотятся не для того, чтобы подать ее на стол, а просто для истребления.

Цесарка водится во всех уголках Африки, своей родины, и притом в нескольких разновидностях, хотя чаще всего встречается обычная цесарка, которая и в диком виде мало чем отлична от своих ручных сородичей; у последних только меняется окраска - перышки их становятся куда беднее синими крапинками, а то и совсем их теряют. Впрочем, так случилось со всеми прирученными птицами - с индюками, утками, гусями и другими обитателями наших ферм; даже и предоставленная сама себе природа нередко шутит подобным образом, и мы не знаем ни одного зверя или птицы, у которых не появлялись бы иногда альбиносы.

Нам известно, что, кроме обычной гвинейской курицы, в южных областях Африканского континента распространена другая разновидность - хохлатая цесарка. Она меньше обычной цесарки, отличаясь от нее и в других отношениях. Оперение ее более густого синего цвета, хотя, так же как у ее сородича, украшено крапинками: на каждом перышке от четырех до шести крапинок. Светло-коричневый ствол пера и белоснежные каемки перьев красиво оттеняют общую окраску птицы.

Самое большое различие между этими двумя разновидностями - в строении темени и щек. Как известно, над клювом обыкновенной цесарки поднимается своеобразный мозолистый нарост, напоминающий шлем, а под клювом висят две мясистые серьги; подобных особенностей нет у хохлатой цесарки; вместо твердого гребня темя этой птицы украшено хохолком из легких развевающихся синевато-черных перьев, очень идущих этой нарядной птице.

Цесарки - птицы общественные, нередко летающие крупными стаями. Чаще всего они держатся на земле, но, если их вспугнуть, вспархивают на дерево и усаживаются на ветвях. Кормятся они семенами, ягодами и слизняками.

Как раз когда юноши обсуждали, чем бы им поужинать, стайка этих великолепных хохлатых созданий с громким щебетом слетелась на открытый луг, где находился их лагерь. Конечно, юные охотники сразу схватились за ружья.

Подстрелить диких цесарок - дело нелегкое. Летуны они неважные и, даже преследуемые, не поднимаются в воздух, разве что гончая или другое быстроногое животное уже настигает их. Но пешему охотнику их не нагнать по ровному месту они бегают очень быстро. Вдобавок они очень пугливы. Все это делает охоту на них довольно трудной. Однако существует один способ охоты, который всегда себя оправдывает: их травят собакой, как зайцев, кроликов и вообще всех небольших зверьков; быстроногая гончая, конечно, с легкостью настигает дичь, и той приходится встать на крыло. Но долго летать ей не по вкусу, и вскоре она снова опускается вниз или вспархивает на дерево; хорошо натасканная гончая бросается к дереву и лает до тех пор, пока не подойдет охотник. Птица, сидя на дереве, ничуть не боится собаки она знает, что сколько собака не гавкай, а на дерево ей не влезть, - но лай отвлекает ее внимание от приближающегося охотника, и тот может спокойно подойти и не спеша прицелиться.

Этот способ был известен нашим охотникам. Они взяли с собой хорошо натасканную гончую и начали травлю, предвкушая вкусную дичь на ужин.

Они охотились не напрасно. Птицу вскоре удалось вспугнуть и загнать на дерево. Лай гончей привел охотников к самому берегу реки, где на макушке жирафьей акации засела дичь. Их выстрелы не пропали зря, и охотники принесли в лагерь семь цесарок, обеспечив

себе знатный ужин, да еще и завтрак на следующий день.

Этот уголок, казалось, был облюбован крылатым племенем. Находясь здесь, охотники наблюдали множество занимательных разновидностей птиц. Окрестности были богаты диковинными растениями, семена которых шли птицам в корм, а у реки вились тучи мошек и насекомых - добыча для бесчисленных сорокопутов и прочих птиц этого семейства.

Ганс указал своим спутникам на своеобразную птичку, порхавшую над лугом и временами выводившую трель, похожую на слово "эдолио". Отсюда и пошло название птицы, точно так же как кукушка приобрела свое имя от кукования.

Южноафриканская птица эдолио - тоже кукушка; кое-чем она отличается от нашей кукушки, но во многом ей родственна: ей, в частности, присуща та же тунеядная повадка подкидывать свои яйца в чужие гнезда.

Однако в истории эдолио больше занимательного, чем у его европейских родичей.

Южноафриканские буры, люди простые, считают, что есть такая птица новогодка, которой они приписывают всякие необыкновенные качества. Они утверждают, что новогодка появляется только в самом начале года и, когда она голодная, принимается пищать: на писк ее слетаются птички со всей окрестности, неся ей корм в клюве.

Это поверье было известно юношам, Конго и Чернышу, и никто из них не сомневался в его правдивости; только Ганс знал, как сложилась легенда, и рассказал товарищам.

Птица, известная фермерам как новогодка, не что иное, как птенец эдолио, хотя фермеры ни за что не поверили бы этому, - птенец, даже вполне оперившийся, мало похож по величине и окраске на своих родителей, и поэтому его обычно принимают за другую разновидность. Его загадочное появление всегда в первые дни года - не совсем выдумка: дело в том, что к этому времени птенец, оперившись, начинает вылетать из гнезда; верно, что он пищит, когда голоден, но далеко не все мелкие птички, находящиеся поблизости, слетаются на его крик, а только его приемные мать и отец. Фермеры часто наблюдали, как они кормили птенца, и отсюда сложилась легенда. Ну что ж, все это было очень интересно.

Ганс добавил, что в Индии среди местных жителей сложилось подобное же поверье относительно большеклювой кукушки и по тем же причинам.

- Эдолио, подобно кукушке, - сказал Ганс в заключение, - кладет свои яйца в гнезда мелких птиц различных видов. По наблюдениям многих зоологов, она не садится для этого на чужое гнездо, а приносит уже снесенное яйцо в клюве.

Глава XLII

КРАСНЫЕ АНТИЛОПЫ

Чем дальше продвигались наши путники вверх по течению реки, тем более менялся облик равнины. Теперь от нее оставались лишь две полосы луга, тянувшиеся вдоль берега и окаймленные с обеих сторон горными цепями, одетыми лесом. Отроги гор кое-где подступали почти к самому берегу, разделяя низменность на ряд долин, лежавших террасами, одна чуть выше другой, между берегом реки и каменистой подошвой гор.

Почти в каждой долине водилась какая-нибудь дичь, но, к сожалению, уже знакомая. Отряд стрелял ее только для пополнения запасов. Стоянки для охоты не устроили ни разу. По словам Конго, за горой, где река брала исток, простиралась область слонов, буйволов и жирафов, и охотники горели желанием поскорее добраться до этой "обетованной земли". Попадавшиеся им на пути стада скакунов, гну, голубых антилоп и даже канн интересовали их не больше, чем стадо домашнего скота.

Впрочем, на одной из верхних долин они решили остановиться и поохотиться. Их внимание неожиданно привлек к себе табун антилоп необычного вида и окраски.

В том, что перед ними антилопы, сомневаться не приходилось: об этом говорил весь их облик - стройное и изящное телосложение, характерные рога.

Хотя охотники ни разу не встречали подобных антилоп, однако, завидев их, Гендрик и Виллем в один голос воскликнули:

- Красные антилопы!

- Почему вы так думаете? - осведомился Ганс.

- Всякий сразу по цвету скажет, - ответили юноши.

Шкура антилоп действительно была красно-бурой на голове, шее и спине, на бедрах несколько бледнее, а брюхо было совершенно белым; под крупом и у корня хвоста виднелись еще и черные метины, но преобладающий цвет животных был красновато-бурый. Вполне понятно, почему Виллем и Гендрик сразу сказали, что это красные антилопы.

- Цвет еще ничего не значит, - заметил Ганс. - Это могла бы быть и бурая и каменная антилопа, но, судя по рогам, вы угадали правильно: это и в самом деле красные антилопы, или палы, как их называют бечуаны.

При этих словах все, разумеется, воззрились на рога. В длину они достигали двадцати дюймов, а очертаниями напоминали рога антилоп-скакунов, хотя были и не такой правильной лирообразной формы. Почти соприкасаясь кончиками, рога посередине расходились на целых двенадцать дюймов; этот легко запоминающийся признак и позволил Гансу сразу определить, к какому виду принадлежали встреченные ими антилопы.

Как ни странно, но во всем табуне только одно животное имело вполне развитые рога. Это означало, что здесь был только один взрослый самец, ибо самки красных антилоп безроги. Впрочем, "табун" не то слово - красные антилопы не стадные животные. Перед охотниками находилась одна семья в одиннадцать голов, состоявшая из самца, его подруг и нескольких молодых самцов и самок.

Юным охотникам приходилось слышать, что красная антилопа - животное пугливое и быстрое. Подкрасться к ним или нагнать их на скаку одинаково трудно. Следовательно, прежде всего надо было решить, как на них напасть, иначе из охоты могло ничего не выйти, а они уже с вожделием поглядывали на крепкие узловатые рога самца. Фургоны остановились, но буйволов распрягать не стали; если охота окажется удачной, тогда уж придется и заночевать, чтобы очистить шкуры, обеспечить сохранность голов и рогов. Начались приготовления к охоте.

Охотники находились на гребне высокого хребта - одного из горных отрогов, отделяющих долину, только что ими пересеченную, от той, где паслись антилопы. Отсюда открывался вид до самых дальних концов долины. От их взора оставалась скрытой лишь небольшая полоса земли под скалистым выступом, на котором они стояли.

Деревья и кусты окаймляли долину островками зелени. На самой же середине, где паслись антилопы, не было ни единого кустика или хотя бы бугорка. Но у края долины трава была довольно густой и высокой, и там умелый охотник смог бы проползти незамеченным антилопами от одной купы деревьев до другой.

Гендрику и Виллему было поручено обойти долину по краю, прячась в траве и зарослях; после этого антилопам некуда будет деться: спереди и сзади охотники, направо - отвесная круча, налево - глубокая, быстрая река. Трудно предположить, чтобы они туда побежали. Что ж, план неплохой!

Охотники привязали лошадей к деревьям подальше от склона и двинулись вдоль выступа, нависавшего над долиной. Они отошли совсем недалеко, когда кусок долины, до сих пор скрытый от них, внезапно открылся их взору, и там они, к своему изумлению, увидели другую группу животных.

Но это были отнюдь не антилопы, хотя цветом и походили на них. Нет, вид этих животных - короткие головы, удлиненные туловища, плотные, мощные лапы и длинные хвосты с кисточкой - сразу дал охотникам понять, что перед ними не стадо мирных жвачных, а кучка страшных хищников - львов!

Глава XLIII

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ОХОТНИКИ

Здесь была целая дюжина львов - взрослые самцы, самки и львята самого различного

возраста. Страшное зрелище, когда видишь его не сквозь прутья клетки и не из окон третьего этажа! Они свободно бродили по открытой равнине, на далеко не безопасном для охотников расстоянии в триста ярдов.

Стоит ли говорить, что юноши, порядком-таки напуганные, не двинулись ни шагу дальше. Они знали, правда, что львы, как правило, не бросаются первыми на человека, однако было еще неизвестно, как поведут они себя, когда их столько собралось вместе. Двенадцать львов сразу расправились бы с ними со всеми и с каждым в отдельности. Что ж удивляться испугу молодых охотников при виде такого множества львов, да еще в таком близком соседстве! Лишь крутизна горного склона, на котором они стояли, могла бы послужить им защитой. А впрочем, нет: достаточно нескольких прыжков - и львы очутятся рядом с ними.

Опомнившись от испуга и первого изумления, юноши могли думать только о том, что делать дальше. Антилопы, разумеется, совершенно вылетели у них из головы. Куда там думать об охоте! Спуститься в долину - значило самим лезть в пасть львам, которых было в два раза больше, чем охотников. Даже бывалые охотники постарались бы избежать такой встречи; одна только мысль владела ими: как бы поскорее унести отсюда ноги. Это даже не успело оформиться в мысль, это было просто безотчетное побуждение.

- Скорее к лошадям! - шепнули они друг другу.

И, не задержавшись ни на секунду, не проявив ко львам ни малейшего интереса, все шестеро дали тягу. Минуты две спустя они уже сидели в седлах.

Львы их не заметили. Выступ, вдоль которого двигались юноши, был покрыт подлеском высотой с человека, скрывавшим их от львов, а ветер дул с долины к ним, и львы не могли их учуять. К тому же юноши, опасаясь спугнуть антилоп, старались не шуметь. Вот почему львы так и не узнали об их присутствии. Сев на лошадей, охотники почувствовали себя в безопасности, и их минутное смятение вскоре улеглось. Даже пони, не говоря уже о лошадях, способны обогнать самого быстрого африканского льва. Теперь опасность миновала.

Однако двум заядлым охотникам, Гендрику и Виллему, было не по душе такое отступление. Им хотелось хотя бы одним глазком взглянуть еще раз на грозных хищников. Их так и тянуло вернуться на прежний наблюдательный пункт, правда теперь уже на лошадях. К этому склонялся и Ганс - ему было любопытно изучить живую страничку естественной истории, и Аренд, которого просто разбирало любопытство. Решив, что Яна и Клааса брать с собой рискованно, обоих подростков без особых церемоний спровадили к фургонам, оставленным в нижней долине у подошвы горы.

Медленно и молча двигались вперед четверо охотников, пока снова не открылся вид на долину.

Антилопы по-прежнему мирно паслись, и львы находились на том же месте, где охотники их впервые увидели. По спокойным движениям антилоп можно было с уверенностью сказать, что они не догадываются о присутствии грозных соседей. Львы находились в нижней половине долины, с подветренной стороны от антилоп, а густой кустарник скрывал львов от их взора.

И с такой же уверенностью можно было сказать, что хищники отлично знали, кто у них находится по соседству, - об этом свидетельствовало все их поведение: время от времени один из них подбегал, низко пригнувшись, к гряде кустарников и выглядывал сквозь ее просветы, стараясь разглядеть, что делается на открытой равнине; минутой спустя он возвращался к товарищам с "донесением", точно из разведки. Львы держались тесной кучкой и, казалось, совещались друг с другом. Юноши не сомневались, что так оно и было и что предметом их обсуждения являлись именно красные антилопы.

Но вот "совещание" пришло, как видно, к концу. Часть львов осталась на прежнем месте, другие направились к горному отрогу. Подойдя к зарослям, окаймлявшим долину, они поползли на брюхе в высокой траве, пробираясь украдкой от одного островка зелени к другому.

Все ясно: они направлялись к самому верхнему концу долины, чтобы выгнать оттуда антилоп навстречу своим товарищам, оставшимся внизу, - одним словом, львы в точности следовали стратегическому плану, который лишь несколько минут назад разработали охотники.

Юноши немало удивились этому совпадению и, сидя в седлах, не могли не восхищаться искусством, с каким новоявленные соперники выполняли их план.

Трое львов, что пробирались вдоль подножия горы, вскоре исчезли из виду. Их теперь скрывал от глаз кустарник, росший на дальнем конце долины. Тем временем остальные девять растянулись в цепь и залегли в густой траве, а некоторые - за кустами.

Антилопам готовилась неплохая ловушка. Но еще несколько минут ничто не выдавало этого. Львы, распластавшись в траве, украдкой следили за стадом; антилопы беспечно паслись, не подозревая о заговоре, замышляемом против них.

Но вот что-то, видимо, внушило им подозрение, они словно ощутили нависшую над ними угрозу: самец, подняв голову, огляделся кругом, издал свист, похожий на свист оленя, и раз, другой с силой топнул копытом о землю. Антилопы перестали щипать траву, некоторые из них высоко подпрыгнули.

Они, вероятно, учуяли львов, притаившихся на дальнем конце долины, - ветер дул к ним с той стороны.

Так оно и было. Старый самец снова предостерегающе свистнул, подпрыгнул на несколько футов и понесся, весь вытянувшись в струнку, словно летел в воздухе; остальные помчались следом, время от времени подскакивая высоко над землей.

Львы рассчитали правильно: антилопы бросились по долине грудью вперед, прямо на их цепь; ничто не предупредило их о засаде, даже ветер; они подбежали к гряде кустарника; девять огромных кошек разом выпрыгнули оттуда, и в одном стремительном броске почти каждая из них уложила на месте свою жертву. Удар могучей лапы - и несчастные антилопы распростерлись на земле, пришел конец их веселой беготне. Нападение было таким молниеносным, борьба такой короткой, что какие-нибудь две секунды спустя выскочившие из засады львы уже терзали своими когтями и зубами бездыханных антилоп.

Трем антилопам удалось спастись, и они побежали обратно, но там их ждала другая засада, и едва лишь они приблизились к зарослям, как тоже пали жертвами хищников.

Ни одному из великолепных животных, которые с минуту назад неслись по долине, горделиво уверенные в быстроте своих ног, не удалось прорваться сквозь хитро расставленную цепь.

Охотники, не двигаясь, глядели на страшное зрелище. Гендрику и Толстому Виллему не терпелось пробраться вперед и угостить одного - двух львов несколькими выстрелами. Но Ганс и слышать об этом не хотел. Он напомнил, что в часы, когда львы упиваются кровью только что растерзанной добычи, охотиться на них особенно опасно - они готовы беспощадно разделаться со всяким, кто отважится потревожить их; благоразумнее не дразнить этих грозных хищников и поскорее убраться восвояси.

Обоим охотникам ничего не оставалось, как скрепя сердце послушаться Ганса, к которому присоединился и Аренд. Все четверо повернули обратно к фургонам.

Там они обсудили, что им делать дальше. Заведомым риском было бы продолжать путь по этой небольшой долине, охраняемой такой стражей; оставалось только где-то поблизости найти брод и переправиться с фургонами через реку. Так они и поступили. На противоположном берегу они расположились на ночевку продолжать путь было уже поздно.

Да, они хорошо сделали, переправившись через реку. Всю ночь напролет грозный рев свирепых хищников доносился с того берега; очевидно, маленькая долина была настоящим львиным логовом.

Охотники рады были уйти подальше от таких соседей. Рано утром они запрягли буйволов и пустились дальше по берегу реки.

И на этом берегу их путь шел через ряд долин с разбросанными по ним перелесками. Чем дальше, тем чаще горные отроги подступали к самой реке, и в двух-трех местах охотникам стоило большого труда перевалить с фургонами через гребни гор. На одном особенно крутом подъеме буйволы вдруг заупрямились, отказались идти дальше, и ни ласками, ни угрозами нельзя было заставить их сдвинуться с места. Продолжать путь вдоль реки казалось уже невозможным...

Однако Конго знал способ заставить буйволов двигаться, и оба фургона в целостности и сохранности перевалились через гребень. Правда, Черныш и Конго здорово натрудили себе при этом глотку, понукая буйволов, а длинные их кнуты из газельих шкурок основательно пообтерлись.

Способ Конго был очень нехитрым: он шел впереди буйволов и обмазывал скалу вдоль пути их собственным пометом, внушая, таким образом, животным, что другие буйволы ходят здесь и что, следовательно, раз их сородичи только что одолели подъем, они тоже могут это сделать. Такой способ нередко применяют в Южной Африке трек-буры, когда крутой подъем пугает животных.

Долина, в которую они опустились после этого трудного перевала, была совсем небольшая - площадью около двух акров. Река здесь суживалась настолько, что ее можно было перейти вброд в любом месте. На одном конце долины горный отрог протянулся почти наперерез реке, но струи воды промыли в нем широкие протоки. Единственный путь отсюда лежал по руслу самой реки. К счастью, оно было почти сухим, иначе путь в этом направлении был бы отрезан. Но по такому неглубокому каменистому дну фургоны смогут проехать без труда, и юношам удастся достичь более широких равнин, простирающихся дальше. Охотникам показалось соблазнительным расположиться в этой долине на ночь. Здесь была густая, сочная трава для скота, и горы были одеты лесом, и вода в потоке была чистой и свежей, - словом, имелись налицо все три необходимых условия, для того чтобы путешественники могли расположиться лагерем.

Уголок этот казался очень живописным. Как уже говорилось, долина была совсем небольшая, площадью около двух акров, но очень правильной круглой формы. Ее пересекал неглубокий поток, а кругом возвышались на сотни футов отвесные горные склоны и, подобно каменным стенам, замыкали ее в своем объятии.

На лугу не видно было деревьев, зато на склонах гор они пышно раскинулись: одни стояли, склонив ветви, другие гордо вздымали свои кроны ввысь. Берега речки поросли редким и невысоким - ниже человеческого роста - кустарником вперемежку с тростником.

Фургоны остановили посередине этого природного амфитеатра. Лошадей и буйволов пустили пастись на воле. Опасаться, что они уйдут из долины, не приходилось хотя бы потому, что это было не так-то просто, особенно для животных, измученных таким длинным и тяжелым переходом. Но, главное, они и сами отсюда не пойдут: вода и трава здесь вкусные, лучше и желать нечего.

По обыкновению, Клаас и Ян, едва сойдя с лошадей, отправились на поиски гнезд. В этой уединенной долине они успели уже заметить немало занятных птиц и надеялись, что гнезда некоторых из них окажутся где-нибудь поблизости.

И действительно, среди камышей и кустарника обосновалась целая пернатая колония. Небольшие птички походили на воробышков, а гнезда у них были овальные, с маленьким круглым входом, внутри устланные пушистыми, похожими на шерсть волокнами каких-то растений, росших поблизости.

Подобные птицы часто попадались на глаза нашим охотникам, и они сразу признали их: это были птички из семейства птиц-ткачей. Видов этих птиц существует множество, и они заметно отличаются друг от друга размерами, окраской и повадками, но их роднит врожденное умение искусно вить гнезда, буквально-таки сплетая их. Отсюда и пошло меткое прозвище птиц. Гнезда у разных видов отличаются друг от друга: одни похожи на шары,

другие - на химическую реторту, третьи имеют овальную форму. Совсем особое гнездо у общественной птицы-ткача. Последние, собравшись стаей, строят одно большое гнездо, или "базар", обычно на макушке высокой акации, и оно напоминает стог сена, сложенный на ветвях дерева.

Маленькие ткачи, которых обнаружили Клаас и Ян, принадлежали к роду амадин; оба мальчугана очень обрадовались, наткнувшись на эти гнезда, потому что из их подстилки выходят отличные пыжи, не хуже, чем из пакли, и даже лучше, чем из мягкой бумаги. У обоих мальчиков пыжи были уже на исходе, и они решили пополнить запас, разорив хорошенькие гнездышки ткачей. Делать это из одного озорства Ганс не позволял, но пыжи были очень нужны для охоты, и мальчуганы не испытывали сейчас никаких угрызений совести.

Однако, для того чтобы вынуть мягкую подстилку, им пришлось буквально распутывать каждое гнездо, а это потребовало некоторого времени - вся наружная оплетка представляла собой замысловатое изделие, изящную корзиночку. Отверстие же было так мало, что мальчики не смогли просунуть туда руки. Да и найти его было не так-то просто. Ткачи, покидая гнездо, всегда тщательно маскируют отверстие. Нужное количество хлопка мальчики набрали в двух гнездах. Остальные они не тронули и, оставив их спокойно висеть на своих местах, вернулись на стоянку.

Но тут-их внимание привлекла другая птица, куда более редкая и занимательная, чем амадина. Почти такого же размера, она резко отличалась от нее цветом и оперением - кстати сказать, очень любопытным. Птица эта, завладевшая вниманием не одних только Клааса и Яна, но и всех остальных охотников, была величиной с канарейку, но казалась куда больше благодаря длинному - в несколько раз длиннее ее тельца - черному хвосту.

Головка, спинка и крылышки ее были темно-каштанового, почти черного цвета с отливом; шейку охватывало трехцветное оранжево-коричнево-красное ожерелье, которое на груди было чуть побледнее, а брюшко, лапки и бедра птицы были ржаво-золотистого цвета.

Одна такая птица с оранжевым воротничком и длинными хвостовыми перьями летала совсем недалеко от стоянки.

Мальчики заметили, что ее сопровождает другая птица, но окраска у той была тусклой ржаво-коричневой, а хвост самый обыкновенный; эта невзрачная птица была самкой своего нарядного спутника.

Юные охотники, впервые увидевшие эту занимательную птицу и не знавшие, к какой разновидности она принадлежит, засыпали Ганса вопросами. Ганс объяснил им, что это разновидность птиц-ткачей, известная натуралистам под названием "птица-вдова". Мальчиков удивило такое странное название, и они попросили Ганса рассказать о его происхождении. Гансу не составило труда удовлетворить их любопытство, - его объяснению позавидовал бы сам ученый Бриссон, окрестивший эту птицу.

- Бриссон назвал эту маленькую птичку вдовой, услышав, как называют ее португальцы, первыми обратившие на нее внимание, а французские натуралисты пытались разьяснить, что ее назвали так из-за ее черного цвета и длинного хвоста. А на самом деле ни окраска, ни длинные перья не сыграли никакой роли в прозвище птицы, которое образовалось просто из-за смещения разных, но одинаково звучащих слов. Португальцы окрестили ее "вида", потому что она была получена ими из западноафриканского королевства Вида, а это слово напоминает по-португальски слово "вдова".

Эта птица с веселым нравом и таким великолепным оперением - одна из самых любимых комнатных птиц; часто ее видишь в клетке, где она с большой живостью перепархивает с жердочки на жердочку, словно ничуть не тяготясь неволей. Кормом ей служат семена и некоторые травы; она очень любит плескаться в воде; линяет дважды в год; в известную пору самец теряет длинные хвостовые перья - свое основное отличие от самки, - его окраска бледнеет, и разница между супругами сглаживается; лишь в брачную пору самец передевается в оранжево-черный наряд и украшает себя элегантным хвостом.

Натуралистам известны два вида птицы-вдовы: райская птица-вдова, только что нами

описанная, и другая, прозванная красноклювой птицей-вдовой. Последняя меньше райской птицы-вдовы и отличается от нее расположением хвостовых перьев, клюв у нее темно-красный, что и дало повод так ее назвать; оперение птицы иссиня-черное сверху, вокруг шеи белый воротничок, покровные перья белые, нижняя часть оперения белесоватая.

Образ жизни обоих видов очень похож на образ жизни всех птиц-ткачей. Обитают они все в Западной Африке и на юг далеко не залетают.

Молодые охотники не меньше самого Ганса загорелись желанием приобрести шкурки столь редкостных птиц.

Загремели выстрелы, и обе "вдовушки" были безжалостно сбиты с дерева.

Глава XLV ВОЛОКЛЮЙ

Ганс с помощью своих спутников принялся осторожно снимать шкурку красивой птицы. Больше других ему помогал Аренд. У Аренда были очень искусные руки, и в мастерстве чучельника он не уступал самому Гансу. Правда, ему было совершенно безразлично, к какому семейству или виду относится птица, но дайте ему птицу в руки, и он снимет с нее шкурку и набьет ее ватой, не смяв ни единого перышка.

Занятые своей работой, юноши вдруг услышали звук, заставивший их вскочить на ноги. Ганс и Аренд от неожиданности даже выронили из рук шкурки райской вдовы.

Между тем звук, который произвел на них такое сильное впечатление, был всего лишь криком маленькой птички, величиною не больше всем известного певчего дрозда, да и кричала она похоже и ничуть не громче. И все же ее голос прозвучал над лагерем, как удар грома. Охотники и проводники хорошо знали, что означал этот крик. Гончие и те с воем вскочили на ноги, едва лишь он донесся до их слуха. В лагере поднялся переполох.

Ну, а вы, мои молодые читатели, наверно, удивляетесь, почему крик птицы, да еще такой безобидной, привел в ужас наших отважных охотников. Вам, конечно, любопытно узнать, что это была за птица?

Я сказал, что охотники, проводники и гончие были напуганы криком птицы, но это еще не все. Даже лошади и буйволы узнали этот крик, и на них он произвел столь же ошеломляющее впечатление: лошади вскинули морды, испуганно зафыркали и забили копытами; буйволы выказали такие же признаки тревоги. Словом, лошадям, буйволам, проводникам, охотникам - всем стало не по себе, когда этот крик прозвенел в горах и эхо его отдалось в долине. Все узнали предостерегающий крик волоклюя.

Следует коротко рассказать об этой птичке, чтобы, стало ясно, почему ее крик произвел такой переполох.

Размером волоклюй приблизительно со скворца. Окраска его сероватая, на хвосте чуть темнее, крылья короткие. Лапы его со скрюченными, тесно прижатыми друг к другу когтями как бы созданы для хватания. Но самое любопытное в птице - это ее клюв; он прямоугольный, нижняя его половина развита гораздо сильнее верхней, но обе утолщаются к концам, делая клюв похожим на щипцы или клещи. Назначение такого устройства выяснится, когда будет рассказано о повадках птицы. А они действительно любопытны, и орнитология справедливо относит эту птицу к особому роду.

Знаменитый французский орнитолог, притом настоящий исследователь-практик, Ле Вайян так описывает повадки птицы.

Клюв волоклюя устроен наподобие крепких щипцов, что помогает ему вытаскивать из кожи животных личинки, которые туда откладывает овод. Эта птица неутомимо ищет стада волов, буйволов, антилоп - словом, всех четвероногих, на кожу которых овод кладет яйца. Сжав когтями плотную волосатую шкуру животного в том месте, где на ней виден бугорок, указывающий на личинку, волоклюй сдавливая ее что есть силы, ударяет по этому месту клювом и успешно добывает личинку. Животные, привыкшие к такому бесцеремонному обращению, терпеливо все это сносят, должно быть понимая, какую услугу оказывает им

птица, избавляя их от подобных тунеядцев.

Существует множество других насекомоядных птиц, которые, как и волоклюй, кормятся преимущественно насекомыми, кишачими на телах крупных животных, как диких, так и домашних. В Америке это желтушник, или коровья овсянка, прозванная так за ее привычку кормиться паразитами домашнего скота; кроме того, она неотступно следует за огромными стадами бизонов, бродящих по бескрайним американским прериям. За стадами рогатого скота на южноамериканских равнинах следуют и другие виды желтушника.

Красноклювый ткач - спутник африканских буйволов. А всякий, кто наблюдал большой овечий гурт на пастбище, не мог не заметить обыкновенного скворца, восседающего на пушистых овечьих спинах. Таков же обычай белогорлой вороны и других видов вороньих и скворцовых птиц; однако, в отличие от белогорлой вороны, последние довольствуются теми насекомыми, которые находятся на поверхности шкуры животного или ютятся в его шерсти, - ни одна из этих птиц не наделена достаточно сильным клювом, чтобы вытащить личинки, угнездившиеся в складках кожи. А для волоклюя это не представляет ни малейшего труда. Он, правда, может кормиться клещами и другими насекомыми, находящимися наверху, но предпочитает им личинок, расположенных под кожей.

Волоклюев можно часто видеть штук по шести - восьми сразу, но они никогда не собираются крупными стаями. Это дикие, очень пугливые птицы, и к ним трудно подойти на выстрел.

Только пустившись на хитрость, а именно - подкрадываясь позади быка или буйвола и осторожно направляя его к тем животным, на чьих спинах сидят эти птицы, охотнику удастся приблизиться к ним и, наскоро прицелившись, подстрелить их на лету.

Таковы повадки волоклюя. Однако все это еще не объясняет, почему крик одной из этих птиц привел лагерь в смятение и ужас. Остается рассказать, в чем тут дело.

Среди животных, сопровождаемых волоклюями, есть одно, при котором они состоят как бы постоянными провожатыми. Это носорог. Носорог - жертва многих насекомых-паразитов. На его огромном теле в глубоких многочисленных складках кожи им очень удобно откладывать яйца, и волоклюй находят здесь неистощимый запас пищи. Потому-то они и являются постоянными спутниками всех видов южноафриканских носорогов и известны среди охотников под наименованием "носорожьих птицы". Куда бы ни пошел носорог, волоклюй не покидает его, восседая на его голове, спине или другой части тела так уверенно, точно это ствол дерева или родное гнездо. Да носорог и не пытается отогнать прочь этих птиц, полезных ему во многих отношениях. Мало того, что они избавляют его от докучных насекомых, охраняя тем самым его покой, - они оказывают ему и другую важную услугу: оповещают его о приближении охотника и вообще о близкой опасности. Стоит лишь птице учуять что-нибудь неладное, как носорог, который в эту минуту, может быть, даже спал, уже поднят на ноги ее резким криком. А не подействует крик бдительный страж примется махать крыльями над его головой и клевать его в уши и не отвяжется, пока ему не удастся предупредить животное об опасности. Подобным же образом ведут себя волоклюй, сопровождая слонов и гиппопотамов. Обмануть бдительность маленьких крылатых часовых нелегко, и поэтому охотник сталкивается с дополнительными трудностями.

Теперь, когда вы узнали об этой давно известной всем в лагере любопытной особенности волоклюя, вам должно стать ясно, почему его крик вызвал такой переполох: присутствие птицы оповещало о том, что неподалеку находится грозный носорог.

Глава XLVI НАПАДЕНИЕ НОСОРОГОВ

Охотники, все как один, разом повернулись в ту сторону, откуда донесся птичий крик. Как и следовало ожидать, они увидели двух носорогов - самых больших, какие только существуют на свете. Это были носороги одного из двух белых видов - мучочо, как его называют местные жители. Они шли прямо вдоль русла реки, ступая по мелкой воде.

Белые носороги гораздо медлительнее своих черных родичей и не столь воинственного нрава. Впрочем, когда при них находится детеныш или когда они ранены, нрав их резко меняется. Тут уж лютость их породы дает о себе знать! И не один местный охотник пал жертвой как мучочо, так и кобаоба.

Белые носороги славятся своим мясом, напоминающим по вкусу свежую свинину, тогда как мясо их черных родичей неприятно - оно жестко и горьковато.

Вот почему охотники при виде мучочо сразу забыли о своих страхах; они думали только о том, что у этого сравнительно мирного животного очень нежное мясо, и, схватившись за ружья, начали спешно готовиться к тому, чтобы достойно встретить пожаловавших к ним толстокожих. Будь перед ними один из черных видов - кейтлоа или бореле, - они, разумеется, думали бы не об охоте, а только о том, как бы поскорее вскочить на лошадей или спрятаться в фургонах.

Тем временем мучочо, выйдя из реки, ступили на изумрудную мураву долины. Теперь, когда их можно было видеть целиком, они казались какими-то громадами. Самый большой из них был не меньше самки слона - от края тупой морды до кисточки на конце короткого хвоста в нем было верных шестнадцать футов.

Приближаясь к ним, охотники вдруг обнаружили с изумлением третьего носорога. Этот третий, ростом не больше свиньи, был, однако, точной копией двух первых, только у него на носу не было рога. Как ни был он мал, в нем сразу можно было признать детеныша, или теленка, двух первых - его папы и мамы.

Его присутствие привело охотников в полный восторг: мясо детеныша белых носорогов еще нежнее мяса взрослых. Все, в особенности же Черныш и Конго, уже заранее смаковали лакомое блюдо.

Но они упустили из виду, насколько опасно схватываться с белыми носорогами в присутствии их детеныша. У наших охотников так разгорелись страсти, что это как-то вылетело у них из головы. У одного лишь благоразумного Ганса возникли кое-какие опасения, но, зараженный азартом товарищей, он решил промолчать. Через несколько секунд гром выстрелов раскатился над маленькой долиной; и одновременно град пуль - пуль всех размеров, начиная с большой, в унцию весом, пули из громобоя и кончая маленькой горошинкой из ружей Клааса и Яна, - ударил по носорогам.

Это оказало совершенно неожиданное действие: носороги, шедшие до этого медленной, размеренной поступью, бросились быстрым галопом прямо на охотников. Все в них выдавало предельную ярость. Они хрюкали и пыхтели на бегу подобно морским свинкам; глазки их злобно поблескивали, короткие хвостики хлестали по бокам, рога были выставлены вперед. Следом в атаку бежал и теленок, подражая хрюканью и движениям своих грузных родителей.

Ничего подобного охотники не ожидали; бореле или кейтлоа, разумеется, так бы и поступили, но для мучочо, настолько безобидного, что его даже считают трусливым и глупым, такое поведение было необычным: мучочо удирает, услышав выстрел или даже собачий лай. Охотники ошиблись, полагая, что, если им не удастся сразу свалить носорогов, те обратятся в бегство. Они не учли присутствия детеныша. Именно это и определило поведение носорогов. Вдобавок пули, не причинившие большого вреда, но болезненно ранившие животных, еще больше разгорячили их. Дело принимало дурной оборот.

Охотники не остались стоять на месте, дожидаясь грозных противников. Их разряженные ружья уже не могли им служить защитой, и они сочли за лучшее дать тягу. Ни один набедокуривший мальчишка не улепетывал проворнее от школьного надзирателя, чем эти шестеро охотников, устремившихся к лагерю. Даже полы их курток поднимались над спиной, пока они, низко пригнувшись, стремглав мчались по луку.

Коротенький, плотный Черныш и длинный сухопарый Конго, первыми пошедшие в атаку, оказались первыми и при отступлении.

Все восемь охотников бежали наперегонки так, что только пятки сверкали. Такого беспорядочного бегства никогда еще не видела эта мирная, уединенная долина.

Глава XLVII ВЕРХОМ НА НОСОРОГЕ

К счастью, перед тем как открыть огонь, охотники успели отойти лишь на несколько шагов от фургонов и теперь, пробежав это небольшое расстояние, поспешили укрыться в своих вместительных повозках. Но если бы им пришлось пробежать еще хоть двадцать ярдов, то, несомненно, не одного, а многих из них носороги подняли бы на рога или растоптали тяжелыми копытами.

Охотникам только чудом удалось спастись; и едва лишь последний из беглецов успел скрыться в фургоне, как рога носорога забарабанили по доскам.

Охотники спрятались в фургоны - единственное доступное для них убежище, но отнюдь не чувствовали себя там в безопасности: они знали, что, как ни крепки фургоны, могучие звери, если только им взбредет это в голову, смогут разнести их в щепки. К своему ужасу, они увидели, что старый самец, низко наклонив голову, ринулся на один из фургонов, в котором кое-кто из них прятался.

Удар потряс фургон до самого основания; рог животного расколол обшивку сверху донизу, деревянный борт фургона рассыпался. Огромная повозка была приподнята с земли и отброшена на несколько футов в сторону. У находившихся в фургоне вырвался крик ужаса, перешедший в вопль, когда они увидели, что толстокожие вторично двинулись в атаку.

Но верные гончие отвлекли в эту критическую минуту носорогов от фургонов и спасли жизнь своим хозяевам. Едва лишь старый самец вторично нацелился рогом на повозку, как сзади на него наскочила свора собак. Две гончие вцепились ему в задние ноги, а третья, высоко подпрыгнув, ухватила зубами за его хвост. А ведь хвост - самая чувствительная часть тела у носорога.

Неожиданное и ловкое нападение привело носорога в замешательство. Взвыв от бешенства и боли, грузный зверь завертелся на месте с такой быстротой, на какую только был способен. Преданная собака не разжимала зубов, а две другие продолжали кусать носорога за бока. Тщетно пытаясь схватить собак, зверь кружил и кружил на месте. Он напоминал теперь котенка, ловящего свой хвост, если, конечно, можно сравнить такое крохотное животное с таким громадным.

Так продолжалось несколько минут, пока носорогу не удалось наконец сбросить с себя собак. Одну из них он тут же растоптал своими тяжелыми копытами, другую подняла на рог самка. Но благородные друзья человека сделали свое дело: они увели за это время носорогов на другой конец долины, далеко от фургонов.

Теперь можно было надеяться, что животные не возобновят нападения, разве что собаки погонят их в обратную сторону.

Сами по себе белые носороги, то ли по забывчивости, то ли из-за плохого зрения, редко снова нападают на противника, от которого успели отойти.

Однако нашим охотникам пришлось еще поволноваться, правда, уже не за себя, а за лошадей.

Выше уже говорилось, что их не стреножили и пустили пастись вместе с буйволами; как только показались мучочо, буйволы сразу двинулись назад по отлогому скату долины и под предводительством опытного, сметливого вожака старой тропой ушли в горы. Лошади повели себя совсем иначе: сначала они заплясали у фургонов, но, как только мучочо ступили на луг, кинулись прочь, перепрыгнули через узкую речку и, прижавшись к скалам на противоположном берегу, замерли в страхе, следя за разыгравшимся сражением. Носороги и собаки, перемещаясь с места на место во время схватки, вскоре подошли совсем близко к скалам, где стояли лошади. Те снова заметались.

Носороги заметили лошадей и, очевидно, сочтя их противниками более достойными, чем собаки, немедленно кинулись на них. В течение нескольких минут маленькая долина буквально кипела. Лошади металась во все стороны, носороги насакивали на них. По всей

долине слышалось яростное пыхтение и испуганное фыркание.

К счастью, долина была невелика, что облегчало стрельбу. Стоило носорогам хоть на миг остановиться - тотчас гремел выстрел, сопровождаемый глухим звуком от вонзавшейся в тучное тело пули. Неверно думать, будто свинцовая пуля не может пробить шкуру носорога. При всей своей толщине шкура носорога сравнительно мягка. Ее может пробить не только пуля, но и дротик, нужна только сноровка. Настоящие охотники, Гендрик и Виллем метили меж лопаток в сердце и легкие, - чтобы убить носорога наповал. Так же губительно и попадание в мозг, но это требует исключительной верности прицела: мозг носорога необычайно мал для такого огромного зверя. Поэтому лучше всего целиться меж лопаток.

Так и поступали Гендрик и Виллем; в конце концов и крупные пули громобоя, и маленькие, но лучше нацеленные пули карабина Гендрика сделали свое дело, и оба мучочо свалились замертво. Подстрелили и теленка - он даже не пытался убежать после того, как его родители рухнули наземь. Он стоял у тела матери и помахивал хвостиком, недоумевая, что, собственно, означает вся эта суматоха.

И тут в заключение разыгралась такая уморительная сценка, что наши охотники буквально корчились от смеха. Правда, в ту минуту, когда все это произошло, они испытывали скорее ужас, но зато что было потом!

А случилось вот что.

Подстреленный носорог не падает на бок, как большинство животных, а, подобно американскому бизону, медленно опускается на грудь, сохраняя это положение и после смерти.

Мучочо, подстреленные Гендриком и Виллемом, не составили исключения: они лежали вниз животом, массивными, широкими спинами вверх, неподалеку от лагеря.

Между тем среди бушменов распространен обычай: вскочив на спину только что подстреленного носорога, вонзить дротик в его тело, чтобы определить толщину жирового слоя - иначе говоря, ценность животного.

И вот, едва лишь убитый самец осел наземь, как Черныш, не сомневаясь, что опасность уже миновала, выпрыгнул из фургона, подбежал к животному и взобрался ему на спину. Испутив громкий, торжествующий крик, он всадил ассегаи в тушу мучочо на добрый фут, а то и глубже.

И вдруг носорог, в котором еще теплилась жизнь, поднялся на ноги и с Чернышем на спине зашагал по лугу!

Победный крик Черныша мгновенно замер, и вопли совсем другого рода огласили долину. А носорог, в котором жестокая боль от вонзенного в тело дротика, очевидно, пробудила остатки жизненных сил, кружил и кружил по долине, словно оправившись от ран.

Черныш, чтобы иметь точку опоры, изо всех сил ухватился за дротик, глубоко сидевший в теле носорога. Он не спрыгнул наземь из боязни, что носорог способен еще нанести ему страшный удар своим рогом.

Трудно сказать, как удалось бы спастись Чернышу, если бы силы не оставили мучочо. Могучее животное наконец сдало и рухнуло наземь, а Черныш кувырком полетел через его голову и растянулся на земле в нескольких ярдах от животного. Тут он живо вскочил и, не чуя под собой ног, помчался к фургонам, где его встретили взрывом смеха.

Буйволов вскоре разыскали и привели обратно. Мясо теленка было вкусно приготовлено, и охотники в этот вечер наслаждались ужином из носорожины.

Глава XLVIII

ЯН И КОРХАНЫ

Для следующего привала охотники выбрали живописную долину, похожую на ту, в которой они увидели кучку львов, но более обширную и покрытую ковром ярких цветов.

Этот прелестный уголок обступили горы, как бы ограждая его от знойных суховея пустыни. По самой его середине серебристой змеей извивалась речка; тут и там по затонам,

где течение было не быстрым, покоились восковидные листья и цветы голубой южноафриканской лилии. Множество обычных для здешней страны деревьев и растений ласкало взгляд своими линиями и красками. На берегах реки охотники увидели поникшие ветви халдейской ивы, а у подножия горы - великолепную акацию с зонтиковидной макушкой и гроздьями золотых цветов, наполнявших воздух ароматом; они увидели восковник, кусты которого были покрыты гроздьями белых, словно восковых, плодов, и благоухающий бусовый куст, из чьих пахучих корней вырезают бусы, которые так нравятся местным красоткам; залюбовались они и медовым кустом, одним из самых красивых растений, усыпанным чашами белых и ярко-розовых цветов; росли здесь и огненно-красные пеларгонии, и ноготки, и звездообразные капские жасмины, - словом, роскошный сад раскинулся в девственной глуши, радуя взгляд и благоухая. Лилось пение многочисленных птиц, и яркие их крылья сверкали среди ветвей; кругом гудели мириады хлопотливых пчел, перелетавших с цветка на цветок.

Был еще не поздний час, когда наш отряд попал в этот прелестный уголок, но он так всем понравился, что было решено остановиться здесь на ночлег раньше обычного.

Облюбовав тенистую олеандровую рощу, раскинувшуюся у берега наподобие наших ив, они вошли в ее сень и разбили лагерь.

Утомленные трудным переходом - им пришлось помогать буйволам одолеть скалистые кручи, - юноши прилегли отдохнуть в прохладе; они вскоре задремали, убаюканные нежным щебетом птиц, жужжанием диких пчел и шумом воды, бурлившей где-то ниже на порогах.

Остались бодрствовать только Клаас и Ян: они не подталкивали своими плечами колеса фургонов и устали не больше обычного, да к тому же они все равно не сомкнули бы здесь глаз: на лугу, неподалеку от привала, видна была пара очень занимательных птиц, которые то и дело высовывали из травы свои черные хохолки и издавали крик, напоминавший карканье вороны.

Размером птицы были невелики - с обычную курицу, - но мальчики знали, что они славятся своим мясом, а это делало их заманчивой дичью, особенно сейчас. Во внешности этих красивых птиц было нечто напоминавшее величавых дроф, да они, собственно говоря, и принадлежали к виду, составляющему связующее звено между дрофами и тетеревами. В Южной Африке их называют "корханы", а в Индии "флориканы".

Но Яна и Клааса сейчас интересовало не это. Особенно Яна. Ему был известен своеобразный способ ловли этих птиц, и ему захотелось во что бы то ни стало показать его сопернику-птицелову. С того самого дня, как Клаас покрыл себя славой, подстрелив антилопу-серну, Ян только и ждал благоприятного случая совершить равный подвиг, но ему долго ничего не попадалось. Теперь эти птички - а они были давними знакомыми Яна - давали ему долгожданную возможность отличиться. Теперь-то он покажет Клаасу, как ловить этих птиц, покажет, будьте покойны, рассуждал Ян сам с собой.

Действительно, вскоре он торжествовал победу, и вот как она ему досталась.

Он начал с того, что выдернул из хвоста своего пони несколько длинных волос и сплел из них силки внушительных размеров. Затем взял у Черныша кнут вернее, рукоять кнута. Здесь следует напомнить, что Яна и Черныша связывала многолетняя крепкая дружба, и, разумеется, не кто иной, как Черныш, и научил Яна ловить корханов; следует напомнить и о том, что рукоять кнута у Черныша была не совсем обычной - это была бамбуковая палка восемнадцати футов в длину, более походившая на рыболовную удочку.

На место ремня, который Черныш снял по просьбе мальчика, Ян прикрепил свой силки и, сев на пони, поехал по направлению к долине.

На лице Клааса, наблюдавшего за всеми приготовлениями соперника, было написано полное недоумение, что не ускользнуло от Яна и доставило ему большое удовольствие.

Да, хотя Клаас и не проронил ни слова, но видно было: ему невдомек, что собирается делать Ян.

Подъедет ли Ян прямо к птицам и постарается накрыть их силком? Но они не подпустят его так близко: они, по-видимому, довольно пугливы. Клаас и сам уже пытался

подойти к ним на выстрел, но из этого ничего не получилось. Нет, тут кроется что-то другое, корханы так легко в руки не даются.

А Ян помалкивал и ехал вперед. Только покидая привал, он мельком бросил на Клааса задорный взгляд.

Когда между Яном и птицами осталось около сотни ярдов и Клаас уже ждал, что вот-вот сторожкие птицы, как обычно, взлетят в воздух, Ян изменил направление и начал объезжать птиц по спирали, каждый поворот которой приближал его к дичи.

- Эге! - пробормотал Клаас. - Теперь-то мне ясно, куда он клонит.

Больше он ничего не добавил, но с удвоенным любопытством продолжал наблюдать за пони Яна. А тот все кружил и кружил, словно лошадь с завязанными глазами на мельнице с конным приводом.

Однако Ян делал все это очень осмысленно и зорким глазом птицелова следил за каждым движением корханов.

Они тоже следили за ним, поворачивая головки то вправо, то влево; и глупые птицы словно забыли, что крылья и ноги могут их выручить.

Дело кончилось тем, что они подпустили к себе Яна так близко, что он смог достать одну из птиц концом своей палки и накрыть ее силком.

Мгновение - и птица затрепыхала крыльями на конце бамбуковой палки; Ян, не сходя с лошади, протащил птицу до лагеря и там показал ее сопернику с таким торжествующим видом, что Клаас почувствовал себя побежденным.

Глава XLIX

ТОЛСТЫЙ ВИЛЛЕМ И ПИТОН

Толстый Виллем первым очнулся от дремоты. Солнце заходило, до темноты оставалось часа два. Вдалеке на равнине маячила красноватая точка, - по всей вероятности, какое-нибудь животное. Наш охотник вскинул на плечо свой громобой и направился к этой точке. С ним шла его любимая собака - хорошо натасканная гончая, сопровождавшая его даже тогда, когда ему приходилось подползать к дичи.

Замеченное Виллемом красноватое пятнышко находилось у подножия горной гряды, замыкавшей долину. Неподалеку оттуда виднелись купы деревьев, и охотник прикинул на глаз, сподручно ли будет стрелять из этого укрытия по животному, кем бы оно ни оказалось. Подойдя достаточно близко, Виллем смог наконец толком разглядеть, что это такое.

Это было небольшое животное, размером с антилопу-скакуна, но совсем другого цвета: шерсть на спине была темно-красная, а на животе белая; мордочка животного до самого темени была черная. Это маленькое создание было выше в крупе, чем в загривке, и почти бесхвостое. Хвостик длиной в дюйм напоминал какой-то обрубок.

Виллем понял, что перед ним оленьк. С этими животными он был уже знаком они встречались и в Капской колонии. Там они обитают на возвышенностях, поросших кустарником. Приблизиться к оленьку, стоявшему невдалеке от олеандровой поросли, оказалось совсем не трудно. Он был не из пугливых.

Этот маленький самец находился в одиночестве; чаще всего оленьков встречают поодиночке, реже парой.

Очувтившись на расстоянии выстрела, Виллем поднял было ружье, да так и замер, заинтригованный странным поведением маленького животного: оно не щипало травы и беспокойно топталось все на одном и том же месте у самого края олеандровой кущи.

Оленьк непонятно почему то отбегал направо, то налево, то подвигался зигзагами, пятился и опять устремлялся вперед, не отводя ярко сверкавших глаз от одной точки; заметно было, что животное находится в состоянии крайнего возбуждения.

Виллем с любопытством огляделся вокруг. Чем могло объясняться такое странное поведение животного? Казалось, что-то, скрывавшееся среди олеандров, привлекло его внимание. Проследив за направлением взгляда оленька, охотник и сам увидел какой-то

предмет, но в течение нескольких минут не мог понять, что это такое. У самых корней олеандра лежал глянцевитый, мясистый, бесформенный и совершенно неподвижный клубок. Только постепенно разглядел в нем Виллем плотные, мягкие и волнистые очертания тела, покоившегося как неживое. Это была змея!

Да, это была змея, гигантская змея, свернувшаяся спиралью и занимавшая пространство в несколько квадратных футов; в обхват тело этой змеи было толще бедра взрослого человека; голова ее покоилась на вершине свившегося клубка. Скользя взглядом вдоль ее глянцевитого, пятнистого тела, Виллем заметил, что хвост змеи двумя тугими кольцами обвился вокруг ствола олеандрового дерева. Змея принадлежала к семейству удавов; это был один из видов питона - питон южноафриканский.

Этих змей Виллем знал под их ходячим прозвищем "каменные змеи". Так называют питонов потому, что водятся они преимущественно среди скал и каменистых россыпей. Их следовало бы называть "каменные питоны", определяя их место в ряду американских родичей - анаконды и "водяного удава", и настоящего удава - обитателя лесов. Последнему подошло бы название "древесный удав".

Хотя удавы и питоны облюбовали для себя разные жилища, повадки их очень схожи: подстерегая добычу, и те и другие терпеливо лежат в каком-нибудь укромном месте, дожидаясь случая схватить ее своими цепкими зубами, задушить в кольцах и проглотить. Случается, что жертва бывает крупнее самой змеи, но проглотить ее змеи помогают эластичные мышцы пасти и обильная вязкая слюна ее желез.

Когда Виллем только заметил гигантского питона, голова змеи неподвижно покоилась на свернутых кольцах. Но вот гадина приподняла голову и вся вытянулась на несколько футов вверх; голова ее и верхняя часть тела стали плавно, пружинисто раскачиваться в воздухе. В широко разинутой пасти были отчетливо видны острые, подвижные зубы. Раздвоенный язычок временами высовывался изо рта и влажно блеснул на солнце. Глаза гадины горели ярким огнем.

Это было жуткое зрелище! Но оленек совсем не казался испуганным; напротив, он подходил все ближе и ближе - то ли из любопытства, то ли зачарованный взглядом змеи. Многие смеются над утверждением, будто змеи способны зачаровывать. Верим мы этому или нет, отрицать факт не приходится. Что бы там ни было - любопытство ли, страх ли, или зачарованность, - но что-то бесспорно заставляет птиц и животных подходить чуть ли не вплотную к разинутой и готовой их проглотить пасти змеи или крокодила. Это совершенно бесспорно и подкреплено словами многих заслуживающих доверия наблюдателей.

Виллему довелось стать свидетелем этого необычайного явления. Когда между приближавшимся оленьком и питоном осталось каких-нибудь шесть - восемь футов, змея с молниеносной быстротой выбросила вперед голову, и не успел оленек, который вдруг словно опомнился, отскочить, как гадина схватила его в пасть и потащила к дереву.

Судорожно и быстро обвились ее кольца вокруг жертвы, и, когда Виллем снова взглянул туда, красноватое тельце оленька почти совсем исчезло под плотными кольцами пятнистого питона, душившего его насмерть в своем страшном объятии.

Глава I

ВЕЛИКАЯ БИТВА ВИЛЛЕМА СО ЗМЕЕЙ

Как ни странно, теперь Виллем глядел на гигантскую змею почти с удовольствием, пожалуй даже с большим, чем на самую красивую антилопу. Объяснялось это тем, что один из его друзей, молодой врач в Граф-Рейнете, увлекавшийся герпетологией⁴, просил его добыть и привезти из экспедиции шкурки всяких редкостных змей, в особенности же интересовала его гигантская каменная змея, совсем не встречающаяся в колонии, даже на самом ее юге - у Оранжевой реки.

И вот теперь Виллему представился долгожданный случай добыть шкуру.

Убить двадцатифутовую змею толщиной в половину человеческого туловища - это не

пустяк. Тут-то он превзойдет Гендрика!

Оленек вмиг был забыт, и змея завладела всеми помыслами охотника. Однако в охоте на змей Виллему не хватало сноровки. Не зная, как подступить к непривычному противнику, Виллем решил попросту всадить в него пулю. Он поднял громобой, нацелился в самую толстую часть змеиного тела и выстрелил.

Пуля попала в цель. Змея тотчас развила кольца и, бросив свою бездыханную жертву - теперь всего лишь мешок с изломанными костями, - быстро поползла прочь: пуля, как видно, не причинила ей особого вреда.

Охотник собрался было перезарядить ружье, но заметил, что питон скользит по направлению к каменной россыпи, нагроможденной у подножия горы; там, разумеется, находилось его убежище. Если только питон доползет туда, он для Виллема пропал. Терять время не приходилось, и Виллем, так и не перезарядив ружья, пустился вслед за уползающей змеей.

Как ни быстро скользят змеи, соперничать с человеком они не могут. Через несколько секунд Виллем догнал питона.

Теперь добыча была под рукой, но как взять ее? Прикладом ружья охотник стал наносить питону удар за ударом; но, хотя он и колотил что было силы, окованный металлом приклад скользил по гладкой коже питона, не причиняя тому ни боли, ни вреда и не замедляя его движения.

Питон не пытался отплатить противнику той же монетой; он, по-видимому, хотел только одного - поскорее добраться до своего жилища.

В этом он почти преуспел: невзирая на удары, один за другим сыпавшиеся на его тело, он достиг камней и наполовину залез в трещину, служившую, очевидно, входом в его убежище, раньше, чем охотник сообразил, как этому помешать.

Это был критический момент: еще секунда - и длинное тело все целиком уползет внутрь. Тогда прощай добыча! Что скажет он своему другу врачу, и Гендрику, и всем остальным спутникам?

Эти мысли ободрили Виллема. Им овладела твердая решимость добиться своего. Питон - не ядовитая змея, следовательно, столкновение с ним не так уж опасно; он, может статься, искушает его, но молодому охотнику приходилось иметь дело с кусающимися животными и выходить победителем. Теперь он попробует свои силы на змее.

Такие размышления вихрем пронеслись в его голове. Затем он отложил ружье, нагнулся, схватил змею за хвост обеими руками и принялся тянуть ее к себе.

Энергичным рывком Виллему удалось извлечь питона на несколько футов обратно из трещины, но затем, к его изумлению, змея стала сопротивляться, и, как ни был силен охотник, он ничего не мог с ней поделать. Питону, должно быть, удалось обвиться вокруг какого-нибудь выступа и благодаря своей чешуе крепко держаться за него.

Виллем напрягал все свои мускулы.

Матрос в штормовую погоду не мог бы тянуть с большей натугой главный брас. Но все было безуспешно - вытащить дальше змею ему не удавалось ни на фут, и другая ее половина так и оставалась скрытой в темном тайнике скалы.

А всякий раз, как Виллем хоть немного ослаблял хватку, питону удавалось залезть еще глубже в трещину, и отвоєванное он уже не отдавал назад. Если Виллем уступал дюйм, ему приходилось затем бороться за целых сорок пять. Все преимущества были на стороне питона - он двигался по чешуе, а Виллем тянул против чешуи.

Виллем был уверен, что питону не вырваться у него из рук. Но какой в этом прок? С питоном от этого ничего не станет, а разожми он руки хоть на миг, и тотчас на его глазах кончик хвоста скроется в трещине. Нет, разжимать руки было нельзя, и охотник решил, за неимением лучшей возможности, хотя бы испытать терпение противника. Может быть, питон не выдержит в конце концов такого "растягивания" и сдастся?

Если бы в эту минуту возле него находился кто-нибудь из друзей и обрушил на питона несколько сильных ударов, все было бы в порядке; но лагерь находился отсюда довольно

далеко и к тому же был скрыт за деревьями. Товарищи не могли ни видеть, ни слышать Виллема.

Довольно долго простоял охотник в таком положении, ни на что не решаясь, но затем его осенила блестящая мысль.

Почти за самой его спиной росло небольшое дерево. Виллем сообразил, что, прикрепив он хвост питона к стволу, он освободит себе руки и, сломав молодое деревце, сможет колотить им змею в свое полное удовольствие.

Виллем был находчив, и у него мгновенно созрел план действий. Ему посчастливилось обнаружить крепкую веревку во вместительном кармане своей куртки. Только бы удалось обвязать ею хвост змеи! На это он не пожалел сил: оседлав змею и зажав ее меж колен, он сделал петлю, накинул ее змее на хвост, а другой конец веревки быстро привязал к стволу. Половина дела была сделана!

Юноша сломал молодое деревце, с помощью которого ему не составило бы труда сделать из питона отбивную котлету, если тот не предпочтет высунуть голову.

Он не нанес еще третьего удара, когда змея предпочла последнее. Неожиданно для Виллема длинный жгут заскользил в обратную сторону, и не успел юноша опомниться, как его уже обвили кольца взбешенного пресмыкающегося. Нападение было столь стремительным, что Виллем почти не отдавал себе отчета, как все это произошло: голова змеи с разинутой пастью мотнулась к его лицу; он шарахнулся в сторону, но тут же ощутил на ногах прикосновение холодного чешуйчатого тела, толкнувшего его к дереву; в следующую секунду он оказался вплотную притянутым к стволу. Едва лишь юноша успел заметить, что кольца питона обвились вокруг его тела и вокруг ствола, едва лишь сообразил, что они сжимаются все туже и туже, как голова змеи с оскаленной пастью, из которой торчали страшные зубы, поднялась к его лицу, и глаза чудовища сверкнули ему в самые глаза.

Зрелище было страшное, и положение Виллема было почти безнадежным. Однако он был юношей не робкого десятка. Он не струсил, не потерял голову, да и руки его оставались свободными, и он схватил гада за горло. Все, что он мог сделать, - это сжимать шею питона со всей силой отчаяния; хорошо еще, что хвост змеи был привязан к дереву, и, таким образом, она оказалась схваченной с обоих концов. Будь голова или хвост у нее свободны, она могла бы сворачивать свои кольца, и спустя несколько секунд от Виллема осталась бы расплюснутая лепешка, как от несчастного оленька. Но теперь, когда ее шею крепко стискивали руки охотника, а хвост был привязан, она не могла сжать тело юноши с достаточной силой. Она крутила головой, извивалась всем телом, передвигала кольца, но все напрасно: прикончить свою жертву ей не удавалось.

Исход страшной схватки зависел от выносливости противников. Ноги Виллема были прижаты к дереву жгутом змеи, руками он тоже не мог действовать отпустить голову питона хоть на мгновение было бы подобно смерти. Но и питону освободиться было не легче. Кто же выйдет победителем?

Очевидно, питон; правда, высвободиться ему не удастся, но ведь и Виллему, как бы ни стискивал он горло питона, не задушить его, да к тому же и руки его скоро ослабеют. Он поплатился бы жизнью, если бы не решился на отчаянное средство.

За все это время он еще ни разу не пустил в ход свой нож. В разгаре рукопашной схватки он просто забыл о нем, а потом ему показалось, что с таким страшным противником от ножа мало будет пользы, но, к счастью для него, нож находился за поясом; хотя змеиные кольца в два - три обхвата обвивали его грудь. Виллем видел ножны и рукоятку; быстрым движением он выхватил нож.

В то же мгновение змее удалось выдернуть голову; но еще не успела она сжать кольца, как юноша предупредил ее и лезвием ножа, по счастью острым как бритва, перерезал ее тело чуть не надвое. Он наносил питону рану за раной и наконец с невыразимым облегчением увидел, как спиральные кольца, грозившие задушить его, разжались и грузно упали к его ногам.

Еще несколько секунд - и питон был мертв; поле битвы осталось за отважным охотником, но торжество победителя омрачалось сожалением об испорченной шкуре каменного питона.

Глава LI МЕДОУКАЗЧИК И МЕДОЕД

Столкновение Виллема со змеей было признано молодыми охотниками самым замечательным приключением, случившимся за все время экспедиции, - более замечательным даже, чем встреча Гендрика с носорогом, и воспоминания о нем долго еще давали пищу их лагерным беседам.

Всем участникам экспедиции посчастливилось совершить какой-нибудь выдающийся охотничий подвиг или хотя бы пережить необычайное приключение, всем, кроме Аренда. Нельзя сказать, чтобы Аренд уступал другим в отваге или ловкости; однако особого желания искать охотничьих приключений у него не было, да и случая не подвертывалось. Правда, в одно приключение он все-таки угодил - именно "угодил": вместе с лошадью он попал в капкан, установленный туземцами для ловли слонов; к счастью, острый клин, находящийся обычно на верху таких капканов, был снят, иначе Аренд и лошадь не отделались бы так легко. Все охотники немало посмеялись над этим единственным приключением Аренда. Я говорю "все", потому что и сам добродушный Аренд смеялся не меньше других. Но приключения в девственной глуши были не по его части; вот в большом городе - там у Аренда с его тонким лицом и стройной фигурой не было бы недостатка в романтических приключениях, стоило бы ему только пожелать. Но и к подобного рода приключениям Аренд не питал склонности; им всецело владела одна мысль - поскорее вернуться в Граф-Рейнет. Так, по крайней мере, обстояло дело по словам Виллема, который, красноречиво подмигивая, присовокуплял при этом что-то относительно "румяных щечек и голубых глазок".

И все же Аренду суждено было до возвращения домой пережить вместе со своими товарищами еще одно приключение, не только последнее в этой экспедиции, но едва не ставшее последним в их жизни.

Из цветущей долины охотники перенесли лагерь в другую долину, тоже похожую на цветник, но совсем иного рода: и здесь цвели ноготки и пеларгонии, но преобладали разные виды молочая вперемежку с кактусами и другими мясистыми растениями.

Над их головой высилось дерево молочай, а у ног пробивались из земли разновидности молочая, напоминавшие дыню. Было здесь и множество ядовитых растений. Ядовитый молочай рос бок о бок со смертоносным цветком белладонны. Охотники, как видно, попали в уголок земли, где царили растения, источающие яд.

И все же картина, представившаяся их глазам, была прелестна: цветы, свежие и яркие, как и всякие другие цветы, разливали благоухание в воздухе; среди ветвей резвились птицы; пчелы жужжали и гудели над цветами, оживляя дикий уголок и навеявая усталым путникам приятные воспоминания о родных местах.

Разбив лагерь, охотники расположились отдохнуть, как вдруг вниманием их завладела птичка, усевшаяся на ближний куст. Она заинтересовала их отнюдь не своей внешностью: скромно окрашенная - коричневато-пепельная на спинке и сероватая внизу, - величиной с зяблика, она щебетала какое-то бесхитрое "кви-кви-кви". Словом, наружностью птичка не привлекала к себе внимания. Но юноши знали об одной ее любопытной особенности: маленький летун, перепархивавший с веточки на веточку, вскидывавший хвостик и выводивший свое "кви-кви-кви", был знаменитый медоуказчик.

Во время экспедиции эта птичка не раз уже попадалась им на глаза, и Ганс сообщил им много интересного о ее привычках. Перепархивая с куста на куст и с камня на камень, она ведет человека к гнезду диких пчел; здесь она терпеливо дожидается, пока человек не похитит медовые сокровища, и только тогда, опустившись у разграбленного жилья, лакомится личинками и остатками медовых сот. Юноши знали все это и по личным

наблюдениям. Однажды они последовали за медоуказчиком и удостоверились, что птица и в самом деле одарена этим удивительным инстинктом, в котором сомневались многие путешественники и натуралисты.

Ганс уже давно сообщил своим друзьям кое-какие сведения об этой птичке. Он рассказал, что медоуказчик, подобно кукушкам, подкидывает яйца в чужие гнезда, что известно несколько видов этих птиц. Основной их корм - мед и личинки пчел. Природа снабдила медоуказчиков очень плотной кожей, защищающей их от пчелиного жала. Правда, Черныш говорил, что плотная кожа не всегда спасает их: ему нередко случалось находить медоуказчиков мертвыми у пчелиных гнезд - они, как видно, были убиты жалом насекомых.

Да, все это было известно нашим охотникам, и маленький щebetун, усевшийся на соседний куст, не был для них незнакомцем.

Он появился очень кстати. Молодым охотникам хотелось раздобыть немного меда, потому что сахар у них весь вышел и нечем было подсластить кофе, а многим из них это представлялось настоящим лишением.

Все они, конечно, сразу вскочили на ноги, решив последовать за медоуказчиком, куда бы тому ни заблагорассудилось их повести. Они взяли с собой ружья и, что может показаться совсем уж странным, оседлали лошадей, чтобы следовать за медоуказчиком верхом.

Вас это, разумеется, удивляет, но, узнав, что медоуказчик нередко заманивает охотника миль на шесть - семь в глубь лесной чащи и приводит его иной раз к львиному логову или к жилищу носорога, а не к пчелиному гнезду, вы согласитесь, что подобные предосторожности были не лишними.

В ту минуту, когда они уже трогались в путь, очень своеобразный зверек внезапно "выплыл на горизонте". Зверек этот смахивал на барсука. У него были короткие лапы, задние его ноги ступали по земле всей подошвой, морда и хвост у него были совсем барсучьи, и мех его также напоминал мех обыкновенного барсука: на спинке пепельно-серый, на брюшке черный, а вдоль боков - от ушей до хвоста - светлая полоска. Однако он был крупнее барсука, почти достигая размеров американской росомехи, или вольверена, на которую тоже отчасти походил. В нем можно было обнаружить все особенности семейства барсуков, не богатого родами и видами, но имеющего по одному - два представителя в любом уголке земного шара. Зверек, появившийся перед охотниками, принадлежал к южноафриканскому виду этого семейства. Это был ратель, или медоед.

И этот зверек с весьма своеобразными повадками был тоже хорошо знаком нашим путешественникам: они знали, что он, подобно медоуказчику, охотник до сладкого и что это пристрастие заставляет его постоянно рыскать в поисках пчелиных гнезд и разорять их, если гнезда расположены в норках, откуда он выкапывает их своими приспособленными для рытья, как у таксы, когтями; если же гнездо расположено на дереве, то рателью не удастся достать его: на деревья он не лазает. Однако следы его когтей на коре у подножия дерева указывают охотникам-готтентотам, что в дупле - медовые соты. В дополнение к тому, что юноши успели узнать от Черныша и Конго, Ганс рассказал, что ратель водится по всей Африке и что натуралисты выделяют его, как и многие другие диковинные создания Африканского континента, в самостоятельный род. Кожа рателя, рассказал Ганс, настолько плотна, что пчелиное жало не прокалывает ее, и он, не страшась жужжащего кругом него роя насекомых, лакомится их сотами. Из-за неприятного запаха его прозвали "барсук-вонючка".

Ратель является постоянным спутником медоуказчика, который ведет его к сотам, подобно тому как он ведет человека. Утверждают, что в таких случаях медоуказчик, заботясь о том, чтобы барсук не потерял его из виду, летит совсем низко над землей и делает более короткие перелеты.

Было ясно, что ратель в данный момент как раз и следовал за медоуказчиком. Однако, набредя на отряд охотников, он сразу юркнул в чашу и пустился наутек. А ревностный проводник между тем снова двинулся в путь, на этот раз в сопровождении длинного "хвоста".

Птичка перепархивала с дерева на дерево, щебеча свое "кви-кви-кви", и, как видно, очень довольная своей новой "свитой"; охотники неотступно следовали за проводником. Ехали они совсем недолго: вскоре птица защебетала чаще, беспокойно закружила на месте, как бы указывая, что гнездо поблизости, затем уселась на ветку дерева и уже не двигалась с места; следовательно, соты находились здесь, в дупле.

Об этом можно было сразу догадаться: кора у корней дерева была вся кругом исцарапана и изодрана когтями рателя - как видно, многие из этих падких до меда зверьков были приведены в этот уголок, чтобы вкусить здесь одно лишь горькое разочарование.

Из лагеря были немедленно вызваны Черныш и Конго, явившиеся с двумя топорами, дерево повалено, пчелы выкурены, а медовые соты, кроме двух трех кусков, оставленных проводнику в награду за труды, отнесены в лагерь.

Пчелиная кладовая оказалась богатой. Шестеро охотников вместе со своими темнокожими проводниками устроили в этот вечер настоящее "медовое пиршество".

Глава III

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пир этот кончился печально. Лучше бы им никогда не находить этих сот или же оставить их на съедение птице и барсуку!

Не прошло и часа после роскошного ужина, как в отряде уже царил тревога. У всех у них пересохло в горле, жгло в груди, всех тошнило: пчелы собирали нектар с цветов ядовитого молочая и белладонны, и мед их был отравой!

Трудно описать ужас, охвативший отряд: ведь все до отвала наелись отравленного меда; его, на беду, было вволю. Они набросились на лакомство с тем большей жадностью, что вот уже несколько дней не видели растительной пищи. И теперь все до одного заболели, да еще так серьезно, что не могли помочь друг другу.

Каждый в уверенности, что он отравился насмерть, предавался отчаянию. Один только Ганс сохранил присутствие духа. Он призвал на помощь все свои знания, вспоминая всевозможные противоядия. И, конечно, юноши были обязаны спасением своей жизни тем слабительным и рвотным порошком, которые оказались под рукой и были щедро розданы Гансом.

Да, жизнь их была спасена, отравление ни для одного из них не кончилось смертью, но болезнь долго не оставляла их, и еще много дней юноши, изменившиеся до неузнаваемости, уныло бродили, как тени, по окрестностям лагеря или в молчании понуро сидели вокруг походного костра.

Встряска была так сильна, что о продолжении экспедиции нечего было и думать. Они только ждали дня, когда окрепнут настолько, чтобы пуститься в обратный путь. Итак, скоро уже осуществится тайное желание Аренда - скоро он опять увидит прелестную Трейи, услышит ее мелодичный голос; Гендрик при всей своей любви к охоте не меньше его стремился вернуться домой и сложить охотничьи трофеи к ногам зардевшейся Вильгельмины; Клаас и Ян тосковали по домашним пудингам и сладостям; да и Ганс, уже собравший богатую коллекцию образчиков местной флоры, стсемился к родному очагу.

И только один неутомимый бродяга и великий храбрец Виллем рвался продолжать путь и перевалить через горный хребет, отделявший их от страны слонов, буйволов и жирафов. Да, Виллем во что бы то ни стало двинулся бы дальше, будь его спутникам под силу сопровождать его; но это было им не по силам, и знаменитому охотнику скрепя сердце пришлось уступить, хотя он столько лет лелеял заветную мечту испробовать свой громобой на могучих толстокожих, бродивших далеко от границ их колонии. Правда, его огорчение несколько смягчала надежда предпринять в недалеком будущем новую экспедицию, к берегам живописной реки Лимпопо и к обиталищам гигантских слонов.

Эта надежда утешала его в ту минуту, когда он, сев на доброго коня, вслед за фургонами тронулся в обратный путь.

По дороге домой к юношам понемногу возвращались силы; когда же они достигли рубежей Грааф-Рейнета, исчезли все следы заболевания, и они вернулись домой здоровыми и невредимыми.

Что рассказывать вам о сердечной встрече, ожидавшей молодых охотников под родимым кровом ван Вейка и ван Блоома! А как очаровательна была Трейи, и как нежно зарделась Вильгельмина! И что говорить о роскошном пире, на который собралось столько званых гостей, именитых соседей-буров, чтобы отпраздновать возвращение молодых охотников!

1 Нимврод - легендарный библейский царь и охотник,

2 Гелиогабал - римский император с июня 218 года по март 222 года н.э.

3 Керн - каменная могильная насыпь у северных народов.

4 Герпетология - наука о пресмыкающихся.